

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Н. С. Астанина

Верстка: О. Н. Вялкова

4/2023

Содержание

ПРОЗА

Владимир ЧОЛОКЯН. Оценка для учителя. Роман. Продолжение.	3
Володя ЗЛОБИН. Петрикор. Рассказ.	73
Инна ДЕВЯТЬЯРОВА. Двадцать семь драгоценных жемчужин. Рассказ.	87
Иван ГОБЗЕВ. Режим бота. Рассказ.	116
Олег САФОНОВ. Генетический брак. Рассказ.	127

ПОЭЗИЯ

Алексей ГУШАН. По Мещёре. Стихи.	69
Андрей ПОДУШКИН. Обратный исход. Стихи.	151

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Литературная премия «Иду на грозу»</i>	
Элинор ПЭЙТ. Дом для неясности. Как дети под руководством ученых спасли заповедных сов.	154
<i>Народные мемуары</i>	
Сергей ПРОХОРОВ. Кирзакки, труба и танцы. Армейские рассказы.	166

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий ИВАНЧЕНКО. Формулы невозможного. Люди и схемы русской фантастики.	172
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Издано в Сибири.	186
------------------------------	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Вера КОЛОДЕЗЕВА. Художник Сергей Меньшиков: мастерство, труд, импровизация.	188
---	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала “Сибирские огни”» М. Н. Щукин.

Владимир ЧОЛОКЯН

ОЦЕНКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Р о м а н

* * *

Сергей проснулся к полудню и решил, что сегодня останется дома. Неотложных дел у него не нашлось, поэтому можно было расслабиться. В результате он лазал в интернете до вечера, пока не пришла мать.

— Что, сидишь? — с порога спросила она.

— Сижу, а что делать? — непонимающе ответил сын.

Мать вошла к нему в комнату, бросила сумку на диван и сама опустилась рядом с ней.

— Ну сиди-сиди. И я посижу.

В ее тоне было что-то необычное, тревожащее, и Сергей поспешил спросить:

— Случилось что?

— Да нет, сынок. Ничего. Ничего такого. Просто...

Она замолчала, и Сергей понял, что это не обычная пауза. Не договорив, мать начала рыдать.

— Ты можешь объяснить, что произошло?

Встав из-за компьютера, он кружил вокруг нее, ища, с какой стороны подойти, чтобы успокоить. Наконец придвинулся вплотную и прижал ее голову к себе. Мать продолжала всхлипывать.

— На работе какие-то проблемы?

— Нет у меня больше работы, Сережа... Всё.

Новость прозвучала ошеломляюще, словно кто-то подошел сзади и ударил по затылку.

— Как?

— А вот так! — грубо ответила мать. — Не знаю, что ты там натворил, но спасибо, сынок, большое!

Ее настрой вмиг изменился, теперь в ней кипела злость. Мать посмотрела заплаканными глазами на Сергея и отвернулась к стене, выражая так свое презрение.

— Я-то тут при чем?

— Это ты мне объясни! Кому ты перешел дорогу? Говорила я тебе: думай головой, прежде чем что-то делать!

Постепенно Сергей начал понимать, что произошло. Однако, как говорят в Одессе, понимать и верить — две большие разницы.

— Что тебе сказали?

— Сказали, пиши, мол, по собственному. И передай привет сыну.

Немного успокоившись, мать ушла в свою комнату. Весь вечер они об увольнении не упоминали, словно ничего не случилось. Поужинали молча.

Однако Сергей завелся не на шутку. Если это происки Бокарова, то почему только сейчас, спустя столько дней? И почему это коснулось матери, а не напрямую его, Сергея? Мать-то тут каким боком?

Он накинул пальто, обулся и выскользнул на лестницу.

На первом этаже около мусоропровода грелись и распивали вонючий алкоголь какие-то скрюченные мужички с распухшими физиономиями. Несколько дней назад Сергей видел, как одного из них выгоняла соседка. Теперь же они расположились так, словно занимали это место по праву.

На углу дома с давних времен стоял газетный киоск. Местные по старинке именовали его «Союзпечать», нынешнее название «Точка» приживалось с трудом. Сергей, который позабыл перед выходом глянуть на часы, надеялся, что киоск еще не закрылся.

— Добрый вечер. Номер «ЖБГ», пожалуйста.

— Кого? — не поняла бабка-продавщица.

— «Журналистика без границ». Газета такая, — уточнил Сергей, застегивая пальто.

Бабка, почесав шею, ответила:

— Не, у нас такого нет. Через дорогу перейди — в переходе, может, будет. Или вон в «Ландыше», у Тани, стеллаж справа. Если она еще не ушла...

Сергей побежал в продуктовый магазин «Ландыш». Он выскочил из квартиры без шапки и шарфа, рассчитывая быстро вернуться обратно, и теперь ощутимо мерз.

Пожилая женщина уже накрывала стеллаж с газетами пленкой, когда объявился поздний покупатель.

— Здравствуйте! У вас нет свежего номера «ЖБГ»? — Сергей переминался с ноги на ногу, чтобы согреться. В магазине тоже было прохладно.

— Тридцать рублей.

— Можно картой?

— Переводом только. Вот номер. — Женщина протянула бумажку с нацарапанными ручкой цифрами.

Пока грузилось приложение, поинтересовалась:

— Что, правду ищите?

— В каком смысле?

— Ну газету такую покупаете... Правду ищите? — повторила женщина.

Сергей, переведя нужную сумму на указанный телефон, протянул руку, чтобы взять газету.

— А есть она вообще? — Ничего умнее ему в тот момент в голову не пришло.

— Есть, — ответила продавщица уверенно. — Но у каждого своя. Тут тебе ее не напишут.

Она демонстративно потрясла газетой, прежде чем передать ее Сергею. С тем он и ушел. Точнее, убежал.

Влетел в подъезд и стал пешком подниматься по лестнице, громко топая, чтобы согреться. К пятому этажу совсем запыхался и остановился. Развернул газету.

Его физиономия была на первой полосе, а рядом красовался заголовок: «Конфликт учителя и кандидата в губернаторы Бокарова».

— Черт...

Фото праздничного мероприятия по случаю юбилея гимназии было взято с ее официального сайта. Сергей там стоял рядом с завучем Ларюшиной. Случайный кадр, но какой колоритный! Наверняка Ларюшина будет не в восторге от такой славы. Когда делали фотографию, Сергей еще никого из учителей не знал, он всего месяц работал в гимназии. И ведь не поленились прошерстить интернет, журналисты...

Развернув газету на нужной странице, Сергей быстро пробежал глазами текст. Его рассказ был, конечно, сильно сокращен, но суть передана верно — ничего не переврали, отсебятины не внесли. И имена все были даны полностью: Анатолий Викторович Бокаров, его сын Марк... Конец статьи украшала фотография, которую сделали уже в редакции. На ней Сергей выглядел каким-то потерянным, с взъерошенными волосами — в общем, жалким.

Удивляло то, с какой скоростью информация дошла до Бокарова. И при чем тут мать?

Последнее волновало Сергея больше всего. Если он со своими проблемами уже почти сжился, то для матери потеря работы была настоящей трагедией. Она всю жизнь служила на почте оператором, а выйдя на пенсию, устроилась в местную библиотеку. Работа была спокойная, коллектив ей нравился. Человеку после пятидесяти в принципе трудно найти хоть какое-то место, поэтому за свое мать держалась крепко. А теперь — куда она?

Сергей молча положил газету на обувную полку в прихожей и побежал в ванную греть руки под струей теплой воды.

— Ты теперь звезда?

— Не слышу, — ответил сын.

Мать швырнула газету на пол.

— А обо мне ты подумал?! Зачем связываться с такими людьми?

— Что я мог сделать?

— Я думала, что правильно тебя воспитала.

Сергей понимал, что судит она только по фотографии на первой полосе и броскому заголовку. Он поднял с пола газету и передал матери:

— На, прочитай сначала. А потом говори.

После чего закрылся в своей комнате и стал рыскать по интернету, вводя в поисковик один и тот же запрос в разных формулировках. Новость перепечатало только несколько местных изданий и всё. Даже комментарии никаких не было. Сергей открыл страницу Марка в социальной сети — мало ли... Стандартный детский бред: глупые картинки, видео с машинами и множество записей в духе «Марк заработал тридцать пятый уровень в игре Royals and Punks». Сергей предположил, что это та самая игра, в которую Бокаров-младший играл на уроке и из-за которой нахамил.

Что теперь делать? Каков должен быть следующий шаг? Соглашаясь выставить на всеобщее обозрение свой позор, Сергей ожидал, что последует мгновенная реакция, что о нем и о Бокарове заговорит весь город. Разве не для этого работают СМИ, разве они не рупоры общественного мнения?

Он метался по комнате, не находя себе места, не понимая, как быть дальше. На мгновение его охватила паника. А вдруг всем действительно наплевать и единственное, что он получил, это потерял возможность работать по своей профессии, как и обещал Бокаров? Вдруг его куда-то теперь не возьмут? Чтобы это узнать, требовалось сходить в школу и поинтересоваться результатом проверки его документов. А заодно и в редакцию заглянуть.

Сергею очень хотелось поговорить с кем-то, кому можно все рассказать честно и без напускной бравады. Олега он дергать не решился. Может, попробовать открыться Лене? Должна же она знать, что происходит с ее парнем.

Несмотря на поздний час, он взял телефон и набрал знакомый номер. Гудки, еще гудки... Сброс. Хм... Связь в его комнате всегда работала нормально, но на всякий случай он подошел к окну. Гудки, гудки... Тишина. Наконец Лена подняла трубку.

— Привет, Ленусик, — произнес Сергей. Он никогда не называл ее так, но сейчас вдруг слетело с языка.

Из трубки до него приглушенно доносился разговор на повышенных тонах. Второй голос мужской. Видимо, отец.

— Алло-о? Лена!

Бум! Это как надо приложить межкомнатной дверью, чтобы грохот был слышен даже в телефоне.

— Не звони мне! — прошипела Лена и бросила трубку.

Сергей минуту стоял в недоумении. Затем снова набрал номер. Звонок прошел, трубку взяли, на экране появился таймер, который отсчитывал секунды вызова. Опять слышался грубый разговор в отдалении, но Сергей не мог разобрать, о чем идет речь. Похоже, телефон спрятали в стол или сунули на полку микрофоном к стене. Доносились лишь отдельные слова:

— Не вздумай... никогда... с ним... если узнаю... смотри...

Сергей прервал вызов. Он смотрел на окна дома напротив, почти все они горели разными оттенками желтого и оранжевого. А в одной квартире свет был розовый, и это окно выделялось из ряда себе подобных.

«Интересно, каково находиться там, внутри?» — подумал Сергей. Мысль была странной, совсем не о том, что в действительности его волновало.

Через некоторое время зазвонил телефон.

— Ты идиот! — раздалось из динамика.

Сергей молчал.

— Зачем было это делать?

Сергей молчал.

— Что ты молчишь?!

Выдержав небольшую паузу, он спросил:

— Что происходит?

— Это ты скажи мне, что происходит! — Лена начала было кричать, но тут же перешла на шепот. — Отец в ярости. Говорит, если еще раз с тобой увижусь — выселит из дома.

— Он шутит, — неуверенно предположил Сергей.

— Мой отец никогда не шутит! Ты же знаешь, где он работает.

— Не знаю.

— Потому что ты никогда меня не слушаешь! — Лена помолчала. — Не звони мне больше!

— Ты подчинишься отцу и откажешься от меня? — уточнил Сергей.

Короткие гудки.

Непонятно, как реагировать на такое. Огорчиться? Разозлиться? Сергей просто пожал плечами: он не верил в серьезность этих заявлений. У таких, как Лена, настроение меняется семь раз в неделю. Как только она захочет в кино и пряный раф — тут же найдет способ проигнорировать запрет отца. Кем тот работает, Сергей действительно не знал, но его это сейчас мало волновало.

Его по-настоящему занимало только одно: что делать дальше?

С этой мыслью он и уснул сильно за полночь.

* * *

На другой день Сергей решил первым делом поехать в редакцию, а в школу сходить потом, ближе к концу занятий, чтобы поменьше посторонних пугалось под ногами. Добравшись на автобусе до центра города, он нырнул в арку неприметного старого дома и оказался у знакомой двери. Постучал. Еще раз. И еще. Тишина.

Как попасть внутрь? Ну почему он так и не спросил у Вали номер телефона...

Сергей уже собирался обойти здание вокруг и побарабанить в окна, когда дверь наконец открылась.

— А, это ты... Заходи.

Аня повернулась к нему спиной, миновала темный коридор и, пригнувшись, вошла в длинное безлюдное помещение. Сергей поспешно проследовал за ней. В редакции стояла тишина, только монотонно гудели вентиляторы компьютеров. По одному из мониторов вяло ползла шкала обработки видео. Было очень душно. Аня села на свое рабочее место и, не обращая больше внимания на Сергея, принялась печатать.

— А Валя будет сегодня? — спросил Сергей.

— Будет. Они только что уехали.

— Надолго?

Аня повернулась к нему и со своим обычным отрешенным выражением лица ответила:

— Без понятия. Часа на два.

Не зная, куда себя деть, Сергей бездумно разглядывал стены.

— Да чего стоишь? Сядь. Вон, на место Макса.

Сергей послушно сел. На столе перед ним валялось и стояло множество самых разных предметов: флешки, книга по саморазвитию, несколько потрепанных блокнотов, органайзер в виде черепа со срезанной верхушкой. Были даже фантики от конфет и две помятые упаковки жвачки. В общем, царил творческий беспорядок.

Сергея несколько тяготило повисшее молчание, и он решил выяснить что-нибудь у Ани, раз не застал Валентину:

— Я, в общем-то, хотел узнать, как... какая реакция на статью... у общественности...

Аня печатала. Сергей продолжил под щелканье клавиш:

— Мало ли... Может, сам Бокаров сделал заявление... или из гимназии подали голос...

Щелканье прекратилось.

— Пока рано говорить. Пара дней пройдет — тогда и видно будет.

Сергей не хотел ждать пару дней. Ему надо было все и сразу. С одной стороны, у него теперь полно времени, а с другой — долго без работы не просидишь. Ему нужна была хоть какая-то определенность.

— У вас вообще аудитория большая?

— Нормальная. На сайте точно, а что до газет... Старшее поколение покупает, читает. Печатаем, пока рентабельно. — Аня наконец отвернулась от монитора и теперь смотрела на Сергея. — Половина торговых сетей с нами работать не хочет, так что объемы, если честно, скромные.

— А видео?

— Сюжеты? Это для канала на YouTube. Мы там даже название другое используем, чтобы напрямую не ассоциировалось с газетой...

Она снова уставилась в экран.

— Там пока немного подписчиков, но динамика хорошая.

Вот почему Сергей и не наткнулся на их канал: он даже не пробовал искать по какому-нибудь другому названию. Странная логика! А что бы и не ассоциироваться?

Просидев в редакции минут сорок, Сергей обнаружил, что засыпает. Тут была какая-то совсем не рабочая, убаюкивающая атмосфера: батареи жарили, потолочные лампы едва освещали офис, от пересушенного и наэлектризованного работающей техникой воздуха щипало в носу.

— А зачем вы окна зашториваете?

— Чтобы поменьше привлекать внимание. Недоброжелателей у нас хватает.

Сергей лениво встал и подошел к шторам. Темные, из плотного материала. Похожи на театральный занавес. Подоконник был весь в пыли,

рамы в паре мест вместо стекол забиты фанерой. Через мутные, в разводах окна видна была улица: двое рабочих выгружали коробки из старой «газели» и носили в магазин напротив, дворняжка пыталась вытащить из урны серый пакет с эмблемой местного супермаркета, синий «патриот» заехал на тротуар и кого-то ждал. От старых чугунных батарей веяло таким жаром, что к ним нельзя было прикоснуться.

— Можно я окно приоткрою — проветрить?

Аня кивнула.

Старые рамы разошлись и не поддались с первого раза. Сергею показалось, дерни он за ручку сильнее — и все посылется. Но нет: аккуратно придержал створку рукой, и она открылась. Морозный воздух постепенно заполнял комнату, дышать стало легче.

— А как канал ваш называ...

В дверь постучали.

— Хоть не два часа ждать! — обрадовался Сергей, разворачиваясь в сторону коридора. — Я открою?

Аня резко подняла указательный палец. Сергей замолк.

Снова стук. Даже удивительно, как его из офиса редакции хорошо слышно. Видимо, потому что дверь железная.

— Что?..

— Это не наши, — полусшепотом ответила Аня. — Наши бы ключом открыли.

Опять стук, уже более настойчивый. Сергею стало не по себе. По телу пробежал холодок. То ли дуло из открытого окна, то ли...

Теперь уже удары сыпались градом, не останавливаясь. Судя по звукам, били ногами, и не одной парой. Сергей подошел к окну и чуть отогнул штору. Улица была пуста.

— Спрячься, дурак! — прошипела Аня, махнув рукой так, что чуть не опрокинула монитор.

Сергей сделал два шага назад. В дверь продолжали тарабанить. Назойливый металлический лязг звучал, казалось, уже в голове, и никуда от него было не деться.

«Недоброжелатели, говоришь...» — подумал Сергей.

Все это время Аня активно тыкала пальцем в телефон, пытаясь дозвониться до остальных членов редакции. Но связь в помещении была скверная. Старинные толстые стены не выпускали радиосигнал наружу.

— Может, хоть эсэмэс отправится... — пробормотала Аня.

Сложно сказать, сколько прошло времени, но казалось, что целая вечность. Стук резко прекратился. Тишина отчего-то пугала еще сильнее.

— Что будем делать? — спросил Сергей, стараясь говорить как можно тише.

— Не знаю.

Аня сидела закрыв глаза и обхватив голову руками. Непонятно, думала о чем-то или просто пыталась успокоиться. Сергей чувствовал, как сильно бьется у него под толстовкой сердце. С той же частотой, с какой минуту назад долбили в дверь.

— Мне кажется, надо прове...

Внезапный грохот заполнил комнату. Что-то большое рухнуло, и слышался топот множества ног. Сергей растерялся и, не зная, куда деться, присел на корточки возле батареи, прижавшись спиной к ее обжигающим чугунным ребрам.

В редакцию влетели трое в масках и черной форме. И с оружием.

— Всем на пол! Руки за голову!

Сергей продолжал сидеть, будто примагниченный к батарее. И через мгновение уже лежал на грязном полу, разглядывая потертые берцы людей перед своим носом. Громкий голос Ани доносился откуда-то сверху: слава богу, у нападавших хватило ума девушку на пол не швырять.

Удостоверившись, что в редакции только двое, вояки поумерили пыл.

В помещение вошел мужчина в гражданской одежде, с черной папкой в правой руке. Он осмотрелся и тяжело вздохнул, будто выпустил пар:

— Поднимите его.

Приняв вертикальное положение, Сергей увидел знакомое лицо майора Канькина. Тот шумно дышал ртом и выглядел не лучшим образом: бледный, болезненный.

— Где главная ваша? — спросил майор, смотря куда-то сквозь всех.

Непонятно было, кому адресован вопрос.

— Работает, — послышался ответ Ани.

Она стояла у стены между двух полицейских.

— Нароботались. Мужики, пакуйте технику.

Спертый воздух редакции был явно неприятен Канькину. Майор пошел ближе к Сергею, словно чувствуя, что у того за спиной открыто окно. Рядом на столе лежала небольшая стопка свежего номера газеты.

— Вот это в первую очередь выкиньте! — приказал Канькин, тыча пальцем в лицо завуча Ларюшиной на первой странице.

Он повернулся к Сергею и наконец внимательно его рассмотрел.

— А, это ты... Сочувствую.

Буквально через несколько минут послышался скрежет ключа в замке железной двери. В комнату влетела Валя, за ней оператор и третий журналист, Макс. Получается, группа правоохранителей вломилась через другую дверь. Интересно какую?

— Что здесь происходит? — сходу начала кричать Валя.

— Следственные мероприятия. Изымаем технику.

— Эй! От компьютера отошел!

Подбежав к человеку в форме, Валя начала вырывать у него из рук системный блок. Второй полицейский взял ее за плечи и оттянул в сторону, чтобы не мешала. Она сразу угрожающе двинулась к майору:

— Канькин, ты охренел?! Это что за дела?!

— У меня приказ — изъять всю вашу технику на экспертизу.

Валя с красным лицом и растрепанными волосами выглядела как фурия.

— На каком основании? Покажи ордер или постановление, что там у вас обычно выписывают!

Майор достал из папки документ. Валя полминуты его рассматривала.

— Ерунда какая-то! Что за формулировка вообще — «порочащие честь»?

Канькин перевел взгляд на стоящего рядом Сергея. Тут Валя все сразу поняла.

— Ага, вот оно что! Значит, хороший материал получился, а? — с издевкой прошипела она.

— Даже слишком, — сухо подтвердил майор и закашлялся.

Сергей взмок. Он чувствовал, как по спине и ногам текут ручейки пота.

Аня с Максом разговаривали о чем-то вполголоса в стороне.

В углу оператор ковырялся в компьютере. Люди в форме делали вид, что не замечают этого. Они отсоединяли оставшиеся системные блоки и ставили их на стол вплотную друг к другу. С тыльной стороны блоков кое-где, как корни выкорчеванных кустов, беспорядочно свисали провода.

— Это же беспредел! Ты сам-то понимаешь? — Валя металась по кабинету взад-вперед.

Она рвалась сопротивляться происходящему, но понимала, что раунд проигран и сделать ничего нельзя.

— Нет, — буркнул майор неубедительно.

— Все, что написано в статье, — правда! Вот свидетель стоит. И главный участник.

Валя показала пальцем на Сергея. Тот отошел от батареи и стоял, опершись на тумбочку, где был бойлер с водой.

— Правду на хлеб не намажешь. Что мне с этого?

— Совесть-то у тебя есть? — сквозь зубы процедила Валя.

Красный цвет на ее лице сменился розовым, но глаза продолжали гореть. Она щурилась и смотрела на майора с нескрываемым презрением.

— Не было бы у меня совести, вы бы сейчас лежали мордой в пол. И ничего впопыхах с жестких дисков бы не качали, — возразил майор, показывая пальцем на оператора.

Сергей не понял, какого черта тогда его швырнули на пол.

— Ой, ну спасибо...

— Знаю, что благодарности от тебя не дождешься, Валентина. Но, считайте, вам крупно повезло, что я убедил начальство поручить эту работу мне. Сюда хотели отправить такого персонажа, что мало не показало бы никому.

Валя отвернулась. Она подошла к своему столу и выгребла оттуда две папки с документами. Рассовала по карманам флешки, взяла документы в охапку и кинула возле выхода.

— Что дальше? — спросила она.

— Удалите с сайта статью. Сегодня с утра по киоскам ездит рейд и изымает тираж газеты.

— Тоже ваши дружки?

Канькин высморкался в платок.

— Нет. Те шуток не понимают. Совсем.

Люди в форме сняли со стеллажей оставшиеся бумаги, рассовали их по пакетам и пронумеровали. Потом начали выносить во двор.

— Не стыдно вам этим заниматься? — спросила их Валя.

— Это их работа, — отрезал майор. — А тебе думать надо было, на кого зубы скалишь. Какого итога ты ожидала? Что тебе спасибо скажут за эту статью?

— А это уже *наша* работа. Мы тут не для того, чтобы греть задницу на теплом местечке и плясать под дудку начальства. Мы пишем правду, единственные в городе!

— И читают вашу правду полтора пенсионера, — съязвил майор. — Не надо этой возвышенной болтовни. Дураки вы, вот кто! Разозлить такого человека — это приговор. Еще и перед выборами... Мой тебе совет: никогда больше такого не пиши.

— Нас закроют? — вклинился в разговор Макс.

— Это уже суд решит. Но помещение мы опечатаем, так что личные вещи советую забрать. Поедете с нами в участок, там подпишете заявления...

— А я? — вырвалось у Сергея.

— А ты вали отсюда.

Сергей взял пальто и вышел в коридор. Боковая дверь, ведущая в подвал, валялась на полу. Вот как полицейские попали внутрь!

Во двор следом за ним вышли оператор и Валя. Они достали сигареты.

— Не курю, — отверг предложение оператора Сергей.

— Ты зачем пришел? — спросила Валя.

— Хотел узнать о реакции на статью.

Оператор засмеялся:

— Узнал?

Сергей не ответил. Он разглядывал грязный снег возле стены, следы берцов на металлической входной двери. Вроде даже вмятины остались. Но эту дверь хотя бы не выломали.

Рядом с синим «патриотом» стоял «соболь». Из него вылез Кирилл.

— Как обстановка?

— Жопа, — ответила Валя.

Кирилл стрельнул сигарету у оператора.

— Кинь в машину. — Аня передала ему несколько папок.

— Всё?

— Самое важное на флешках. Это просто на память. А остальным пусть подавятся, — ответила Аня.

Кирилл отошел к машине, сложил документы на переднем сиденье и больше не подходил.

— Что теперь делать будете? — спросил Сергей.

Медленно выдыхая табачный дым, Валя смотрела сквозь него на машину Канькина, словно пытаясь скрыть ее с глаз дымовой завесой.

— А ты?

— Не знаю.

Швырнув бычок под ноги, Валя ответила:

— Мы продолжим работу. Только теперь без офиса.

— И без печати, — добавила Аня. — Хрен какая типография решится с нами работать.

— Следующий ход за нами, — сказал вдруг Сергей. — Нельзя это так оставлять!

Валя хмыкнула:

— Ого, как заговорил! Поймал боевой настрой?

Сергей немного смутился:

— В покое меня вряд ли оставят. Так что выбор небольшой.

— Это точно! — хмыкнул оператор.

Люди в черной форме вытаскивали из редакции системные блоки и ставили на снег.

— Продиктуй номер. Если что придумаем — дам знать, — сказала Валя.

— Скажи свой, а я тебе позвоню, — предложил Сергей.

Валя сказала. Через несколько секунд в кармане ее куртки завибрировало. Она достала телефон и вбила номер Сергея в адресную книгу.

— Готово.

Из редакции вынесли последние вещи. Майор сообщил, что конфискованное увезут отдельно, и приказал журналистам садиться в машину. Макс, Аня, Валя и оператор заняли весь салон. Люди в форме остались караулить изъятое. Миновав арку, синий «патриот» свернул направо и исчез из поля зрения. Кирилл завел свой «соболь» и вырулил следом.

Сергей отправился в школу.

* * *

Проскользнув в открытую кем-то до него калитку, он попал на территорию школы, вошел в здание и, не раздеваясь в гардеробе, поднялся к единственному знакомому кабинету. Закрыто. В школе в это время работали только группы продленного дня, так что взрослых было мало.

Заметив в конце коридора Андрея Владимировича, Сергей направился к нему:

— Здравствуйте!

— А, это вы, — сказал тот. — Как ваши дела?

— В порядке. Хотел узнать, что там с моими документами, но кабинет закрыт.

Андрей Владимирович взял Сергея за плечо и повернул в противоположную сторону.

— Зайдите в бухгалтерию, это ведь они проверяют.

— Спасибо.

Постучав ради приличия и тут же повернув дверную ручку, Сергей оказался в кабинете, где располагалась бухгалтерия. За компьютером сидела девушка лет тридцати с заспаным лицом. Около нее стояла пожилая женщина и выпытывала что-то по поводу начисления денег. Они вроде бы спорили, но, как это обычно бывает в школе, негромко.

Сергей подошел ближе, и девушка его заметила.

— Вам чего?

— Я вчера подавал документы для приема на работу. Хотел узнать результат.

— Да рано еще... Ваша фамилия?

Сергей назвал.

— Сергей Павлович? К сожалению, еще идет проверка.

— Давайте мы сначала решим вопрос с оплатой моего больничного! — вмешалась женщина, бросив недовольный взгляд на вошедшего.

— Погодите-ка, — сказала девушка себе под нос и что-то быстро набрала на клавиатуре. — Странно...

— Что? — спросил Сергей.

Девушка развернула к нему экран монитора и показала ручкой на пункт в таблице.

— На вас стоит блокировка в министерстве образования.

— А причина?

— Здесь не написано. Просто система не дает отправлять документы дальше.

— И что делать?

Девушка пожала плечами:

— Не представляю. Первый раз такое вижу.

— Может, ошибка какая-то. Сходите туда лично, узнайте, — посоветовала пожилая женщина.

Идти в министерство Сергей не собирался. Пустая трата времени. Он и так знал причину. Интересно другое: блокировка — это часть наказания, обещанного за двойки Марка, или новый удар после статьи? Если первое, то это еще было как-то ожидаемо. А если второе... Ударов уже обрушилось несколько: увольнение матери, запрет на работу, испорченные отношения с Леной. Чем еще можно усложнить жизнь простого учителя?

Сергей надеялся встретить Надю, хотя время уже было позднее. Он заглянул в учительскую — никого. Даже свет не горел. Где же она подрабатывала? В поисках кабинета физики Сергей два раза прошел по коридору второго этажа, затем поднялся по гранитной лестнице на третий — и тоже не нашел. У половины кабинетов, кроме номера, не было никаких опознавательных знаков, так что случайному человеку и не разобраться, где какой предмет ведут.

На улице темнело. Небо немного прояснилось, и вместо туч по нему скользили легкие, тонкие облака, сквозь которые уже виднелась россыпь звезд. Мороз ощутимо покусывал кожу. Теплое дыхание оседало инеем на шарфе, руки стыли даже в перчатках. Сергей прибавил шагу и скоро оказался у подъезда Нади. В прошлый раз он запомнил номер квартиры, так что сейчас, не раздумывая, позвонил в домофон.

— Алё? — сказал незнакомый голос.

Сергей смутился. Может, все-таки ошибся?

— Надя?

— А кто спрашивает?

Голос звучал не то чтобы грубо, но неприятливо.

— Сергей... С работы.

— Иди, это к тебе... — Теперь обращались не к нему, а к кому-то в квартире.

Домофон пискнул, дверь открылась, и конца фразы Сергей не услышал.

Он поднялся на лифте до девятого этажа. Надя стояла у двери.

— Пошли туда. — Она показала на лестничную площадку, где был мусоропровод и деревянное окно с облупленным белым подоконником, и сказала, будто оправдываясь: — Не то чтобы я стеснялась матери, просто при ней нормально поговорить не получится.

— Ладно. — Сергей равнодушно пожал плечами.

— Что случилось?

В подъезде было довольно холодно. От заиндевевшего окна поддувало. Надя была одета в домашнее: тапочки, спортивные штаны, красную рубашку с коротким рукавом — только накинула на плечи «дутую» зимнюю куртку.

— Меня в школу не берут.

— Почему?

— В бухгалтерии сказали, что я заблокирован министерством.

Надя нисколько не удивилась такому повороту.

— А причина там написана?

— Нет.

— М-да...

Сергею не нравилось, что в бетонных стенах подъезда его голос звучит гулко, как в банке. Казалось, в соседних квартирах слушают их разговор.

— Это не всё. Редакцию газеты, где вышла статья, закрыли. Изъяли все оборудование.

— Так статья уже вышла? — спросила Надя таким тоном, будто до последней минуты думала, что Сергей шутит.

Этажом ниже кто-то открыл дверь квартиры, вышел, долго ковырял ключом в замке, а потом вызвал и ждал лифт.

Когда все стихло, Сергей ответил:

— Вышла. И ушла. По городу ездят какие-то люди и изымают напечатанный тираж.

— Даже не верится...

— У меня дома лежит экземпляр.

Надя посмотрела на него с опаской.

— Выкини. Мало ли...

— Ну уж нет!

Она переступила с ноги на ногу — то ли мерзла, то ли разволновалась.

— А в гимназии что-нибудь про статью говорят? — поинтересовался Сергей.

— Нет. Людям есть о чем поговорить и без этого. Мир же на тебе и Бокарове не замкнулся.

Он был с этим не согласен. Его мир как раз замкнулся и замер в ожидании невесть чего.

— Марк ходит в школу?

— Куда он денется! Сегодня, кстати, не охранник, а сам отец приехал его забирать. Я их в коридоре встретила.

— С чего такая честь?

Надя развела руками:

— Откуда я знаю?

— Урод! — злобно прошипел Сергей.

Из квартиры на площадке ниже вышел худощавый мужик в пляжных шортах, сланцах и толстовке с длинными рукавами. Он поднялся к мусоропроводу, извлек из-за него стеклянную банку, где в мутной воде плавали бычки, и встал рядом с Сергеем и Надей.

— Здарова, народ! — весело произнес он, щелкнул спичкой по мятому коробку, поднес пламя к сигарете и закурил взятяг. От него несло перегаром и луком.

Поднявшись на девятый этаж, Надя с Сергеем остановились возле лифта.

— Будь осторожен! — вдруг сказала она. — Ты связался с таким человеком... От него можно ожидать чего угодно.

— Я уже не знаю, честно говоря, куда дальше.

Немного помявшись, Надя попросила:

— Скажи свой телефон. Если что узнаю — наберу.

Они обменялись номерами.

— И, если что, ты лучше звони сразу мне, а не в домофон.

— Хорошо.

Надя скрылась за дверью квартиры, а Сергей, решив не вызывать лифт, стал спускаться по лестнице пешком.

— Спортсмен, что ли? — спросил мужик в шортах.

Сергей не ответил.

На втором занятии с Полиной выяснилось, что она «плавает» в некоторых базовых темах. Например, не знает слов, обозначающих овощи, фрукты и многих животных.

— Как будет «петух»?

— Чикен.

— Это курица. А мальчик?

Полина взяла паузу на раздумье.

— Не знаю.

— Коза?

— Не помню...

Сергей удивленно почесал голову.

— Белка?

Ответа не последовало.

— Хорошо. А единорог?

— Юникорн, — почти мгновенно ответила ученица.

— Носорог?

— Ри... риносерус.

— Верблюд?

— Кэмел.

Не сдержавшись, Сергей рассмеялся:

— То есть экзотических животных ты знаешь, а наших, которых можно вокруг увидеть, — нет? Интересно.

- Я видела носорога, а на верблюде каталась.
- Козу, хочешь сказать, не видела?
- Только на картинке.

Сергей понял, в чем дело. Если ребенок не видел животного и не знает, как оно выглядит, то, естественно, с трудом запомнит его название на другом языке. Стало даже как-то не по себе: девочка в свои одиннадцать лет, небось, где только не была! «А я вот верблюда только на картинке видел», — с грустью подумал Сергей.

Но правила есть правила: слова надо подучить. Тратить время урока на подобную ерунду показалось ему неправильным, поэтому он быстро продиктовал Полине двадцать основных видов животных, фруктов и овощей и сделал это частью домашнего задания. Другой репетитор, наверное, напечатал бы их к следующему занятию как раздаточный материал, но Сергей предпочел классический метод: если ученик пишет сам, то лучше запоминает.

После урока он снова сидел на кухне и дружески беседовал с Катериной. Она испекла яблочный пирог и, нарезав аккуратными кусочками, подала к столу.

- Нравится?
- Ошэн... — Сергей прожевал. — Очень неплохо.
- Мне кажется, немного суховат.

Катерина легонько сжала кусок пирога в руке, проверяя, вытекает ли начинка. Затем аккуратно откусила с краю и долго жевала. Она делала это так красиво, что при одном взгляде на нее разгорался аппетит. Сергей принялся за второй кусок.

- Любите готовить?
  - О да. Это моя слабость. А вы?
- Сергей усмехнулся:

— Разве что яичницу. В крайнем случае — пиццу.

Катерина положила надкушенный пирог себе на тарелку.

— Это очень успокаивает. Монотонный, сосредоточенный труд. Помогает отвлечься от мыслей о работе.

Сергей согласно кивнул, продолжая есть.

— Знаете, я вам даже завидую.

Перестав жевать, он непонимающе посмотрел на хозяйку дома.

— Во-первых, у вас, учителей, есть четкий график. Во-вторых, вы работаете с детьми. По сути, формируете их, лепите, как из глины. Это очень интересно! И так ответственно... А я по роду своей деятельности вынуждена общаться со всякими дураками и тратить уйму времени непонятно на что: встречи, обсуждения...

— Дети порой не самые приятные создания. Особенно подростки. Особенно когда их полтора десятка.

Катерина засмеялась:

— Ну да, вы правы. В каждой профессии есть свои подводные камни.

Полина спустилась со второго этажа, но на этот раз никуда мать не позвала. Молча взяла кусок пирога и ускакала обратно к себе.

— Сериал не смотрите?

— Знаете, последние серии показались мне действительно излишне жестокими для ребенка.

Сергей чувствовал, что его никуда не торопят и можно вести разговор до позднего вечера. Но после третьего бокала чая он все-таки засобирился домой. Лучше оставить темы для обсуждения на будущее. Да и неудобно как-то.

Чтобы не плутать в узких проездах между однотипными высокими заборами, он заранее вызвал такси по известному уже телефону и, подходя к шлагбауму, приметил знакомые «жигули» седьмой модели.

— О, так и знал, что снова ты! В такой район кто еще будет вызывать? — усмехнулся водитель.

В машине было тепло и накурено. На зеркале заднего вида без толку болтался целый ворох давно выдохшихся освежителей-елочек. Что-то монотонно, по-троллейбусному, гудело сзади, в подвеске. Помня, что Сергей — терпеливый слушатель, водитель умерил громкость магнитолы и ударился в воспоминания:

— Вот когда я на металлорезке работал, мы могли в день по пятьдесят баксов чистыми поднять. Это еще теми деньгами! А уж если завод какой подвернется — считай, праздник. Знаешь, как заводы называли раньше?

Сергей покачал головой.

— Клондайки! А мы, выходит, были золотоискатели. Если в первую волну попал, когда завод только закрыли, — это восторг, скажу я тебе! Кто просто хлам сдавал, который не прикручен... Ну знаешь, металлолома между цехами валялось море. За день полный камаз нагрузил — и привет. Бригада из пяти человек, сразу по два месячных инженерских оклада каждому. Люди поумнее, кто сек фишку, разбирали приборы измерительные, радиоточки, телевизоры... Из некоторых плат, говорят, даже можно было золото выковырять. Но я сам не видел, врать не буду.

Глядя в окно, Сергей представлял этих «золотоискателей», рыскающих по гибнущему заводу. Угрюмые, небритые, в лохмотьях — как первобытные люди.

— Потом, через пару месяцев, когда самое простое уже обобрали, приходили новые бригады, с инструментом, и резали проводку, рыли траншеи — доставали кабель, рельсы на путях пилили, снимали двери железные. С охраной если щедро поделишься — подсказут, где копнуть и в какой цех лучше наведаться.

Сергей уже не реагировал. Водитель углубился в прошлое и болтал без умолку, благо дорога была прямой.

— Вот я застал, когда «Электромеханику» разбирали. Я там полгода проработал. Сами бывшие работники первыми и побежали ее ковырять. А что — деньги не платят, а жрать надо. Время было такое, выносили вообще всё! Даже зарытые в войну бочки с отходами нашли. Уж хрен знает, что в них было. Жидкость какая-то ржавая. Локомотив маневровый при мне за неделю разобрали, в прицеп закинули, тягач подогнали — как и не

было никогда! Сколько в нем тонн, представляешь? А однажды какие-то умники в корпусе балки несущие стали срезать. Так и не смогли — только резаки затупили. Повезло дуракам! Построено-то все основательно. А щас там элитные дома отгрохали да магазины — вот и весь прогресс!

Водитель засмеялся, но смех был скорее похож на кашель: клокочущий и рыхлый, из глубины легких.

Когда въехали на оживленные улицы, у таксиста сразу появились другие темы для разговора: то его подрезали, то без причины ему сигналили. Теперь он сокрушался, откуда у людей деньги на такие дорогие машины и куда они все едут так поздно, в будний-то день. С этим Сергей был в целом согласен, но виду не подавал, чтобы мужик не принял это за поощрение разглагольствовать и дальше.

Наконец поездка завершилась, и Сергей вывалился из такси, утомленный болтовней и приключениями.

Возле подъезда стояла полицейская машина, и в нее грузили алкашей, которые повадились квасить на первом этаже. Вид у них был неважнецкий: красные рожи, распахнутые куртки, перемазанные в побелке штаны. Мужики не очень-то и протестовали: видимо, «обезьянник» был для них привычным продолжением посиделок.

— Ты ходил в школу? — с порога спросила мать.

— Ходил.

— Ну?

— Что «ну»? — переспросил Сергей.

Мать повысила тон:

— Сказали тебе чего?

— Ничего.

— То есть как это?

Она загородила дорогу к вешалке, не позволяя Сергею снять пальто.

— Дай раздеться, а?

— Ты мне можешь нормально ответить?

Кое-как избавившись от верхней одежды, Сергей нырнул в свою комнату и закрылся изнутри. Сказать ему было нечего, и он не видел смысла портить настроение на ночь. Ситуация и так приняла крайне неприятный оборот.

* * *

Утром, в половине девятого, Сергея разбудил телефонный звонок. Спросонья он даже не понял, кто это, и не стал отвечать. Лишь спустя полчаса информация достигла нужного отдела мозга. Он перезвонил по последнему номеру в списке вызовов.

— Привет... Чего хотел?

— Ты мне поддакивал просто так? — Олег явно недоумевал.

— Наверное, — ответил Сергей. — А о чем была речь?

— Мне к двенадцати привезут диван. Доставка до квартиры была платная, и я от нее отказался. Короче, его у подъезда выгрузят. Поможешь дотащить?

Сергей ненавидел таскаться с мебелью по подъездам. Как-то раз они отдавали свой старый холодильник тете Оле в деревню. В лифт он, естественно, не влез. Пришлось тащить по лестнице, но тети-Олин муж дядя Петя оказался тот еще помощник: то задирает свою сторону вверх, то не мог нормально развернуться на лестничной клетке. В дверях подъезда Сергей ободрал до крови предплечье, потому что зацепил им косяк. Чудом стерпел боль и не ослабил хват. Так что одна лишь мысль о повторении подобного вызывала у него ужас.

— Я так себе носильщик, сам знаешь.

— Он разобран. По частям занесем. Плевое дело.

Сергей секунду поразмыслил. Все равно отказать другу было нельзя.

— О'кей. Давай.

В зале мать смотрела телевизор на пониженной громкости. Сергей и забыл, что ни на какую работу ей теперь не надо.

— Доброе утро, — сказал он и прошел на кухню.

В ответ прозвучало указание:

— Голубцы доешь. Сколько они лежать будут?

Сергей поморщился:

— Утром? Я бутерброд с маслом съем, и нормально.

Мать тут же нарисовалась в проеме кухонной двери и двинулась к холодильнику.

— Значит, я их выкину! — заявила она.

— Сама съешь.

— Я уже ела. Не будешь — выкидываю.

Она открыла дверцу холодильника и схватила покрытую салфеткой тарелку. Выбрасывать голубцы было расточительством, поэтому Сергей поддался шантажу. Он надеялся смягчить мать своей сговорчивостью, но не вышло: мать молча удалилась в зал.

Затолкав в себя последний кусок голубца, Сергей вернулся к себе в комнату и час с небольшим просидел в интернете. Ему хотелось найти канал, куда выкладывали свои репортажи журналисты «ЖБГ». Это оказалось нетрудно.

— «Наша правда», — произнес вслух Сергей и усмехнулся.

Логотипом служила незатейливая картинка с буквами «Н» и «П». Любят же ребята аббревиатуры.

Число подписчиков канала — полторы тысячи — свидетельствовало о не слишком большой популярности, хотя для регионального СМИ даже это могло считаться неплохим результатом. У некоторых роликов было солидное количество просмотров. Особенно понравилось зрителям видео о бараках на Огородной. Больше пяти тысяч кликов — похоже, животрепещущая проблема.

Сергей с удивлением обнаружил, что сюжет о гневных протестах клиентов «СтройЛюкса» все же вышел и тоже набрал немало просмотров — три тысячи. Конец специально не обрезали: там был запечатлен налет правоохранителей. Возможно, именно это и стало причиной такой популярности этого видео.

Последний ролик на канале был загружен несколько часов назад. Прямое обращение редакции к зрителям. Сергей кликнул на него.

— Вчера работа нашей редакции была парализована сотрудниками полиции. Изъяты камеры, микрофоны, монтажное оборудование. Сама редакция опечатана. По какой причине? — вещала за кадром Аня.

Ее дикция и тембр голоса вполне подходили под определение «профессиональные».

На экране мелькали кадры редакции, в том числе сделанные вчера во время прихода полицейских. Лица людей в масках были криво замазаны, хотя в этом не было никакого смысла. Сергей тоже попал в кадр, но его замазали вообще целиком. Перестраховались? Если судить по ракурсу, снимала это сама Аня. И когда успела?..

— А все дело в том, что мы-то выполняем свою работу, и делаем это хорошо. Видимо, даже очень хорошо. Один всем вам известный человек — меценат, владелец половины промышленных предприятий города и его почетный гражданин Анатолий Бокаров — обиделся на нашу статью и решил избавиться как от газеты, так и от нас.

В этот момент на экране демонстрировалась нарезка из снятых официальным телевидением выступлений Бокарова, кадров его братания с членами правительства и прохода по коридору здания администрации. Логотип известного телеканала тоже был неаккуратно замазан, скорее как издевка.

— Речь о статье, вышедшей в самом свежем печатном номере газеты «ЖБГ». Статья рассказывала о конфликте Бокарова с учителем гимназии, который, руководствуясь собственной честью и принципами педагогики, отказался ставить незаслуженно хорошую оценку сыну Бокарова и получил за это в прямом смысле по морде...

Сергей поморщился.

— Мы считаем этот вопиющий факт свидетельством того, что вышеназванный бизнесмен зарвался от вседозволенности и возомнил себя хозяином города. А закрытие газеты — посягательством на свободу слова, на ее последний оплот в нашем регионе. Сейчас экземпляры «ЖБГ» изымаются из киосков неизвестными людьми, а членов редакции изгоняют из профессии. Нам не к кому больше обратиться, кроме вас, дорогие читатели и зрители! Если вам небезразлична судьба свободной журналистики — распространите это видео, поддержите нас комментариями или добровольными пожертвованиями...

Просмотров пока было немного. Сергей выключил компьютер, но из-за стола не встал. Пару раз крутнулся на кресле, оглядывая комнату. Так лучше думалось. «А может, стоило сделать видеосюжет, а не только статью?» Глядишь, при правильной подаче это могло бы сработать сильнее, чем просто буквы на бумаге.

Сергей оделся и отправился к Олегу.

Дом школьного товарища находился недалеко, в соседнем квартале. Не желая сковывать себя цепями ипотечного рабства, Олег, даже обзаведясь женой и ребенком, остался в той же квартире, где вырос. Квартира была хорошая, трехкомнатная, но принадлежала матери, и совместное проживание неминуемо приводило к конфликтам, после которых у молодых неизменно возникало горячее желание съехать куда-нибудь, пускай даже на арендованную площадь. Один раз они действительно сняли

жилье и полгода жили отдельно, но потом вернулись: оставлять ребенка на попечении бабушки удобнее, когда она под боком. Кроме того, жена Олега не рвалась готовить и охотно уступила кухню свекрови, мотивируя это тем, что двум женщинам там места не хватит.

Сергей опоздал на пятнадцать минут, но, подойдя к подъезду, не увидел машины с мебелью. Видно, доставка тоже не отличалась прытью.

Олег, чтобы не стоять без дела, счищал со своей машины — черной «калины» в кузове универсал — налетевший за ночь снег.

— Щас приедут, — успокоил он друга, позвонив водителю. — Как всегда, до последнего бока мнут, а потом пробки у них, ага... Как жизнь?

— Да смотря с какой стороны поглядеть. Жив, и на том спасибо.

— Это я и так вижу. С папиком этим что?

Сергей, не раздумывая, ответил:

— Жопа полная. Это если в двух словах.

Протиснувшись между криво припаркованными во дворе машинами, к подъезду наконец, громыхая кузовом, подкатила «газель». Низенький, по-армейски коротко стриженный парень в спортивном костюме выпрыгнул из кабины и так же бодро забрался в кузов, отщелкнув борт.

— Давайте, подхватывайте! — крикнул он, вытаскивая из глубины кузова боковую стенку дивана, кое-как замотанную в полиэтилен.

Сергей подхватил боковину и неуклюже, не видя из-за нее ничего впереди, потащил к подъезду.

— Куда? — спросил он Олега, но ответа не получил и прислонил деталь к лавочке, стараясь не испачкать.

— Вы до подъезда обязаны доставить и выгрузить, — между тем толковывал водителю Олег.

Парень зло посмотрел на него сверху, из кузова.

— Так я и доставил. Чё еще надо?

— Выгружай.

— Те чё, в падлу свой же диван помочь вынуть? — вскипел водила.

— Нам его еще до квартиры тащить, — терпеливо настаивал Олег.

Парень сердито фыркнул:

— Я каркас все равно один не вытащу!

— Это мои проблемы?

— У меня сегодня клиентов тьма, а помощник заболел.

— В документах на заказ указана выгрузка...

Сергей, который стоял рядом и слушал их перепалку, понял, что пора вмешаться:

— Что толку спорить? Быстрее выгрузим — быстрее донесем.

Олегу явно хотелось еще покачать права, но он понимал, что друг прав, и, махнув рукой, принялся молча таскать части дивана. Их оказалось немного. Главную сложность представляла центральная часть — каркас. Сергей смотрел на эту большую прямоугольную желтую подушку и не знал, с какой стороны подойти.

— Ну же, хватай! — крикнул ему парень.

Олег уже держал одну сторону на весу. Сергею предстояло снять с борта вторую. Он попытался ухватиться за железку, торчащую снизу.

— За механизм открывания-то не держи — оторвешь!

— А за что мне держать? — рявкнул в ответ Сергей, разозлившись.

Водитель опустил каркас на край кузова «газели» и спрыгнул. Подхватил сбоку и дернул так, что чуть не сбил Олега с ног. Щуплое тело парня под весом дивана прогнулось. Видно было, что схватил он больше, чем может донести.

Сзади посигналила машина. Старенький Hyundai, за рулем которого сидела преклонных лет дама в меховой шапке, почему-то не мог проехать, хотя «газель» стояла боковыми колесами на тротуаре и свободного места было полно. Парень послал даму матом, та вряд ли услышала, но, видимо, все поняла по его виду. Она насупилась, и Hyundai начал медленно втискиваться между «газелью» и снежным сугробом, из-под которого после недавней оттепели проглядывали очертания облезлой «Волги».

Парень прислонил каркас дивана к стене дома, упер руки в бока и повернулся с таким видом, словно только что сделал клиенту одолжение. Попросил закурить, получил отказ и, буркнув напоследок что-то невнятное, прыгнул в кабину.

— Веселенький цвет, — шуточно заметил Сергей, глядя на желтую обивку дивана.

— Чтобы немного разнообразить серую обстановку, — пояснил Олег. — Давай сперва мелкие детали перетаскаем.

Друзья отнесли боковины к лифту. Пришла очередь каркаса. Кое-как ухватив его за углы со своей стороны, Сергей пошел спиной вперед, надеясь не споткнуться о порог и с опаской оглядываясь на металлический косяк подъездной двери. Попытки затолкать каркас в лифт успехом не увенчались.

— Сломаете сейчас! Башкой думать надо! — крикнула внезапно появившаяся бабка в сиреновой куртке и цветастом платке.

Она собиралась использовать лифт по прямому назначению, и эксперименты по проверке его грузоподъемности ей не понравились.

— Ладно, потащили так, — сказал Олег. Ему тоже не хотелось нести неудобный каркас по лестнице, но другого варианта не было. — Не сопрут боковины, как думаешь?

— Кому они нужны, — ответил Сергей. — Мы быстро.

Путь до шестого этажа оказался каким угодно, но не быстрым. Уже на втором пролете Сергей перестал чувствовать пальцы, а к четвертому этажу ощущал себя так, словно по телу разлилась горячая вязкая каша и из нее на уровне плеч торчат две несгибаемые коряги.

— Угол аккуратнее! — крикнул Олег, когда диван ударился о перила. Но при беглом взгляде на лицо Сергея, похоже, понял, что от советов и замечаний лучше воздержаться.

Дверь открыла мать Олега. Друзья, не снимая обуви, протопали в зал.

— Ф-фух... опускай...

Легко сказать! Сергей не знал, как заставить онемевшие конечности двигаться. Он продолжал держать свою сторону дивана и нелепо двигал плечами.

— Чё застыл?

Олег перехватил у него каркас и плавно поставил на пол. Сергей смотрел на свои красные ладони. Согнуть руку в локте оказалось нерешаемой проблемой. Олег понял, что дальнейшей помощи ждать не приходится.

— Я сам остальное принесу. Ма, налеёй, что ли, чаю гостю...

— Пф-ф! Нашел гостя. Пошли, Сереж, давно тебя не видела.

Раньше Сергей часто бывал в этой квартире. Пока родители пропадали на работе, они с Олегом находили чем себя занять: смотрели телевизор, играли на компьютере, пили пиво. Было это в восьмом или девятом классе, когда их сверстники уже всюю приобщались к взрослым радостям жизни. Олег, впрочем, не отставал от общего тренда и периодически водился с разного рода дураками, но не всерьез и недолго. Сергей же, хоть не был ярым противником алкоголя, сигареты не любил, а к тусовкам в подворотнях относился с брезгливостью. Он считал, что лучше посидеть дома за книгой или игрой, чем получить по хребту от поплывшего после дешевого пойла гопника.

— Как мама? На пенсии?

Сергей размешивал в бокале сахар, с трудом удерживая в онемевшей руке ложку, и односложно отвечал на стандартные вопросы. На кухне как будто ничего не изменилось. Да, новый холодильник и плита. Да, стол стоял на другом месте, а маленький угловой диванчик теперь был перетянут клетчатой тканью. Но из окна так же виднелся угол соседнего дома и макушка исполинского дуба, на стене у стола были криво наклеены на кафель перводки из модных когда-то жвачек, а на подоконнике гордо высился электросамовар. Которым, впрочем, ни тогда, ни сейчас никто не пользовался.

— А у тебя с работой как?

Ладони теперь кололо, будто иглами, возможность согнуть пальцы постепенно возвращалась. В локте рука сгибалась пока только наполовину — но и это уже неплохо.

Сергей машинально ответил:

— Нормально, — не подумав, что друг мог между делом рассказать что-то о нем своей матери.

— Олег говорил, тебя вроде хотели уволить...

Ох уж этот Олег! Сергей вздохнул. Ему совершенно не хотелось ничего объяснять.

— Не поняли друг друга с одним из родителей. Сейчас разбираемся.

Даже запах в квартире был все такой же. Как и много лет назад, тут пахло прелой древесиной, освежителем воздуха и еще чем-то трудноуловимым. Сергей подумал, что за прошедшие годы он ни разу по-настоящему не разговаривал с матерью Олега. И сейчас даже не помнил, как ее зовут. А может, и раньше не знал. В детстве он чувствовал себя неудобно, когда старшие о чем-то его спрашивали, и всячески избегал таких разговоров. Ему и сейчас было как-то не по себе.

— А женишься когда?

Из дальней комнаты послышался вой ребенка, и мать Олега, извинившись, убежала успокаивать внука. Неудивительно, что жена Олега работала на две ставки и возвращалась домой к ночи. Истеричная и

взбалмошная, она вообще была мало похожа на человека, который способен сюсюкать с малышом, менять ему подгузники и терпеть его ор. Непонятно, как молодые справлялись бы с этим сами, без бабушки.

— Чё, заболтала тебя мамка? — В кухню вошел запыхавшийся Олег.

— Да нет. Все нормально.

Олег посмотрел на часы.

— Слушай, давай как-нибудь вечером снова пивка попьем, и ты все расскажешь. Мне скоро на работу ехать. Очередной аврал перед приходом крупного начальника. Гонят разгребать всяки. А чё с ними сделаешь? Хорошее дело всяком не назовут... Ну это неважно, не забивай голову.

Сергей молча кивнул.

— Сейчас нормально не поговорим. Мамка тут, да и Костик орет... Спасибо за помощь!

Пожав другу руку и крикнув «до свидания» куда-то вглубь квартиры, Сергей вышел на лестницу и, как обычно, побрел вниз пешком. Торопиться ему было некуда, день он планировал провести как получится. Может, почитает книжку. Или нет... Дни его из предсказуемых, расплывчатых по минутам внезапно превратились в мешанину событий одно неожиданнее другого. Казалось, теперь за каждым углом поджидает неприятность. Хоть из дому не выходи.

Уже шагая по улице, Сергей нащупал телефон и обнаружил, что тот вибрирует и, судя по всему, давно. В кармане плотного пальто его было трудно услышать. На экране высвечивалось имя «Надя». Не успел Сергей ткнуть носом в зеленый значок приема, как вызов оборвался. Пришлось снимать перчатку и нажимать на сенсор пальцем, чтобы перезвонить.

— Да?

— Привет! — гулко отозвалась Надя в динамике. — Хочешь новость? Ларюшину уволили!

— Ой, какая жалость! — с нескрываемым злорадством протянул Сергей. — За что?

— Не знаю. Наши говорят, из-за фотографии с тобой в газете.

Сергей остановился посреди тротуара.

— А откуда они про газету знают?

— Тут экземпляр по рукам ходит в учительской.

Удивительное дело!

— И какова реакция? — поинтересовался Сергей.

— Не знаю. В це... Так, давай потом. Кхм... Добрый день, Алия Сайтовна!..

У Сергея появилось жгучее желание оказаться сейчас в гимназии. Послушать, что говорят его бывшие коллеги, узнать, какова обстановка в шестом «Б» и зачем приходил Бокаров... Хотя с последним как раз понятно — требовать, чтобы уволили Ларюшину. «Какая честь, правда, Нина Олеговна?» А может, разговор с директором шел на какую-то другую тему. Гадать можно сколько угодно.

Ободренный новостью, Сергей не шел домой, а почти летел. Его безмерно радовало, что под раздачу попал кто-то еще. И не какой-нибудь рядовой сотрудник, а гадина Ларюшина. Вряд ли кто по ней будет скучать!

Матери он дома не застал, она куда-то ушла. Вернулась уже под вечер, когда зажглись фонари. Сергею не хотелось опять выслушивать упреки, поэтому пришлось перехватить инициативу — наступать первым.

— Куда ходила?

Мать, видимо, ждала вопроса и заранее подготовилась.

— Не сидеть же мне на стуле ровно. Ходила по объявлениям, искала работу.

— Какую?

— Уборщица, сторож, продавщица... Все, что на столбах висит.

Сергей был уверен, что она шутит, но на всякий случай уточнил:

— И как успехи?

Сняв пальто и разувшись, мать прошла в зал.

— С завтрашнего дня буду газетами торговать.

— Ты смеешься? Где?

— Нет, сынок, не смеюсь. В «Ландыше». Пока ты занимаешься ерундой и портишь себе будущее, я хотя бы пытаюсь не дать нам помереть с голоду. На что ты жить собираешься? На три часа репетиторства в неделю?

Сергей хотел было сказать, что эти занятия очень хорошо оплачиваются, но решил не злить мать лишний раз. Тем более что по большому счету она была права, хоть и не знала всех деталей его нынешнего положения.

— Наберу еще учеников. Многие так живут.

— Хреновая это жизнь! Без трудовой, без пенсионных отчислений...

— Ой, ну ма-ам! Опять ты за свое.

— Оглянуться не успеешь, как старость подкатит.

Брать дополнительные занятия Сергею очень не хотелось. Крайний случай, запасной вариант. Это означало бы сдать, проиграть. А он был полон решимости доказать свою правоту и отвоевать место в нормальной школе, чтобы жизнь вернулась на круги своя и все стало как прежде. Но как собаке укусить слона?

Сергей маялся от избытка свободного времени, он уже не знал, чем себя занять. В интернете сидеть осточертело, от чтения книг болели глаза. Он взял из шкафа в зале два больших альбома с детскими и школьными фотографиями и стал рассматривать, чего не делал уже лет восемь. Аккуратно приклеенные прямоугольники со знакомыми, но очень молодыми лицами навевали странные воспоминания, и не всегда хорошие.

Вот фотография с первого сентября в первом классе. Он стоит с букетом роз на фоне детской площадки, а по бокам его мать и отец. Сергей поднес альбом ближе к глазам и в свете настольной лампы вглядывался в мутные очертания отцовского лица. Снимок был сделан с довольно большого расстояния, и этот высокий, грузный мужчина с ужасно нелепыми, по современным меркам, усами оказался не в фокусе. Забавно, что случайный брак съемки оказался предвестником конца брака в жизни родителей.

Отец работал дальнобойщиком, и даже в глубоком детстве Сергей плохо его знал. Он появлялся редко, был раздражителен, и от него за несколько метров несло табаком и алкоголем. Отец привозил из некоторых рейсов дорогие, как тогда казалось, подарки: игрушечные машинки,

железную дорогу с заводным локомотивом, китайские пистолеты с лампочками. Сергей запомнил, как, будучи совсем маленьким, боялся их распаковывать и играть ими: он был уверен, что странный полужнакомый человек заберет всё обратно.

Удивительно, как отец умудрился попасть тогда к сыну на первое сентября, — знаменательное событие. Через два года он пропал. Мать сказала, что уехал в очередной рейс и не вернулся. Сергей так никогда и не понял, каким был его отец. Даже описать его затруднился бы. Вспоминались лишь их с матерью ссоры, которых было, если так рассудить, немного, но каждая — словно последняя. Сергей не сохранил в памяти практически ничего из своего дошкольного детства, но то, как на крики родителей сбегались соседи и грозились вызвать милицию, отпечаталось в ней яснее некуда.

Школьные фотографии Сергей обычно пролистывал. Кроме Олега, он ни с кем толком не общался, и лишний раз видеть рожи одноклассников не хотелось. Вот фото с новогоднего утренника в четвертом классе. Сергей пришел в костюме медвежонка, и его заставили играть в ужасно глупой сценке — сказке «Три медведя», потому что других произведений с медведями ни родители, ни учителя не знали. В школе не было актового зала, и все действие происходило в спортивном. Елка на фоне брусьев и шведской стенки, родители сидят на табуретках. На партах, накрытых скатертью, миски с приторными дешевыми конфетами. На фотографии медвежонок стоял рядом с Дедом Морозом, которого играл чей-то отец, и пытался улыбаться. Вышло глупо — искривленный рот с торчащими передними зубами. Когда говорили «улыбнись», маленький Сережа всегда терялся: он не понимал, как можно веселиться специально.

А вот фотографии из деревни были ничего. Но на них фигурировали в основном родственники и соседи, обязательно на каком-нибудь застолье. Сергей даже не сразу нашел себя, и то это был групповой снимок с местной шпаной. Они тогда залезли в кузов ржавого микроавтобуса «РАФ», валявшегося у дороги, и сделали вид, что куда-то едут. Высунулись из окон и смеялись. И Сергей улыбался, причем по-настоящему, потому что никто не заставлял. Кто фотографировал, интересно? И что сейчас с этими пацанами? Скорее всего, ничего хорошего...

У Сергея мелькнула мысль, что даже его текущая ситуация лучше, чем жизнь в Кучмазове, где ничего нет, кроме магазина с дешевым спиртным, заброшенной церкви и заросших бесхозных полей. Хотя церковь, конечно, была неплохая. Когда-то на этой территории проживала немецкая община, которая много всего построила. До современности дожило лишь здание католического храма, полуразрушенное, но все еще внушительное. Жалко, что его нет на фотографиях.

Заснуть Сергей не мог. Ворочался, запутался в пододеяльнике, сбил на пол простыню. В голове крутилась какая-то бессвязная галиматья. Не мысли — скорее образы, навеянные просмотром старых фотографий. Даже с открытыми глазами казалось, что возле люстры на потолке мелькают кадры давно прошедшей жизни, где запечатлены люди, события, моменты, ушедшие навсегда. Но никакой ностальгии Сергей не

испытывал. Другие без конца тосковали о том, как было хорошо в детстве, какой вкусный был лимонад и какие интересные сериалы и мультфильмы шли по телевизору, а его прошлому надлежало оставаться под обложкой альбома или в глубинах памяти.

Сергей старался смотреть только вперед, предполагая, что лучшая пора его жизни еще не наступила. Он не осуждал тех, кто считал иначе, кто скучал по детству, школе, лагерю и мультфильмам. Если у тебя скучная работа, вечно орущий ребенок, кредит на машину и «однушка», взятая в ипотеку на два десятилетия, — как тебя осуждать? Только молча обнять и дать высморкаться в плечо, только и всего.

Блуждая в полудреме по закоулкам подсознания, Сергей не сразу понял, что на тумбочке звонит телефон. Он резко вскочил с дивана и посмотрел туда — экран горел, а мелодия вызова разливалась по всей комнате.

— Алё?..

— Привет! Слушай, у нас тут родилась идея. — Валин голос звучал бодро и громко. — Тебе точно понравится. Приходи, когда сможешь.

Сергей отодвинул динамик от уха, чтобы не оглохнуть. Затем посмотрел на часы. Полтретьего ночи.

— Чё? Куда? Ты время видела?

— Ох, извини... У меня-то в сутках двадцать четыре часа... — Валя ненадолго задумалась. — Скину тебе адрес эсэмэской. Как будешь рядом — набери.

— Угу, — сонно ответил Сергей.

— И вообще, кто рано встает — тому... сам знаешь. Так что давай, долго не залеживайся. Бывай!

Сергей мало что понял, кинул телефон на тумбочку и отключился, как только голова коснулась подушки.

* * *

Проснулся он рано, но не по своей воле. Во дворе коммунальные службы убрали снег, и трактор елозил ковшем по асфальту, издавая громкий противный скрежет. Работники в синей форме вразной аккомпанировали ему ломами, и вся эта какофония звучала просто невыносимо.

Матери дома не было. Может, действительно пошла работать в газетную лавку «Ландыша».

Сергей прочитал эсэмэску от Вали: улица, дом и номер квартиры. Забил адрес в навигатор и ахнул. Это не просто на другом берегу реки, это в прямом смысле другой конец города!

Напрямую туда не ходил ни один автобус, поэтому пришлось делать пересадку.

Даже в таком отдаленном районе все свободные пустыри были заняты новостройками. Их недостроенные башни торчали на горизонте, как частокол, отделяющий город от области. Нужный дом оказался не так далеко от остановки: желтая двухэтажка с сараями на задах и огородом, прикрытым от дороги жиденьким деревянным забором. В окружении панельных пятиэтажек он выглядел как зуб, сточенный кариесом.

Дверь в подъезд была распахнута настежь. Внутри, в тамбуре, обнаружилась еще одна, тоже безо всяких кодовых замков и домофонов.

Сергей дернул за ручку. Полутемный коридор первого этажа, скрипящие под подошвами половицы и пропитавший все запах табака. Узкая деревянная лестница вела на второй этаж, крутые ступеньки, похоже, предназначались для каких-то особых людей, потому что подниматься по ним оказалось той еще задачей. Плохо освещенный коридор тянулся во всю длину дома. Номера квартир были нарисованы белой краской на стене.

Сергей постучал в обитую черным дерматином дверь. Никто не отзывался. Нажал на кнопку звонка — тот не работал. Постучал снова, уже сильнее.

Послышались шаги, и на пороге появился оператор.

— Здравствуй. — Он протянул руку.

Квартира представляла собой зрелище если не жалкое, то печальное. Однокомнатная, с тесной кухней и выгоревшими обоями в цветочек, как в старых фильмах. Третью комнату занимал забитый посудой сервант, другую третью — диван. Стол и тумбочка были сдвинуты в угол, чтобы освободить стену. На стене висела зеленая ткань хромакея, в центре комнаты на стопках книг стоял штатив. Справа от зашторенного окна под потолком изображали «красный угол» несколько пыльных икон, частично заслоненных отклеившимся куском обоев.

Валя спала на диване, накрывшись темно-зеленой фуфайкой.

«Кто рано встает, ага!» — подумал Сергей.

На старой закопченной плите свистел эмалированный чайник. Оператор предложил на выбор черного или зеленого чая. Чистым оказался только граненый стакан.

— Что это за место?

— Хата моей бабушки, царствие ей небесное. Дом когда-нибудь раселят, поэтому я пока решил не продавать. Вот, пригодилась.

На кухонном подоконнике мигал зеленым роутер, рядом с оператором тихо жужжал ноутбук.

— Валя когда проснется? — спросил Сергей, маленькими глотками отпивая черный чай.

— Через часок разбудим. Мы до утра сюжет делали, я потом еще и монтировал. Вон, — оператор кивнул на ноутбук, — до сих пор обрабатывается. Ты, кстати, монтировать не умеешь?

Сергей не умел.

— А то я домой двое суток не ездил. Жена, конечно, с моим графиком свыклась, а вот дочка обижается. Цас загружу на канал и двину к ним.

— А из журналистов никто не монтирует?

Оператор усмехнулся:

— Макс умеет, но просить его... Мы пока всех распустили, потому что зарплату платить нечем. Аня осталась на добровольных началах, сегодня должна две статьи сдать. Но мы решили теперь сфокусироваться на видеоформате. Так у нас больше шансов найти деньги, да и народ сейчас больше смотрит, чем читает.

Попытавшись вытянуть ноги, Сергей случайно задел что-то под столом, и оно с грохотом повалилось на пол. Это оказался маленький металлический таз. Оператор быстро нагнулся, вытащил его и кинул на стул.

— Валя сказала, что у вас какая-то идея родилась.

— Не совсем у нас... Короче, есть информация от одного... кхм... источника, как можно Бокарову неплохо так поднасрать.

— Что за источник? — недоверчиво спросил Сергей.

— Это тебе Валя скажет, я сам толком не понял. Она разговаривала. Считай, с нами поделились важной информацией.

— С чего такая щедрость?

Оператор на минуту отвлекся на ноутбук. Его большие глаза были красными от недосыпа и слезились.

— Перед выборами грызня началась. Может, конкуренты его утопить хотят таким образом. Или просто рейтинг ему уронить.

— Он участвует в выборах? В каких?

Оператор рассмеялся и высморкался в рукав толстовки.

— Ты в каком мире живешь вообще? Скоро выборы губернатора, и Бокаров там первым в списке значится. Рекламные баннеры по всему городу развешены.

Сергей не видел ни одного баннера. Видимо, район, где он жил, не считался перспективной территорией для агитации.

— Да я политикой не интересуюсь...

— Зато политик теперь тобой интересуется.

Оператор закрыл монтажную программу и стал готовить сюжет к публикации. Внезапно он повернул ноутбук к Сергею.

— Как тут правильно — «-тс» или «-тсь»?

Углы обзора у экрана были так себе, поэтому Сергей видел все в искаженном, сине-зеленом цвете.

— Прочитай предложение.

— «Чума контрафактных медикаментов распространяется по городу».

— «-Тся».

— Отлично. — Оператор отодвинул ноутбук на край стола. — Сейчас залететь, и публикуем. С таким интернетом, как здесь, конечно, каши не сваришь.

Роутер судорожно замигал зеленым, как стробоскоп. Оператор встал и снова зажег плиту. В тесноте кухни он выглядел еще крупнее, голова едва не касалась потолка. Его стакан от кофейного налета стал почти непрозрачным. Видать, и правда, долгая выдалась ночь.

В комнате послышался шорох.

— Ты все еще тут? Залил сюжет? — Валя стояла в дверном проеме, взъерошенная, с отпечатком складок подушки на правой щеке.

— Заливается.

— О, привет, Семен! Я думала, не придешь.

— Сергей.

— Пусть так... Пойду проветрюсь.

Она накинула желтую куртку и, не застегивая розовые ботинки, вышла из квартиры.

Сергей проводил ее взглядом.

— Туалет на улице, — предвосхитил его вопрос оператор.

За окном развиднелось, и сквозь мутные, давно не знавшие мытья стекла в квартиру заглянуло яркое зимнее солнце. Его хорошо видимые в пыльном помещении лучи осветили неказистое убранство и заиграли на полированных боках серванта.

Оператор залил сюжет на канал и уехал домой. Сергей сидел на диване, скрестив руки. Валя развалилась в кресле напротив, нога на ногу, и бодрым голосом излагала ему идею:

— Компания «СтройЛюкс» арендует помещения на заводе «Электромеханика». Да-да, Бокаров сам у себя. Но это неважно. Важно то, что в одном из этих корпусов фасуют левые таблетки. Точнее, капсулы: их проще подделать и не требуется дорогостоящего оборудования. Причем это лекарства среднего ценового сегмента. Самые дешевые и так везде продаются, на них не наваришь. Дорогие берут редко и тщательно проверяют подлинность: смотрят, цела ли упаковка, считывают защитный код и все такое. А вот между дорогими и дешевыми — пожалуйста.

— Так на территории «Электромеханики» что только не размещено.

— Именно! Но если те компании просто арендуют у завода помещения, то корпус с таблетками — собственность Бокарова. Он периодически сам туда навещается.

— Зачем?

— Вот это и интересно. Может, как настоящий барин объезжает владения. А может, мы чего-то важного не знаем. В любом случае надо найти этот корпус.

— И?

— Что «и»? — повысила голос Валя. — Это отличный способ насобирать компромат. Если Бокаров так печется об этом своем деле, значит, там есть на что поглазеть.

— Кто тебе об этом рассказал?

— Источник. Он не назвал настоящего имени, но, судя по разговору и внешнему виду, бывший бизнес-партнер Бокарова. Хочет ему насолить. Перед выборами самое время.

— Допустим. Но как вы туда попадете?

Валя улыбнулась:

— Не мы, а ты.

Сергей сделал вид, что не понял.

— В смысле?

— Я примерно представляю, в какой части завода находится этот корпус. Вариантов немного. Территория возле бывшего здания заводской администрации сразу отбрасывается — там жилье, магазины... Публичное, короче говоря, место.

Вскочив с кресла, Валя взяла телефон, села рядом с Сергеем и стала водить пальцем по карте на дисплее.

— А вот через дорогу начинается настоящая промзона. Видишь, часть компаний даже в приложении обозначена. «КорМе» — очевидно, делают мебель. Тут металлоприемка, рядом, через стену, станция

техобслуживания. Идем дальше. Здесь склады бытовой техники. А вот в правом верхнем углу несколько зданий никак не обозначены. Я проверила через другие приложения — глухо. Адреса у них тоже нет, так что ни по каким базам не пробьешь. По моим прикидкам, нужный корпус находится примерно здесь...

Валя обвела указательным пальцем участок на экране. Случайно нажала на значок геолокации, карта отобразила их текущее местоположение.

— Почему вы сами туда не поедете? — Сергей напрягся.

— Во-первых, у нас полно другой работы. Во-вторых, мы и так потеряли редакцию. Нам рисковать нельзя.

— А мне — можно?

Валя снова встала и начала ходить по комнате. Половицы жалобно скрипели под ее энергичными шагами.

— Ты простой учитель. Неприметный. Никто тебя в лицо не знает. И потом у тебя личные счёты с Бокаровым. Разве нет?

Сергей слушал, нервно сжимая кисть одной руки другой.

— Да и что тебе еще остается делать? Заявления писать в полицию и прокуратуру? Смешно! Так что, мой друг, выбор невелик.

— Это абсурд! Ну найду я этот корпус. Потом что?

— Снимешь видео, нащелкаешь фото. Людей поспрашиваешь.

От возмущения Сергей аж подпрыгнул.

— Какой дурак меня туда пустит? Если там занимаются контрафактом, то я и на километр к ним не смогу подойти. И вообще, я что — журналист?

— Все мы в душе журналисты. Если тебе интересно, то я сама училась в культпросветучилище на библиотекаря.

Сергей и не знал, что этой профессии нужно учиться. В его представлении библиотекарями были не нашедшие себя в жизни выпускники гуманитарных вузов или пенсионеры, как его мать.

— Бокаров меня в лицо знает...

— Да господи, вот с ним ты точно не встретишься! Он, небось, в туалет ходит с охраной. К такому человеку тебя действительно на пушечный выстрел не подпустят.

Сергей хотел возразить, что в школу тот спокойно ходит без охраны, но решил не уводить разговор в сторону. Сжав кулак, он ответил так твердо, как только мог:

— Я на такое не подпишусь. Это бред! Мне и так закрыли возможность работать по специальности. А после такого что — посадят?

— Да что ты ноешь! Боишься?

— Это ты бредишь! Сама туда лезь!

Сергей схватил пальто, кое-как обулся и выбежал из квартиры. Его шаги гулко отдавались по всему дому. Оступившись, он чуть не навернулся с крутой лестницы и лишь чудом удержался, схватившись за перила.

Выглянув во двор, Сергей остановился. Солнце полыхало вовсю, не встречая преграды на неестественно голубом небе. Блеск снега выжигал глаза.

«Что на меня нашло? — подумал он. — Не это ли тот самый следующий шаг?»

Чтобы укрыться от назойливого солнца, Сергей завернул за угол и спрятался в тени дома. По забору напротив кралась рыжая кошка. Она выслеживала голубя, который распушил перья на крыше сарая, потеряв бдительность. Мгновение — и кошка стремительным, грациозным движением кинулась на жертву, но промахнулась и только столкнула ту вниз, в ведро. Громыкнув крыльями по нержавеющейке, голубь тяжело взлетел и уселся рядом, на фонарный столб. Кошка легла на его место и как ни в чем не бывало принялась нежиться в лучах солнца.

Сергей понял, что сгупил. Выбора у него действительно нет. А с журналистами он теперь в одной обойме и должен им доверять.

Дверь в квартиру оставалась незапертой, и Сергей тихо вошел в прихожую. Валя сидела с ноутбуком на кухне.

— Нагулялся? — спросила она.

Сергей ничего не сказал.

— Я позвонила Кириллу. Заедете на территорию завода на машине — скажете, на склад. Навернете пару кругов по участку, который я отметила. Может, уже и так что-то будет видно. На месте разберетесь, короче... Но Кирилл может только вечером.

— Сегодня? Я не могу. У меня урок.

Валя раздраженно замотала головой.

— Завтра, завтра. Какой урок, если тебя уволили?

— Репетиторский. Должен ведь я как-то деньги зарабатывать.

— Хм, я об этом не думала, — призналась Валя.

Сергей поехал домой. Ему хотелось переварить услышанное в тишине. До занятия с Полиной оставалось еще полдня, поэтому времени на раздумья хватало с запасом. Он не был уверен, что поступает правильно. Если эта авантюра выгорит — возможно, Бокаров потеряет позиции в одной из множества сфер своей деятельности. Но это при условии, что материал получится острым и дойдет до адресата. Во втором Сергей не сомневался — быстрота, с которой последовала ответная реакция на статью в «ЖБГ», была удивительной. Ну и качественный текст журналисты точно смогут написать. А вот насколько чувствительной для Бокарова будет эта история — большой вопрос. Не выйдет ли так, что кучка маленьких человечков ткнет щепкой в пятку гиганта, а тот их раздавит, даже не заметив укола?

Сергей выскочил из автобуса на своей остановке. Не прошел он и ста метров, как остановился так резко, как будто его отключили от розетки. С огромного билборда, где только утром была реклама услуг местного банка, на него с хитрой ухмылкой глядел лысенький, толстый мужичок. Обработанное десятком фильтров фотошопа, его лицо было до нелепости гладким и лощеным, как портрет, с подобострастием подаренный начальнице на шестидесятилетие.

— Ну здравствуйте, Анатолий Викторович! — вслух произнес Сергей, пораженный увиденным. — Заглянули и к нам на район?

Баннер еще не был натянут до конца. Двое мужчин в оранжевых спецовках, стоя на высоченных раздвижных лестницах, как у пожарных, расправляли его левую сторону: один тянул, второй ровнял.

Вскоре к Сергею присоединилась пара зевак. Пожилой мужик в поношенном плаще и с мятым пакетом из супермаркета встал рядом и тоже наблюдал за работой. Чуть в стороне остановилась женщина с усталым худым лицом. Она тащила тяжелую сумку с продуктами и на первый взгляд просто решила передохнуть.

Сергей ждал, когда текст предвыборного слогана откроется полностью, чтобы можно было с чувством и расстановкой его прочитать.

«Моя твердая позиция — учителя, врачи, полиция!»

Сергей не выдержал и засмеялся во весь голос. Мужик в плаще, не спуская взгляда с баннера, громко и четко произнес, тоже в рифму:

— Висеть бы тебе на этом столбе!

Женщина просто фыркнула, перехватила сумку в другую руку и пошла дальше.

Сергей еще немного постоял, потом почувствовал, что мерзнет, и тоже отправился домой. Его мучили тревожные мысли, которые, правда, трудно было внятно сформулировать. Странная тяжесть появилась внутри после того, как он увидел баннер своими глазами. Теперь получалось, что он конфликтует не с одиозным богачом, непонятно какими путями заработавшим капитал (вернее, понятно какими, но это теперь никого не волнует). Не с отцом невоспитанного и глупого подростка, мажора-бездаря, привыкшего, что ему во всем потакают. Сергей противостоит кандидату в губернаторы, лицу с рекламного баннера. Это перемещало всю ситуацию на какой-то совсем иной уровень. Ставки растут — растет и плата за проигрыш.

Сделав небольшой крюк, Сергей заглянул в «Ландыш». Прямо у входа, справа от касс продуктовой зоны, стоял стеллаж с газетами, журналами и поздравительными открытками.

— Ма, привет...

Мать отложила в сторону газету, которую читала.

— От старых штиблет. Ты ел?

— Нет еще. Только иду домой.

Она сидела на деревянном стуле, накинув на плечи коричневую зимнюю куртку, шея замотана шарфом. За спиной — коробки со всевозможной макулатурой.

— Как тебе тут работается?

— Нормально. Дует только из двери, а так ничего. Вот, могу читать газеты, журналы листать.

— Да уж, выбор большой.

Мать сняла очки.

— Я тебе там котлеты сделала на пару, как ты любишь. И гречку. Прямо на сковородке разогрей.

Сергей отмахнулся:

— Да-да. А то я бы не разобрался.

— В микроволновку не ставь! Вкус потеряют, да и вредно это. У тебя занятие сегодня?

- Да.
- Снова до ночи?
- Сейчас темнеет рано. Что такое ночь?

Ответ мать не устроил.

— Ты мне зубы не заговаривай! Ездишь непонятно куда... Что это за занятия такие долгие?

— Какие есть. Не ты ли спрашивала, на что я жить собираюсь?

Переменившись в лице, мать вздохнула:

— Дома поговорим.

Когда Сергей уже ехал в такси, позвонила Катерина. Она сообщила, что задержится на работе, но Полина дома и дверь откроет. Еще и извинилась за чем-то. Настроение у Сергея почему-то сразу поугасло.

Полина действительно сидела дома одна. Она выпустила учителя и сразу убежала к себе в комнату. Сергей снял куртку, надел тапочки с крысой (на третий раз он все же разобрался, что это не собака) и поднялся на второй этаж.

Занятие прошло на удивление плодотворно. Девочка вызубрила все, что Сергей задал в прошлый раз, его это даже удивило. Правда, вызубрила своеобразно: стоило поменять слова местами, как она начинала путаться. Заучила, как стихотворение, понял Сергей. В конкретной последовательности.

— Полина, я вижу, что ты все выучила, но это ведь не стих. Тебе надо понимать, как и где эти слова использовать.

Взяв ее тетрадь, Сергей рядом с каждым словом написал для примера по словосочетанию. Затем они перешли к выполнению домашнего задания из школы. Заслуженный учитель Игорь Владимирович поставился на славу: он словно за каждую свою похвальную грамоту нагружал учеников дополнительным упражнением.

Сергей прекрасно понимал, что если ребенок действительно сам выполнит столько заданий, то к концу будет как выжатый лимон. Да и чему можно научиться при такой нагрузке? Долгое выполнение домашнего задания — показатель усидчивости, а не гарантия успеваемости. Сергей был убежден, что самое главное — это продуктивность. Он пришел в профессию не для того, чтобы идти проторенными десятилетия назад дорожками, а для того, чтобы попытаться изменить все больше буксующий, набивший всем оскомину порядок. Не долбить часами одно и то же, вызывая у детей отвращение к предмету, а делиться знаниями, обучать по-новому, с обоюдным удовольствием. И пусть пока это звучало скорее как лозунг или наивная мечта вчерашнего студента, но Сергей шел к своей цели упорно и последовательно. Он стал учителем не от безысходности — у него была миссия.

— Пятое задание можешь не делать. Спишем с решебника.

Полина оживилась. Она и не предполагала, что будет списывать задания из интернета по совету учителя!

— Спорить с Игорем Владимировичем не будем, а время побережем. Самые необходимые упражнения мы выполнили.

Постепенно Полина перестала стесняться, и остаток урока прошел легко. Сергеем больше не приходилось наталкиваться на стену молчания и клещами вытягивать из ученицы ответы. Он даже подумал, что индивидуальные занятия имеют свою прелесть и не стоит столь категорично осуждать репетиторов. Да, это не полноценная работа в классе. Но ведь и они стараются на благо просвещения.

— Смотрите! Правда классная?

Полина открыла на планшете изображение куклы и показала Сергеем. Тот с серьезным видом рассмотрел картинку. Короткая синяя юбка, зеленая рубашка с сетчатыми рукавами, длинные африканские косы, как в современных музыкальных видеоклипах.

— Wow, what a great doll!¹

— А мама покупать не хочет...

— Так у тебя же полно других.

Полина тяжело вздохнула: учитель ее не понял.

— Это самая новая коллекция. Из последней семьи.

Поддерживать разговор о куклах Сергей не решился. Даже болтовня Олега о машинах была ему ближе — в этой сфере он обладал хоть какими-то базовыми представлениями. Сделав последние пометки в тетради, он завершил занятие и спустился на первый этаж.

Он уже накинул пальто и завязывал шнурки на ботинках, когда услышал:

— А вы не такой строгий, как говорят.

— Кто говорит?

Полина смущенно улыбнулась и ничего не ответила. Допытываться Сергей не стал.

Улицы поселка были пусты. Только недалеко от ворот ждала кого-то одинокая серая Audi 100 с ржавыми колесными арками. Но вот и она попятилась в проулок, развернулась и уехала. Окрестности погрузились в тишину. Сергея озадачивало то, что за все время он видел тут очень мало людей. Неужели все эти дома пустуют? Или их владельцы живут по какому-то особому расписанию?

Освободившись раньше обычного, он решил сэкономить — не вызвать такси, а попытать счастья с общественным транспортом. Ближайшая остановка была почти в километре от поселка. Приложение «Карты» утверждало, что раз в полчаса там ходит автобус, и не обмануло. Простояв минут десять и даже не успев замерзнуть, Сергей сел в полупустой МАЗ и отправился домой. Автобус шел странными зигзагами, через все промзоны и прочие гиблые места, куда по своему желанию человек вряд ли поедет. Может быть, этот маршрут сохранился с тех времен, когда рабочим из пригорода надо было добираться до пустыющих ныне предприятий.

Сквозь тонкий слой инея на стеклах автобуса Сергей разглядел справа знакомое здание — бывший административный корпус «Электромеханики». Во многих окнах горел свет. Еще совсем недавно он сам смотрел в одно из них. Воспоминание о беззаботной ночи с Леной

¹ О, какая замечательная кукла! (англ.)

отозвалось саднящей болью. Будет ли в его жизни еще что-нибудь подобное? Лена сделала выбор между отношениями с ним и деньгами отца. Был ли этот выбор для нее трудным? Или она без колебаний отказалась от любимого ради возможности еще несколько лет сидеть на шее у родителей? «Человек творческий, ищет себя...» — мысленно повторял свою же фразу Сергей.

Автобус в очередной раз остановился и распахнул двери. В салон ворвался холодный воздух. Полная кондукторша, закутавшись в красную куртку, дремала на сиденье над передним колесом. Сергей спрятал руки в карманы, нащупывая перчатки, и повернулся к окну, чтобы не мерзло лицо. На другой стороне широкой многополосной дороги виднелись корпуса настоящей «Электромеханики» — не элитного жилищного комплекса, а производственных помещений, где до сих пор теплилась пусть своеобразная, но жизнь. Десятки компаний разного профиля и масштаба населяли уголки некогда огромного завода, как насекомые — трещины в стволе поваленного ураганом дуба.

Сергей вглядывался в темноту, пытаясь представить в деталях завтрашнюю авантюру. Въедут они через этот КПП или с другой стороны завода есть еще один? Как к ним отнесется охрана? Сможет ли он быстро разобраться, где находится нужный корпус? А самое главное — что потом?

Нет ничего хуже ожидания и неизвестности, особенно соединенных вместе.

Простояв минуты три и не дождавшись ни единой живой души, автобус захлопнул двери, и водитель придавил педаль газа. Дизельный двигатель заворчал басом, распространяя вибрации по всему салону, и МАЗ плавно покотил дальше.

У Сергея появилось жгучее желание услышать знакомый голос.

— Привет, Лен...

— Я же сказала тебе не звонить!

Ее голос звучал враждебно.

— Ты правда этого хочешь?

Ответа не последовало.

— Можешь объяснить, что происходит? При чем тут твой отец, почему он лезет в наши отношения?

— Не прикидывайся дураком. С каких пор ты в политику ударился?

Сергей не знал, что и ответить.

— Какую политику?

— Отец говорит, что тебя, как дурачка, использовали. Разменной монетой сделали перед выборами. Статья эта...

— Что за ерунда!

— Деньги у тебя на ту квартиру откуда были? Много тебе заплатили за эту лживую статью?

Фразы Лены звучали казенно, чужеродно, сама она никогда бы так не сказала.

— Это просто смешно! Какие деньги? В этой статье все правда от первого до последнего сло...

— Не надо мне врать! Смешно ему! — Голос Лены сорвался в раздраженный клеткот. — Мне все объяснили. У учителей денег не бывает никогда. А тут и квартиру снял, и наушники подарил...

От таких обвинений у Сергея пересохло в горле.

— Ленусик, ты бредишь. Я не знаю, кем работает твой отец и почему ему есть дело до этой статьи. Но все, что ты говоришь, — чушь, полная чушь!

Кондукторша оживилась и посмотрела на Сергея с любопытством.

— Ты, как всегда, ничего не знаешь! Ничего тебе не надо! — Лена едва сдерживала слезы. — Обо мне хотя бы раз подумать слабо?

Связь прервалась. Перезванивать Сергей не стал. Он был ошеломлен. Сложно даже представить, какой разнос устроил ей отец, что она, сама того не понимая, начала использовать целые фразы из, очевидно, его лексикона. Неужели человека так быстро можно нафаршировать любой чушью, да так мастерски, чтобы он еще и начал считать ее единственно верной точкой зрения?

Сергей пожалел о звонке. Если бы Лена хотела объясниться, то давно нашла бы способ связаться с ним без ведома отца. По электронной почте или в соцсети, например. Значит, не было у нее в этом потребности. Получалось, что в ее глазах он продажная тварь, согласился за вознаграждение очернить хорошего человека. Вот уж точно, жизнь с каждым днем преподносит все новые сюрпризы!

В этом плотном ряду странных событий у Сергея оставался один нерешенный вопрос: кем же работает ее отец? На вид это был ничем не примечательный мужик, явно не семи пядей во лбу. Да, не бедный, раз ездил на внедорожнике Toyota, пусть и старом. Но разве это свидетельствует о чем-то важном, что Сергей по рассеянности или наивности упустил?

Дома он занялся излюбленным делом: открыл ноутбук и принялся искать зацепки в интернете. Запрос «Геннадий Скопняк» интересных результатов не принес: несколько личных страниц в соцсетях, ни одна из которых не принадлежала отцу Лены, и одно упоминание об ИП, занимающемся грузоперевозками. Но там совпадала только фамилия, а имя, отчество и город были другими. На сайте министерства образования Сергей нашел старую новость о призерах городской олимпиады по географии, где ученица девятого «В» Елена Геннадьевна Скопняк заняла второе место. «Сейчас, небось, даже Африку на карте не покажет», — подумал Сергей.

Раздосадованный неудачными поисками, он лег спать.

Следующий день обещал быть тяжелым.

* * *

Наутро навалилась такая тревога, что Сергей долго лежал на диване, слушал приглушенные стеной вопли соседского ребенка и не мог пошевелиться. Так бывает в преддверии чего-то опасного и важного, когда еще есть возможность дать задний ход и уклониться от участия в сомнительном предприятии. Наконец он взял себя в руки, встал, наскоро умылся

и стал рыскать по кухне в поисках еды. В холодильнике стояли какие-то банки, завернутые в газету, кастрюля с рассольником и сковорода, накрытая крышкой. В сковороде томились остатки слипшейся гречки, от одного вида которой у Сергея пропал аппетит.

— Ты что-то рано сегодня. Куда собираешься?

Мать пришла на кухню в ночной рубашке. У нее, похоже, был выходной.

— А ты почему дома?

— Сегодня смена Тани, второй продавщицы.

Раз она не стала сходу бросаться упреками, значит, была в хорошем настроении.

— Так куда идешь?

— По делам, — сухо ответил Сергей.

— Дела?

Она села за стол и сложила руки в замок. Это свидетельствовало о неизбежности серьезного разговора.

— Да. Пытаюсь решить проблему со школой.

— Мы так с тобой и не поговорили нормально. Может, объяснишь, что происходит? Пропадаешь где-то целыми днями, не работаешь...

— Мне пока нечего тебе сказать. Все упирается в этого... Бокарова.

Лицо матери скривилось.

— Кандидата в губернаторы?

— У него много заслуг. Почетный гражданин города, меценат...

— А ты тут при чем?

Сергея как током ударило.

— Где газета, что я принес?

— Зачем она тебе? — спросила мать.

— Где. Газета.

В голове щелкнуло. Он снова открыл холодильник.

— Это что такое?!

Вытащив две поллитровые банки с вареньем, увидел, что они обернуты в последний печатный номер «ЖБГ».

— Тетя Оля прислала варенье. Я его завернула, чтобы из-под крышек не капало.

— Вот что происходит! — Сергей швырнул скомканную газету на стол.

Главная страница была вся испачкана вареньем. Его черно-белое лицо — в красных потеках малинового сиропа.

Мать непонимающе смотрела на фотографию сына.

— Извини, — только и произнесла она.

— Ты ее читала?

— Читала.

— И что там сказано?

Было совершенно очевидно, что мать газеты не читала и не имела ни малейшего представления о том, что произошло в гимназии. Броский заголовок и фотография — вот и вся информация, на основе которой она критиковала сына.

Сергей так разозлился, что едва не пускал пар из ноздрей.

— То есть ты хочешь, чтобы я тебе что-то объяснил, а сама поленилась даже открыть газету?

— Я хо...

— Почему ты тогда орала, что тебя из-за меня с работы уволили? С чего ты это взяла?

— Мне сказали так! — крикнула в ответ мать.

— Тогда почему мою рожу на главную страницу наклеили? Как ты это себе объяснила?

Растерявшись, она не знала, что ответить. Мыслительный процесс в ее голове запустился, но пока ни к чему не привел.

— А я тебе сейчас зачитаю!

Схватив со стола газету, Сергей с трудом перелистнул липкую бумагу и открыл нужную страницу. Часть слов уже была испорчена и расплылась, приходилось вглядываться в мутные пятна, чтобы разобрать текст. Сделав шаг назад, Сергей оказался в центре кухни и начал с выражением читать, пародируя театральные интонации. Мать опустила руки на колени и молча слушала, глядя куда-то в коридор, на вешалку с верхней одеждой. Постепенно ее лицо осунулось, словно она только что отправила сына на войну. Сергей вошел во вкус и не обращал на нее внимания, пока не дочитал до самого конца.

— Надо теперь объяснять? — Он отбросил газету в сторону и только теперь увидел, что мать молча всхлипывает, обхватив голову руками.

Сергей понял, что перестарался. Он стоял неподвижно и глядел, как мать тихо роняет слезы на цветастую клеенку. Затем сел напротив и глубоко вздохнул. Несколько минут тянулось молчание, пока мать наконец не спросила:

— Почему ты мне не сказал, что тебя ударили?

— Я сказал тебе прочитать статью. Лучше, чем здесь написано, я бы не объяснил.

Мать вытерла ладонью правый глаз.

— Что теперь будет?

— Не знаю.

Она встала и подошла к Сергею. Взяла его за подбородок и долго вглядывалась в худое, красное от волнения лицо.

— Болит?

— Уже нет. Это не было больно. Скорее неожиданно и... обидно.

Она прижала голову сына к груди и погладила его взъерошенные волосы. Сергей ощутил тепло ее тела, и на него нахлынуло давно забытое чувство защищенности, что-то из далекого детства.

— Прости меня, дуру. Если бы я знала, я...

— Теперь-то уже что говорить.

— Неужели в гимназии это проигнорировали?

Сергей усмехнулся.

— Они с ним не будут спорить. Этот человек такого масштаба... Проще меня уволить, чтобы глаза не мозолил.

После такого разговора Сергею было тяжело оставаться дома. Он переоделся, накинул на плечи пальто и зашнуровал ботинки, ставя

поочередно ноги на полку. Мать ничего ему на это не сказала. Наконец, готовый к выходу, он открыл защелку и распахнул дверь.

— Будь осторожен, сынок.

Хорошо, что она не знала, куда Сергей направлялся! Он и сам до конца не знал, поэтому мог со спокойной совестью не посвящать ее в это.

До встречи с Кириллом оставалась еще куча времени. Сергей решил провести его в компании журналистов. Проследовав знакомым уже маршрутом с неизбежной пересадкой с автобуса на автобус, он поднялся на второй этаж желтого дома и без стука распахнул дверь.

— Ты чего так пугаешь! — с ходу набросилась на него Валя.

Она сегодня казалась особенно нервной и недовольной. Скакала по комнате, как кошка за огоньком лазерной указки. Шли съемки нового сюжета, и ей не нравилось, как звучит написанный Аней текст.

— Возьми и сама перепиши. Ты столько правок внесла, что тут проще все выкинуть! — возмущалась Аня.

Она стояла перед камерой, на зеленом фоне, в коричневом пиджаке и со свежим макияжем на лице.

— Хорошо выглядишь, — отвесил комплимент Сергей, но не получил ответа.

Его вообще не замечали — разбирались со своими делами.

— Валентина, не дури! Ты уже к мелочам прикапываешься. Нормально все звучит, — вступился за Аню оператор.

Сергей присел на край дивана и наблюдал за происходящим.

— Это важный сюжет, тут надо, чтобы с первых же слов человек заинтересовался. Что это за «количество бездомных животных в нашем городе с каждым месяцем растет»? Много чего растет, это скучно. Давайте сразу к делу: «Стаи бездомных собак атакуют Кировский район! Местные депутаты закрывают глаза на проблему».

Оператор уперся кулаками в стол, стоявший в центре комнаты, и, вертя головой вслед за передвижениями Вали, попробовал объяснить свою позицию:

— Ты понимаешь, что видеосюжет, тем более с живой ведущей, — это не короткая газетная вырезка? Тут можно позволить себе отойти от плакатных выражений, попытаться подать информацию нейтрально, с экспозицией...

— Нейтрально — это как? Человек открывает видео, и у нас есть несколько секунд, чтобы его увлечь. Всё!

— Это же новости, а не танцевальная подборка! — запротестовал оператор. — Наш зритель никуда не денется, это для него единственный альтернативный источник информации...

— Ой, делайте что хотите, если такие умные!

— Давайте оба варианта снимем и посмотрим, — предложила Аня, устав слушать их спор.

Валя приземлилась на диван рядом с Сергеем. Она шумно дышала и дергала ногой, отбивая только ей слышный ритм. Оператор включил камеру. Аня уселась на место диктора. Все это выглядело как школьная пародия на новостную программу, снятая за учительским столом на перемене.

— Три, два, один...

— Количество бездомных животных в нашем городе с каждым месяцем растет. Только с начала года было зафиксировано около двух десятков нападений на случайных прохожих...

— Стоп, стоп! — поднял руку оператор.

— Что? — не поняла Аня.

— Я не знаю, что с этим освещением делать. Ты выглядишь так, как будто тебя в подвале держат. Все мрачное, рябит. Одна половина лица белая, другая синяя...

— Недалеко от правды, — усмехнулась Валя, оглядывая комнату.

Оператор взял торшер за ножку и подвинул ближе к ведущей. Затем глянул в объектив и поменял наклон абажура. Потом щелкнул выключателем на стене. Пыльная люстра себя-то сама едва могла осветить, а на комнату вообще не оказывала влияния. Через зашторенное окно и то просачивалось больше света.

Провозившись без толку минут сорок, журналисты решили сделать передышку. Теперь в поле их интереса наконец попал Сергей, и ему даже предложили кофе. На сей раз в зеленой железной кружке.

— Как настрой? — спросила Валя.

— Ничего.

Сергей стоял возле шкафа и разглядывал корешки книг. Типичная советская библиотека, ничего выдающегося. Многие книги выглядели так, словно их никто никогда не открывал. Зато были расставлены красиво, по сериям и цвету.

— Кирилл когда будет?

— Сказал, что к часу как штык. Но это, считай, к двум, — поделилась информацией Валя.

— Разве не лучше поехать утром, когда народу больше и мы не привлечем лишнего внимания? — спросил Сергей.

Оператор кивнул:

— Лучше. Но он раньше не может.

— А в другой день?

Валя ответила мгновенно, словно заранее заготовленной фразой:

— Каждый час на счету. Время играет против нас.

Не цитата ли это из какого-то фильма?

— Может, все-таки не будем меня снимать и сделаем сюжет по старинке, с закадровым текстом? — сменила тему Аня.

Было видно, что Валя хочет возразить, но, похоже, аргументы закончились, и она промолчала.

Оператор согласился, заметив, что он сразу говорил: на эту камеру в помещении приличного материала не снимешь. Аня склонилась над ноутбуком и, нацепив наушники, стала наговаривать в микрофон текст, каждый абзац раз по пять. Что-то не нравилось ей, что-то заставляла переписать Валя. Скоро Сергей и сам мог бы наизусть озвучить весь сюжет, разве что не так профессионально.

Кирилл объявился в половине третьего, однако выехать сразу у них не получилось. Одно, другое — в беспорядочных приготовлениях прошло

еще полчаса. Опрокинув четвертую за день кружку кофе, Сергей понял, что вряд ли уснет в ближайшую неделю.

— Так, я на связи, — сказала Валя.

«Соболь» был припаркован вдоль забора, оставляя проезд только для одной машины, что привело к затору даже в этом отдаленном, богом забытом районе. Проезжая мимо, другие автомобили притормаживали, чтобы ненароком чего-нибудь не задеть, и физиономии водителей выражали крайнее недовольство.

Задние сиденья Кирилл на этот раз демонтировал, чтобы «соболь» больше походил на машину для перевозки грузов.

— Как думаешь, все получится? — спросил Сергей.

— Пятьдесят на пятьдесят, как всегда.

Еще сорок минут было потрачено на стояние в пробках. Кирилл без остановки курил, отчего салон быстро превратился в настоящий «газенваген». Сергей очень хотел открыть форточку, но она не опускалась — стекло придерживала торчащая у его нижней кромки отвертка. Сквозь тоненькую щель в окне со стороны водителя едва ли что-то выветривалось. Зато печка жарила без устали, потому что колесико регулировки навеки застряло в третьем, предмаксимальном положении. Поэтому, когда подъехали к КПП бывшего завода «Электромеханика», Сергею уже было без разницы, что делать, лишь бы выбраться на свежий воздух.

— Куда едете? — К машине подошел охранник в камуфляже, с накинутым капюшоном. Его лица практически не было видно.

— На тридцать первый склад, — ответил Кирилл.

Он заранее изучил карту и выбрал максимально дальнее от въезда место.

— А, от Саныча?

— Да.

— Прямо до конца и налево. Зеленые ворота.

«Соболь» въехал на территорию. Сергей потряс головой и протер глаза, чтобы прийти в себя. Машина катилась по длинному заводскому проулку. Вокруг, куда хватало глаз, теснились бетонные корпуса, на каждом виднелись вывески: «Кирпич», «Плитка оптом», «Мебель от производителя», «Стройматериалы из Европы»... Очень скоро от надписей стало рябить в глазах, поэтому Сергей перестал их читать и сосредоточился на маршруте. Возле корпусов стояли грузовые и легковые автомобили, копошились люди. Двое мужиков в возрасте крепили на крышу когда-то белых, а теперь до неприличия ржавых «жигулей» огромный, замотанный полиэтиленом шкаф.

— Что за Саныч? — спросил Сергей у Кирилла.

— А хрен его знает.

Какая-то женщина, оттащив с дороги за капюшон ребенка лет пяти, прижалась с ним к стене, пропуская «соболь». Сергей не понимал, зачем нужна конспирация, если на территорию пускают всех подряд. Не проще ли было ему одному приехать сюда утром и спокойно обойти отмеченный Валею участок? Здесь даже вечером народу было полно, и это радовало.

Слева мелькнул тупик со свежепокрашенными темно-зеленой краской воротами и надписью: «КорМе». Путь «соболем» перегородила длинная фура, которая безуспешно пыталась заехать в ангар под прямым углом.

Не дожидаясь, пока она завершит свои затейливые маневры, Кирилл сдал назад и свернул в какой-то переулочек, куда менее оживленный. Здесь уже действительно не походишь без дела — сразу привлечешь внимание. На корпусах не было никаких вывесок, сразу и не скажешь, работает там кто-то или нет. Сергей достал телефон и включил GPS.

— Сейчас будет перекресток, и сразу за ним — начало нашего участка.

— Принял, — ответил Кирилл и потянулся за новой пачкой сигарет.

Эта часть завода выглядела совсем заброшенной. По пути им не встретилось ни одной машины, окна в зданиях чаще всего были разбиты или заложены кирпичом, а внутренности промерзших кабинетов и цехов выпотрошены на улицу. То и дело вдоль дороги попадались свалки старой мебели, пустые коробки из-под бытовой техники, груды ржавого железного хлама. У одного корпуса стен уже не было, только торчали голые бетонные столбы. Но буквально напротив размещался склад бытовой техники, увешанный красочными баннерами с изображениями газовых плит, холодильников и микроволновок. Такой контраст нового и старого, живого и мертвого теперь царил на значительной части территории некогда огромного завода «Электромеханика».

Кирилл сбавил скорость. Теперь они объезжали отмеченную Валеёв территорию в надежде найти что-нибудь необычное. Сергей, прислонившись лбом к окну, вглядывался в безлюдные заводские закоулки. Дорога становилась все хуже. В какой-то момент «соболь» начал буксовать, а потом и встал.

— Этого еще не хватало! — проворчал водитель.

Выбраться из снежного капкана оказалось непросто. Дергаясь вперед-назад и натужно гудя, машина только глубже увязала, грозя сесть на брюхо. Сергей молча смотрел, как Кирилл злобно крутит тяжелый руль и терзает рычаг коробки передач. Помочь водителю он не мог, так что оставалось просто не мешать. Наконец колеса каким-то чудом поймали зацеп. Раскидывая по сторонам комья снега и коричневого грунта, машина резко дернулась и выпрыгнула из ямы, как настоящий соболь. Кирилл, не останавливаясь, сдал назад и выехал из проулка.

— Давай ты тут пешком походишь, — буркнул он. — А то я машину угроболю.

— Ладно. — На самом деле Сергей был несказанно рад выйти наружу.

— Если что — сразу звони, я подъеду.

«Соболь» завернул за угол и исчез.

Прямые дороги вдоль корпусов вели во все четыре стороны. По следам на снегу можно было определить, куда люди еще ходят, а куда уже давно нет. К зданию впереди вела еле заметная тропинка. Она упиралась в приоткрытую металлическую дверь. Сергей заглянул внутрь. Ничего

интересного: проваленная крыша свисала с поперечных железных балок, накрывая собой кучи строительного мусора. Складывалось впечатление, что корпус пытались разобрать, но на полпути плюнули и оставили как есть. Больше он, очевидно, никому не понадобился.

Сергей двинулся к соседнему корпусу. На кирпичной стене белой краской была намазюкана нецензурная фраза, для не умеющих читать сопровождаемая картинкой. Неподалеку что-то глухо стучало. Выглянув из-за угла, Сергей увидел небольшую одноэтажную пристройку из пеноблоков, прилепленную к длинному зданию высотой метров пятнадцать. Из приоткрытого окна доносился металлический лязг, хрипело радио. Рядом на площадке он заметил с десяток разобранных и битых автомобилей, преимущественно немецких.

Дальше вела накатанная колея. Сергей быстро прошмыгнул мимо пристройки, чтобы не попасться никому на глаза, и сверился с картой. Если обойти длинный корпус, то окажешься в центре нарисованного Валей овала. Путь оказался неблизким. Корпус все тянулся, в высоченных окнах с деревянными рамами оставалось еще много целых стекол, мутных и покрытых инеем. В колее ноги то и дело скользили, а идти по обочине было трудно: снега успело навалить порядочно.

Сергей остановился возле огромной дыры в стене длинного заводского корпуса. Судя по всему, тут раньше стояли широкие железные ворота, которые потом вырвали «с мясом» и бросили рядом. Чтобы не везти целиком, их пытались тут же, на месте, разрезать автогеном, но почему-то не довели дело до конца. Сергей решил сократить себе дорогу, пройдя здание насквозь, и сделал пару шагов внутрь.

Открывшаяся картина поразила его. Помещение не имело перегородок и тянулось во всю длину строения. Толстые, почти метровые в обхвате колонны, армированные железными прутьями, держали на себе крышу, как замершие исполины. Огромные станки и прессы, покрытые ржавыми потеками, ровными рядами уходили на десятки метров в обе стороны, в проходах высились груды хлама, валялись в беспорядке какие-то детали. Кто-то изрядно покромсал оборудование, срезал все, что было по силам, но с многотонными металлическими тушами не совладал. Без серьезного инструмента такой демонтаж вряд ли повернешь.

Сергей сделал еще несколько шагов и обнаружил, что пол залит липкой маслянистой субстанцией, вязкой даже на морозе. Крыша местами прохудилась, отчего мертвый цех частично завалило снегом. Осмотрев ближайший станок, Сергей увидел на нем табличку: «Siemens Heavy Industries, 1947». Неужели настолько старое оборудование могло оставаться в рабочем состоянии вплоть до наших дней? Стараясь ступить где почище, Сергей направился через зал к другим металлическим воротам — целым. Под ногами хрустели осколки битого стекла. Ветер беспрепятственно дул во все щели, и заброшенное здание натужно гудело, как трембон.

Уже почти у самых ворот Сергей услышал шум приближающейся машины. Она тяжело катилась по узкому переулку между корпусами, гремя кузовом. Сергей осторожно высунул голову в разбитую секцию окна и

увидел, как оранжевый КамАЗ с белой будкой проехал мимо и повернул налево. Поспешно выбравшись наружу, Сергей двинулся за ним. Здесь дорога была почищена трактором, так что можно было идти быстро, не боясь навернуться.

Грузовик остановился неподалеку, возле серого квадратного ангара. Ворота открылись, и несколько мужиков стали неспешно выкатывать из них тележки с какими-то коробками. С такого расстояния Сергей не мог разглядеть на коробках никаких надписей, даже если они и были. Он достал телефон и взглянул на карту — здесь был почти центр отмеченного Вале́й участка. Спутниковый снимок делали летом, по нему было сложно судить, можно ли подойти к ангару с другой стороны сейчас, когда все завалено снегом.

Сергей осмотрелся. Прямо перед ним в нескольких десятках метров темнело здание котельной. Скорее всего, оттуда погрузочная площадка ангара видна хорошо. Двигаясь уверенным шагом и следя исподтишка за мужиками возле КамАЗа, Сергей добрался до нужного здания. Выглядело оно как артефакт из еще более далекого прошлого, чем раскуроченные станки: одноэтажное, с мощной кладкой из темного кирпича, закругленными вверху окнами и карнизами замысловатой формы. Из высоченной трубы, закопченной на самом верху, не шел дым, ведь углем в области не топили уже несколько десятилетий. Но выглядела она внушительно, такую хочешь не хочешь, а заметишь издалека. Стекла котельной были по большей части целы, на двустворчатой деревянной двери висел ржавый замок. Сергей на всякий случай дернул за ручку — без толку, конечно.

Он осторожно прошел по хрустящему снегу до угла котельной. Площадка перед ангаром открылась как на ладони. Она теперь вся была заставлена коробками, и мужики, распахнув будку грузовика, затаскивали их внутрь. Водитель приподнял кабину и ковырялся в двигателе. Никаких опознавательных знаков на коробках не читалось. Да и мужики были одеты не в спецовки, а как придется. Сергей сделал несколько снимков на телефон. Ему хотелось попасть в ангар, но единственный путь пролегал через ворота. Оставалось ждать, пока мужики закончат погрузку.

День выдался пасмурный: по небу шустро летели тонкие, как обрывки пленки, облака, через которые проглядывало блеклое, едва заметное солнце. Время от времени его лучи пробивали завесу — и окрестности оживали, коробки заводских корпусов обрастали ровными тенями, а в разбитых окнах поблескивали искры. Но потом все снова потухало, и возвращалась унылая, сонная серость.

Сергей понимал, что долго стоять на одном месте нельзя. Ноги начали замерзать, за шиворот задувал ветер, даже шарф не спасал, хотя был намотан почти по глаза. Да и вокруг котельной Сергей натоптал порядочно, и, если кто увидит, придется отвечать на неприятные вопросы. В своем модном пальто он не выглядел своим среди старых промышленных развалин.

Наконец послышался треск дизельного двигателя, и КамАЗ неторопливо покотился от ангара прочь, увозя коробки с непонятным содержимым.

Его урчание отскакивало от многочисленных стен, как мяч, постепенно сливаясь с шумом лежащего недалеко проспекта. Дождавшись, пока эхо стихнет, Сергей обошел котельную и направился к ангару. Он не знал, что скажет и какие действия предпримет, надеясь придумать все это на ходу.

Рядом с воротами обнаружилась небольшая дверца, которую он и открыл.

Внутри было ненамного теплее, чем снаружи, зато без ветра — уже большое преимущество. Ангар оказался скромных размеров. Коробками была занята хорошо если треть. В дальнем углу горела лампочка, мужики за столом играли в карты. Вошедшего сложно было не увидеть, и они его, конечно же, увидели.

Один из них встал и пошел к двери. В идеале Сергей хотел все сделать незаметно: посмотреть содержимое коробок, сфотографировать в случае необходимости и уйти. Но теперь понял, что такой возможности нет и не будет. Еще не поздно было убежать, и он даже хотел так и сделать. Но тогда какой смысл было мерзнуть столько времени?

— Чё надо? — спросил мужик.

Он был в потрепанном теплом ватнике и камуфляжных штанах. На вид не больше сорока лет, без бороды, с большими карими глазами и красным носом.

— Не подскажите... Где-то тут, мне сказали... эм-м... вроде как есть склад с таблетками...

Сергей сам был в шоке от ерунды, которую молот.

— Какими еще таблетками?

— Ну... э-э... разными. Оптом.

Мужик на мгновение «завис», обрабатывая запрос. Затем повернулся к столу и крикнул:

— Эу, Илюха! Где тут лекарства со склада продают?

— Чё? — послышалось в ответ.

— Вон, у него спроси.

Незаметно выдохнув, Сергей пошел к столу. Он старался не так явно разглядывать коробки, выискивая на них хоть какие-то опознавательные знаки, но все равно со стороны наверняка выглядел подозрительно.

— Чего ищешь, еще раз? — переспросил полный мужик с легкой двухдневной щетиной и крупным, как у быка, лбом — очевидно, Илюха. Лоб так сильно доминировал на его физиономии, что глаза из-под надбровных дуг выглядели робко, как будто стесняясь.

— Склад с лекарствами, оптовый. Мне сказа...

— Никогда не слышал, чтобы тут таблетки продавали, — перебил Илюха. — Кто тебе это сказал?

— Друг.

— Ну пускай друг точнее назовет, — встрял третий мужик, скорее даже парень. Худой, курносый, в черной шапке, в синей куртке поверх спортивного костюма, он сидел в стороне и тасовал грязными руками мятую колоду. — Какой номер склада?

Немного помолчав, Сергей нерешительно ответил:

— Сказал, у вас...

Все трое на разный лад хмыкнули.

— Мы чё, на аптекарей похожи? У нас точно нет.

— А что это за коробки?

Все трое замолкли. Сергей понял, что снова сморозил какую-то ерунду и надо срочно что-то добавить, чтобы перебить повисшую недобрую тишину. Но за него это сделал мужик в ватнике:

— Ты мент, что ли?

Воздух вмиг уплотнился, стал тягучим и душным. Сергей чувствовал на себе подозрительные взгляды мужиков.

— А я чё, на мента похож? — в отчаянии съязвил он.

Шутка сработала. Мужик в ватнике криво улыбнулся и как-то нелепо хохотнул, будто хотел выплюнуть застрявшую в горле мокроту. Затем достал из кармана маленький канцелярский ножик.

— Вон, смотри!

Подойдя к первой попавшейся коробке, мужик разрезал скотч и показал содержимое. Внутри лежали аккуратно упакованные шуруповерты синего цвета.

— Похоже на таблетки?

— Не особо, — ответил Сергей.

— Мы тут китайский электрохлам фасуем. Надо?

Сергей отрицательно мотнул головой.

— В магазине ты за такие деньги ничего из этого не купишь, — сказал Илюха. — Возьми, может, пригодится в хозяйстве.

— Только сразу две штуки бери. Это говно сторит через неделю, — посоветовал парень в черной шапке. Он перемешал карты и начал раздавать. — Сыграешь партейку с нами?

— Нет, спасибо, — отказался Сергей.

Мужик в ватнике сел за стол и, посмотрев свои карты, ругнулся на раздающего:

— Тебе бы руки переломать за такое!

— Так, я хожу! — Илюха швырнул карту с отчетливым шлепком.

Неудивительно, что колода была потрепанная, с загнутыми углами.

Сергей молча двинулся к выходу. Мужики больше не обращали на него внимания. И только в самом конце третий, в спортивном костюме, крикнул ему:

— Спроси у эстэошников, прямо до упора и направо! Может, они знают.

Эти люди действительно не походили на производителей контрафактных таблеток. Слишком простые и прямолинейные. Неудивительно, что Валя не нашла никакой информации: наверняка они фасовали эти шуруповерты нелегально, так что вряд ли афишировали свой бизнес в интернете.

Сергей не знал, куда идти дальше. Подобные склады могли располагаться в прямом смысле на каждом углу. Не во все же здания заглядывать! Так можно и умом тронуться.

Он вышел на дорогу и пошел в обратном направлении вдоль длинного корпуса, только уже с другой стороны. Виды окрестностей тут

ненамного отличались: те же заброшенные строения, исписанные стены и узкие проезды. Сергей даже подумал, что действительно стоило расспросить работников СТО в той пристройке. Глядишь, сэкономил бы время и не успел бы замерзнуть. Хотя если объект, который он ищет, засекречен, то что они могут знать...

У разобранного корпуса, где торчали одни бетонные колонны, Сергей увидел знакомый «соболь». Пассажирской стороной машина была прижата к высокому сугробу, чтобы не мешать проезду другой техники. Сергей постучал в водительское окно.

— Как успехи? — рассеянно спросил Кирилл, открыв дверь. Он, оказывается, дремал, разувшись и вытянув ноги вдоль сидений.

— Пока всё без толку. Дрыхнешь?

Из натопленного салона потянуло жаром.

— Сигареты кончились. Что еще делать?

— Беда, — пожалел водителя Сергей.

Кирилл принял вертикальное положение и стал обуваться.

— Ты туда ходил? — Он показал на неширокий проезд между складом бытовой техники и стеной какого-то корпуса, обшитого желтым сайдингом.

— Пока нет. А что там?

— Не знаю. Машины вон постоянно катаются.

Старая Toyota RAV4 выскочила из проезда и, не тормозя на повороте, устремилась прочь, оставляя после себя завесу вонючего сажевого выхлопа. Сергей сверился с картой в телефоне. Это место располагалось на самом краю отмеченного Вале́й участка.

— Наверняка там ничего нет.

— Сходи на всякий случай. Я минут через тридцать за тобой заеду.

Чтобы хоть немного согреться, Сергей прибавил шагу, потом почти перешел на бег. На улице уже заметно стемнело, кое-где включались фонари. Решение отправиться на такое ответственное задание к вечеру было, мягко говоря, легкомысленным. Солнце зимой скрывается быстро, словно выбили пробки, не успеешь и моргнуть.

Оказавшись посреди огромной пустой площади, Сергей осмотрелся. Слева был въезд на территорию желтого корпуса. На воротах красовался яркий логотип известной в городе кондитерской фирмы. Справа — огороженная стоянка, принадлежавшая складу бытовой техники. Она была ярко освещена, и на ней стояло несколько фур в ожидании загрузки. Еще вокруг площади размещались мелкие кирпичные постройки. Они могли использоваться для чего угодно. Посреди них выделялась водонапорная башня, монументальный вид которой не портило даже ее жалкое техническое состояние и торчавшие на макушке антенны сотовых операторов.

Подойдя ближе, Сергей услышал повторяющийся металлический лязг — на башне оторвался кусок кровли и, выгибаясь, хлопал на ветру то еле слышно, то громко. Странно, что его еще не сорвало совсем. За постройками, вдоль строительного забора, отделявшего завод от города, нашли свою последнюю стоянку разбитые, ржавые остовы старых автомобилей. В перевернутом наборе автобуса «ЛАЗ» сквозь треснувшее

лобовое стекло видны были каркасы сидений, а раздернутые заиндевелые занавески свисали с окон, как сталактиты. На двери кабины ЗИЛа еще читалась надпись: «АТП “Электромеханика”».

Сергей еще больше уверился в бессмысленности своей вылазки, когда понял, что идет в никуда. Зимняя ночь наступала стремительно. Казалось, с каждым следующим его шагом окрестности все больше погружались во мрак, будто это он был тому виной. Впереди не горело ни одного фонаря, разбитые цеха смотрели черными провалами окон на Сергея как на дурака. Заводская ТЭЦ укрывала окрестности серым дымом, словно одеялом. Жилые кварталы находились на солидном отдалении от промзоны, и их свет лишь придавал небу над линией горизонта голубоватый оттенок.

Вблизи только еле заметное сияние в окне странного вагончика машило к себе. Наверняка там обитает сторож, который пошлет Сергея на три буквы, — и Сергей радостно послушается и пойдет греться в душном салоне «соболя». Или это окажется очередной склад, цех по фасовке китайского ширпотреба, ремонтная мастерская... Что угодно могло скрываться в этом вагончике. Зато совесть Сергея будет спокойна: проверил, товарищи журналисты, каждую подворотню.

Внезапно Сергей обо что-то споткнулся и едва не упал. Это оказались рельсы, коварно спрятавшиеся под снегом. Они шли поперек дороги, огибали какое-то приплюснутое, словно раздавленное большой ногой, здание и исчезали. До вагончика уже было рукой подать.

Только подойдя ближе, Сергей разглядел, что это на самом деле. Пять прямоугольных контейнеров, составленные вплотную друг к другу, прятались за двухэтажным кирпичным корпусом, старым и по виду похожим на здание котельной. В нем не было стекол, на месте дверей зияли провалы, а сквозь дырявую крышу смотрело первыми звездами расчислившееся под вечер небо. Пришлось достать телефон и включить в нем фонарик, потому что в пелене наступавших сумерек стало трудно различать детали. Во всех контейнерах тускло горели окна, вот почему Сергею и показалось издали, что это вагончик.

Впереди послышался шорох. Сергей медленно обошел крайний контейнер и увидел возле него невысокого худого человека. Тот был одет не по-зимнему: в спортивные штаны, легкие кроссовки и черную кожаную куртку.

— Он чо ки хаст?

Человек щурился в свете фонарика, закрывая лицо руками. Судя по свежим разводам на снегу, вышел он по малой нужде.

— Извините, я не хотел вас напугать. — Сергей опустил телефон.

— Ту чи меххи? Маро назанед.

— Я, наверное, заблудился...

Внезапно человек закричал:

— Бачахо! Бачахо! Инчо биё!

Сергей попятился. Стало понятно, что приходить сюда не следовало. Захлопали двери, и из контейнеров на улицу повалили люди. У одного был ручной фонарь.

— Ча наде? — спросил он, направив луч на незваного гостя.

Все собравшиеся были азиатской наружности.

— Ничего, извините.

Сергей быстро зашагал вдоль кирпичного корпуса. Люди шли за ним по пятам. Он ускорился. Толпа не отставала.

— Эу! Мондан! Ист! Стой!

Ему вслед вразнобой неслись какие-то выкрики, явно не дружественные. Правильнее было развернуться и бежать назад, но Сергей упустил нужный момент, и этот путь оказался отрезан. Он подумал, что теперь все равно, в какую сторону идти, лишь бы оторваться от преследователей. Не станут же они семенить за ним по всему заводу! Фонарик телефона слабо помогал ориентироваться на местности. Вокруг валялось много ящиков, бочек, торчали куски арматуры. Выплыл из темноты ряд кабинок биотуалета, откуда ужасно воняло. Наконец Сергей окончательно потерял дорогу и, в очередной раз свернув куда-то наугад, уперся в бетонный забор. Тупик.

— Я журналист, журналист! Газета! — залепетал он, обращаясь к обступившей его толпе.

Люди остановились. Они переглядывались и вполголоса переговаривались на своем наречии. Сергей не понимал, чего они хотят. Кто это? Гастарбайтеры? Ничего плохого он им не сделал, так что бить его не за что. Хотя от мигрантов можно ожидать всякого...

В толпе между тем уже почти кричали, ведя жаркий, непонятный спор. Неподалеку, за забором, шумел проспект.

Вдруг Сергей почувствовал, что пахнет уже не туалетом. Почти рядом с ним из земли торчала широкая вентиляционная труба, и оттуда отчетливо несло больницей. Этот запах сложно с чем-то спутать. В кирпичном корпусе, что оказался теперь по левую руку, Сергей приметил железную дверь. Она выглядела крепкой и явно была поставлена недавно. Неужели... Недолго думая, в порыве невесты откуда взявшейся решимости Сергей кинулся к двери, распахнул ее — и оказался в неосвещенном коридоре, который заканчивался спуском в подвал. Вдоль стен стояло много пустых деревянных ящиков, и Сергей с разбегу ударился об один коленом, но не почувствовал боли.

Обтирая плечами со стен побелку и грязь, он скатился по узкой лестнице вниз и оказался в маленьком тамбуре, где уперся в другую дверь, запертую на кодовый замок. Здесь уже горел свет: мутная лампочка озаряла ободранные стены, низко нависший потолок, который, казалось, давил, как пресс. Сергею стало по-настоящему страшно: теперь он точно загнал себя в угол. Попытка подняться назад успехом не увенчалась — на лестнице уже толпились мигранты. Он успел десять раз пожалеть, что бросился в этот подвал.

Сергей спрятал телефон в карман и уперся спиной в стену, готовясь к драке. «Главное, чтобы башку не отбили», — мелькнула мысль.

От толпы мигрантов отделился один, невысокий, в синей кепке и кожаной куртке поверх спортивного костюма. Его морщинистое лицо казалось усталым, в узких черных глазах не видно было зрачков. Человек сделал несколько шагов вперед. Сергей поднял руки, закрываясь от удара...

Он услышал, как щелкнул кодовый замок, — и железная дверь распахнулась, скрипя несмазанными петлями. Все еще не понимая, что это значит, Сергей заглянул в открывшийся проем. Человек в кепке вошел первым и нажал на выключатель, озарив помещение светом настенных люминесцентных ламп.

— Онро кашед! Снимат! — крикнул он.

Длинную узкую комнату заполнило протяжное электрическое гудение. Одна лампа никак не могла включиться и судорожно моргала. По углам валялся всевозможный хлам. В центре стояли сдвинутые в один ряд деревянные парты, как в школе. Вдоль стен выстроились коробки и холщовые мешки, накрытые тряпками. В комнате царил беспорядок, как будто здесь недавно рылись, пытаясь что-то отыскать. На партах, покрытых желтыми разводами, теснились мутные, плохо промытые колбы и какие-то непонятные склянки, пол был усыпан полиэтиленовыми пакетами и сплюснутыми пластиковыми бутылками.

Человек в синей кепке подошел к одному из ящиков, открыл крышку и набрал горсть белых капсул.

— Снимат! Всьо снимат! Полиция дават мекунад!

Наконец Сергей понял, чего от него хотят. Он поспешно расстегнул карман, достал телефон, включил режим видеозаписи и стал ходить по комнате, снимая все, что попадалось на глаза. Толпа мигрантов оставалась по ту сторону двери. На столе в углу обнаружилось несколько квадратных металлических пластин с рядами аккуратных, симметричных отверстий. Эти устройства предназначались, видимо, для ручной фасовки капсул в блистеры. Пачки новеньких, еще пустых блистеров лежали рядом, стянутые бухгалтерскими резинками. Чуть дальше — ворохи бумажных распечаток с названиями известных препаратов и линиями разметки. Похоже, по этим шаблонам вырезались и складывались картонные упаковки.

От густого лекарственного кумара Сергея быстро начало мутить. Самодельная вентиляция очищала воздух ровно настолько, чтобы не дать задохнуться.

В дальнем конце комнаты размещалось что-то вроде кухни: три закопченные плиты, ряд газовых баллонов и сложная конструкция из нержавеющей труб, похожая на самогонный аппарат. В одном углу были горой свалены металлические кастрюли и какие-то серые пластиковые емкости, исписанные китайскими иероглифами. Батарей отопления в помещении не было. Несколько бытовых электрических нагревателей стояло без дела, их вилки были воткнуты в одну переноску, перемотанную скотчем.

Сергей не знал, что конкретно надо снимать, поэтому метался из угла в угол, водя камерой во все стороны, стараясь не упустить ничего важного. С улицы слышались приглушенные вопли, их отзвуки доходили до подвала по вентиляционной трубе. Только теперь Сергей заметил, что человека в синей кепке и кожанке рядом уже нет.

Тут в комнату ворвался широкий, как шкаф, мужик, одетый в военный камуфляж.

— Эй, ты! — На его круглой, гладко выбритой роже мгновенно нарисовался злобный оскал. Острые скулы едва не прорезали кожу, огромный нос за один вдох наполнял под завязку легкие едким химозным воздухом.

Рывок — и туша уже неслась к непрошеному гостю. Обогнув парты с другой стороны, Сергей в панике ринулся к двери. Сунув по пути телефон в карман, он в два прыжка очутился у лестницы. Сзади громко лязгнул металл. Охранник, запертый в комнате, громко забарабанил кулачками по двери.

— Кифоя... Гурезед! Беги! — Человек в синей кепке махнул рукой в сторону выхода.

Сергей благодарно кивнул ему и, спотыкаясь на высоких и неровных ступеньках, бросился прочь. Миновав темный коридор, он выбрался наружу и оказался у знакомого уже забора. Человек в синей кепке выскочил следом и побежал к своим. Увидев его, мигранты снова закричали, размахивая руками.

На улице уже совсем стемнело. Яркий луч ксеноновых фар упал на стену кирпичного корпуса, выхватил из мрака ряд биотуалетов и ослепил Сергея. На площадку возле контейнеров вылетела Toyota RAV4 и резко затормозила. Из салона высыпались трое мужиков в камуфляже, отрезав Сергею дорогу к бегству.

На мгновение Сергей оцепенел. Холодная дрожь пробежала по телу, дыхание перехватило. Ноги одеревенели и не слушались. Он так ясно понял: теперь-то ему точно конец, — что мгновенно потерял способность мыслить. Зато в нем так же мгновенно включились спавшие до этого где-то в глубине подсознания животные инстинкты. Очертя голову Сергей кинулся в сторону биотуалетов, намереваясь проскочить между контейнерами и глухой стеной кирпичного корпуса. В тот же момент мигранты набросились на мужиков в камуфляже. Завязалась потасовка, послышались вопли ярости и боли.

Сергей несся изо всех сил. Он и не знал, что может так бегать. Школьные занятия по физкультуре всегда тяготили его своей бессмысленностью, теперь же от быстроты ног зависела его жизнь, и он вкладывал в каждый свой шаг, в каждый прыжок энергию, которая пряталась в организме все эти годы. Посмотрел бы на него сейчас физрук, одинокий, лысеющий Пал Палыч, как-то раз обозвавший семиклассника Сережу «мешком навоза» за манеру бегать громко топая всей стопой. Впрочем, наверное, он уже спился...

Способность соображать постепенно возвращалась. Теперь Сергей не просто бежал куда глаза глядят, а пытался выбирать направление. В общем-то, он легко мог спрятаться в любом из заброшенных зданий, затаиться в одном из многочисленных проулков или просто красться параллельно основной дороге. В любой нечищенной подворотне внедорожник с охранниками запросто увязнет. Но на улице совсем стемнело, и лезть в эти мерзлые развалины или блуждать по заснеженным лабиринтам между заводскими строениями, не зная территории, было не менее опасно.

Морозный воздух жег разбухшие легкие, и Сергею пришлось сбавить скорость. Молодой, но нетренированный организм не выдерживал

взятого темпа. Сердце гулко стучало в грудной клетке, рассылая волны дрожи по всему телу. В висках болезненно пульсировало, глаза слезились от перенапряжения.

Со стороны контейнеров послышался выстрел. Этого Сергей точно не ожидал. Дернувшись от испуга, он выжал из себя последние силы, рванулся вперед... не заметил рельсы и на полном ходу грохнулся на дорогу, пропахав подбородком снег.

— Как мешок навоза, — выплюнул он висевшую на языке фразу.

Машинально потрогал место ушиба — кожа разодрана. Но думать об этом было некогда. Сзади заревел двигатель. Обернувшись, Сергей увидел голубоватый свет ксеноновых фар и расслышал шелест цепляющихся за снег шипов. Луч скакал по зданиям, отбрасывая на их стены причудливые тени. Казалось, эти тени живые, тянут свои изуродованные, кривые лапы к Сергею и вот-вот схватят за ногу...

Сергей поднялся и скользнул в проход между складами. Двигаясь быстро, насколько хватало сил, он дошел до конца стены и огляделся. По левую руку был бетонный забор, прямо — сухие кусты и небольшие деревья, наполовину утонувшие в снегу. Сергей двигался на ощупь, благо на небе висел огромный диск полной луны, а облако дыма заводской ТЭЦ отнесло ветром в другую сторону. Это позволяло различать хотя бы силуэты объектов. Toyota проехала мимо. Зачерпнув полные ботинки снега, Сергей, собрав последние силы, полез по сугробам. Никто этой зимой вдоль забора не ходил, потому что человеку в здравом уме тут делать нечего. От стены склада до забора было метров пять заснеженного, заросшего сухим бурьяном пространства.

Сергей увидел впереди перевернутую кабину ЗИЛа. Это место было ему знакомо. Он осторожно выглянул из-за кабины, разглядывая площадь. Прямо светились фонари кондитерского цеха. На левом фланге, возвышаясь над складом бытовой техники, подпирала звездное небо водонапорная башня. Лист металла на ее крыше все так же постукивал, словно испорченный метроном, задавая неровный ритм жизненным событиям.

Сергей прислушался. Невдалеке еле слышно гудел город, ревела сиреной скорая помощь. Легкий ветер сдувал верхний слой снега и разносил поземкой по округе. Совсем рядом тихо тарахтела машина. Сергей напрыгся. Он прополз чуть дальше, к автобусу «ЛАЗ», и опять осмотрелся. Собрав волю в кулак, решил выйти на площадку. Под водонапорной башней, метрах в пятидесяти от него, стоял «соболь». Усталость мгновенно пропала, тело наполнилось силой и понеслось вперед.

— Поехали!

Задремавший в ожидании Кирилл немного опешил. Судя по всему, на красном, с разбитым подбородком лице Сергея было написано многое.

— Что случилось?

— Давай гони!

Воткнув непослушную передачу, Кирилл сдвинул машину с места и медленно поехал в сторону кондитерского цеха.

— Быстрее! — прохрипел Сергей.

— Мы сейчас в самую пробку попадем. — Аргумент Кирилла прозвучал как издевательство.

Оказавшись в натопленном салоне, Сергей мгновенно поплыл. Взгляд не мог ни на чем сфокусироваться, руки и ноги ныли, горло словно разодрали гвоздем. Он едва мог говорить.

— Где ты был? Что произошло? — допытывался Кирилл.

В зеркале заднего вида моргнул ксеноновый свет. Повернув голову, Сергей увидел, что их догоняет машина. Он хотел крикнуть, но голос надломился, и наружу вырвался лишь свист.

Кирилл прибавил газу. «Соболь» вильнул, норовя уйти в занос, но все же поддался аккуратному подруливанию и начал ускоряться. Сергей смотрел через стекло на неумолимо приближающуюся Toyota RAV4 и думал, что делать. Мысли не складывались ни во что дельное, а только снова будили задремавший было страх. Достав телефон из кармана, он открыл чат с Валеи и скинул ей последнее видео, даже не зная наверняка, правильный ли выбрал файл. «Соболь» почти проскочил проезд между кондитерским цехом и складом бытовой техники, когда ему навстречу из-за поворота вылетел черный Lexus. Кирилл резко нажал на тормоз, непристегнутого Сергея швырнуло к передней панели, и он с размаху приложился об нее лбом. Заглохший «соболь» развернуло поперек дороги.

Из внедорожника выскочил водитель и начал орать матом, заполошно размахивая руками. Держась за ушибленную голову, Сергей мельком глянул на него. Это был отец Лены. Весь из себя нарядный, в темно-синем костюме, словно пришел на выпускной.

Растерявшийся Кирилл соображал туго и к тому же не понимал, что происходит. Он завел двигатель и попытался отогнать машину, чтобы освободить проезд, но не успел. Сзади затормозила Toyota, и из нее выскочили трое в камуфляже. Они сразу бросились к пассажирской двери «соболя». Сергей попытался удержать ее изнутри, но силы были неравными. Дверь распахнулась, его вытащили за шиворот и бросили лицом на дорогу.

— Ты что, сука, там делал?! А?!

Первый удар тяжелым берцем пришелся в область груди.

— Думал ударить? Выверните ему карманы!

Выбежавшего на помощь Кирилла сразу же отшвырнули, и он поумерил пыл, стоял в стороне.

Второй и третий удар впечатались в живот. Сергей обхватил колени руками и сжался. Охранники возили его по снегу, пытаясь развернуть. Из вырванного вместе с куском подкладки кармана выскользнул телефон. Один из охранников сразу же наступил на него, а затем пнул в ближайший сугроб.

— На, сука!

Удар по голове на некоторое время оглушил Сергея. Монотонный свист, пульсирующая боль в области печени, во рту липкая влага с привкусом железа...

— Что тут происходит?

Сквозь свист в голове Сергей различил знакомый голос. Не верилось, но реальность оказалась страшнее самых жутких фантазий.

— Этот урод залез в лабораторию, Анатолий Викторович! Видимо, что-то спер. Сейчас разберемся!

— Поднимите его.

Охранники вдвоем схватили Сергея за плечи и подняли. Он уже не сопротивлялся. Сквозь слезы, заливавшие глаза, проступили знакомые очертания лысенького, непропорционально толстого тельца, облаченного в коричневую дубленку с мехом на воротнике.

— О, этот ничего не спер, — спокойно произнес Бокаров и подошел ближе. — Ну здравствуй, учитель...

Говорить Сергей не мог, оставалось молча пялиться в заплывшее жиром лицо. Исходивший от него запах дорогих сигарет смешивался с чем-то настолько резким и сладким, будто Бокаров выпил флакон дорогого парфюма.

— Ты оказался настырнее, чем я предполагал. Мало тебе показалось?

Сергея мутило от отвращения, и он попытался отвернуться, чтобы не видеть почетного гражданина так близко.

— А? На меня смотри, чучело!

Бокаров отвесил Сергею пощечину. Тот сплюнул кровью.

— Думаешь, дружки твои тебе помогут? Где они теперь?

Сергей попытался ответить, но лишь невнятно замычал. Язык застрял между зубов, онемел, как бывает после стоматологической анестезии.

— Они — никто! И ты — никто. Собирай манатки и вали из города, пока живой. Иначе тебе кранты. Это мое второе предупреждение.

Вокруг перекрытого их машинами проезда образовался небольшой затор. Фура со стоянки склада бытовой техники не могла выехать в город, за внедорожником Lexus томились две машины, легковая и грузовая. Водители наблюдали за происходящим, прильнув к стеклам. Из соседних корпусов высыпали несколько работников и с любопытством пялились на чужие разборки.

Напоследок Бокаров ударил Сергея ногой в живот, но чуть не грохнулся сам. Черные замшевые ботинки хорошо скользили по укатанному снегу.

— Нечего тут смотреть, давайте валите! — прикрикнул на пеших зевак охранник в камуфляже.

Те немного попятись, но не ушли.

Сергей прислонился к боку «соболя» и медленно сполз на снег. Зудящее от ссадин, ноющее от ударов тело не слушалось, руки онемели и висели как плети. Сил хватило только на то, чтобы поднять голову и смотреть сквозь застилавшую глаза пелену, как отец Лены открывает перед Бокаровым дверь, садится за руль и Lexus протискивается между стеной кондитерского цеха и «сободем» с сидящим возле него Сергеем. Если бы Кирилл вовремя не спохватился и не оттащил товарища в сторону, внедорожник запросто раздробил бы тому ноги.

Когда Lexus скрылся, из фуры вышел водитель и кинулся к пострадавшему. Вместе с Кириллом они затащили Сергея в машину.

— Мужики, это чё, Бокаров был? — спросил один из рабочих.

— Он самый.

— Чем же вы ему так насолили?

— Тройку его сыну поставили, — объяснил Кирилл.

Водитель фуры недоуменно хмыкнул:

— А серьезно?

Как только проезд освободился, фура и две машины сразу уехали в город. Работники из соседних корпусов остались, пользуясь незапланированным перекурком. Они возмущенно переговаривались, сочувственно вздыхали, ругали Бокарова последними словами. Но что толку — вмешаться в нужный момент никто из них не осмелился.

— Где... телефон? — Это было последнее, что Сергей спросил.

Когда Кирилл вернулся к нему с ответом, он уже был без сознания.

Лишившиеся объекта обсуждения зрители вскоре разошлись по своим рабочим местам. Дорога опустела. О случившемся напоминали лишь капли крови на вспаханном множестве колес снегу. Но к утру и их засыпало.

* * *

— Доброе утро, Сергей Павлович! А мы вас давно ждем.

Не торопясь, растягивая каждый шаг, Сергей направлялся к гимназии. Пришкольная территория была пуста. Только Анна Константиновна семенила рядом. Ее объемно начесанные на макушку русые волосы пружинили и гнулись под порывами весеннего ветра, а бирюзовое вельветовое платье, как всегда, смотрелось старомодно и больше походило на чехол для очков, чем на наряд сравнительно молодой женщины. Деревья только начинали обрастать зеленью, декоративные клумбы вдоль главной аллеи напоминали незасеянные дачные грядки, грязь с них переливалась через бордюр и растекалась по асфальту бурными разводами. Однако теплые лучи весеннего солнца, запах влажной земли, вопли вернувшихся из заморского странствия птиц настраивали Сергея на возвышенный, позитивный лад.

Анна Константиновна немного ускорила шаг и распахнула перед гостем дубовую дверь. «Заменяли наконец пластиковое непотребство чем-то более гармонирующим с обликом здания, — отметил Сергей. — И правильно, уже вход должен производить на посетителей впечатление».

Охранник резво вскочил со стула и шел навстречу, протягивая руку для приветствия. Его редкие волосы были прилизаны, а сам он оказался облачен во фрак и черные, ровно выглаженные брюки со стрелкой.

— Доброго дня, сэр!

Сергей вежливо кивнул, но руки не подал. Поднимаясь по широкой лестнице, он обратил внимание, как много появилось на стенах картин. От скромных деревенских сюжетов и речных пейзажей до портретов пышных дам, увешанных драгоценностями, и весьма средненьких репродукций известных полотен. «Осада Пскова» Брюллова, например, выглядела тут совсем некстати.

Анна Константиновна заговорила:

— В этом году компьютерный класс требует обновления. Технологии, сами понимаете, не стоят на месте...

— Что же вы, себя содержать не в состоянии? — перебил ее Сергей.

Она отмахнулась от вопроса, как от мухи:

— Да куда там! Мы же муниципальное губернское учреждение. Даже ремонт для нас большая проблема. Это море, океан бюрократии! А уж закупка оборудования...

— Чем тогда вы отличаетесь от любой другой школы?

Лестница кончилась, и они теперь шли по длинному, хорошо знакомому Сергею коридору. Ряд чугунных люстр освещал его тусклым, дрожащим светом. Витиеватая лепнина на потолке потемнела от копоти множества свечей. Звук шагов по мраморному полу гулко отскакивал от стен и эхом метался по этажу.

— Репутацией, Сергей Павлович. Наши выпускники занимают не последние места в государственном аппарате, наши преподаватели обучались в лучших заведениях Европы. И мы с уважением принимаем от бывших учеников или их родителей любую помощь. В том числе материальную.

Сергей остановился возле учительской. Дверь была немного приоткрыта, и изнутри по полу тянулся тонкий луч утреннего солнца. Кто-то тихонько разговаривал, но различить слова было невозможно. Желая взглянуть внутрь, Сергей взялся за массивную полированную ручку. В это мгновение его вдруг обдало таким неестественным, потусторонним холодом, что он отпрянул от двери, обливаясь потом.

— А что же Бокаров вам не даст денег?

Лицо Анны Константиновны скривилось, выражая легкую брезгливость.

— Как, вы разве не знаете?

— Нет.

— Он сдох.

Сергей впервые за утро улыбнулся. Это была прекрасная новость.

— Как же так случилось?

— Никто не знает. Просто сдох, и всё.

Сложив руки за спиной, Сергей отвернулся от двери учительской.

— Что ж... собаке — собачья смерть.

В дальнем конце коридора ярко светило высокое окно, его деревянная рама обрамляла неестественно голубое небо. Сергей пошел на свет, желая оглядеть окрестности с высоты и еще раз порадоваться долгожданному приходу весны.

— Знаешь, мне, может, никогда и не нравилось работать на почте, — фамильярно заметила Анна Константиновна. — Постоянная беготня, стресс и никакого уважения со стороны клиентов. Все только недовольны.

Идя в ногу с Сергеем, она впервые рассказывала о своей жизни.

— Не знал, что вы работали на почте, — заметил он.

— Уйдя в библиотеку, я впервые за долгие годы вздохнула спокойно.

Сразу жизнь стала полегче. До ночи посылки не перебираешь. Тишина. Можешь и сама что-нибудь почитать...

— Да, если выбирать по таким критериям, школа не самый лучший вариант для вас. Покой тут понятие относительное. Даже странно, что вы тут настолько задержались.

Ответ Сергея снова был оставлен без внимания. Анна Константиновна продолжала говорить о своем, только ее голос отчего-то стал звучать глухо, будто она двигалась не рядом, а за стеной.

— Вот газеты продавать — так себе. Холодно, сидишь в зимней куртке в проходе, все постоянно шляются мимо тебя туда-сюда. Руки к концу дня отмерзают. Но куда деваться...

В окне уже в общих чертах виднелись окрестности: светло-зеленые крыши старых двухэтажных домов, забитые машинами узкие улицы исторического центра, голые стволы еще не очнувшихся от зимней спячки деревьев. У самого горизонта — редкие башни неуместных тут высоток, памятники временам разгильдяйства, когда любую гадость можно было построить где заблагорассудится.

Анна Константиновна пропала. Видимо, ей наскучила компания бывшего учителя. Но голос ее продолжал шуметь в голове, как талые ручьи, собиравшие с дорог смятые пачки сигарет и пластиковые бутылки и уносившие их в те районы города, которым не повезло находиться в низине.

Что-то из посуды упало и разбилось. Похоже, тарелка.

— Ох, извините, я подниму...

— Сиди, все в порядке. Это на счастье.

Сергей открыл глаза и увидел потолок своей комнаты. С кухни доносились голоса, но он не сразу смог понять чьи. Было душно. Он пошевелил ногой — по телу прошел неприятный зуд. Каждое движение сопровождалось болью, живот стягивало, словно его измазали сиропом. Сергей рывком сдернул одеяло. Воздух был густой и тяжелый. В какой-то момент Сергею показалось, что он задыхается: в горле першило, вдохнуть полной грудью не получалось.

Собравшись с силами, он поднялся с дивана. Голова кружилась. Медленно пошел к окну. Ноги не слушались и были ватные, утыканные множеством крошечных невидимых иголок, как бывает, если их отсидишь. Наконец Сергей добрался до подоконника и, схватившись за него, распахнул форточку. С улицы потянуло свежим прохладным воздухом. Сергей жадно вдыхал его и не мог насытиться. От сквозняка тонкие шторы нервно зашевелились, подвесной потолок задрожал, как холодец. С каждым вдохом к Сергею возвращались силы. Он приходил в себя.

— Сережа, замерзнешь же!

Мать кинулась к нему и захлопнула окно. Потом крепко обняла:

— Тебе еще только простыть не хватало!

В дверном проеме стояла Надя.

— Как самочувствие?

— Н-ничего вроде... Душно.

Обнаружив здесь Надю, Сергей был удивлен не меньше, чем при виде облаченного во фрак охранника гимназии. Ему стало стыдно, что

бывшая коллега видит его в таком состоянии — побитого, в трусах, посреди комнаты, где он провел всю жизнь: с машинками на полке, фотографиями в смешных рамках, постерами с супергероями, плюшевым зайцем на комодке... Все это захотелось поскорее убрать и спрятать, потому что столь инфантильная обстановка не вязалась с тем мужественным образом, который он так усиленно создавал.

— Давай комнату проветрим. А ты, сынок, пока иди-ка на кухню.

Кое-как натянув спортивные штаны, Сергей двинулся в указанном направлении. Ходить уже было проще. Если не размахивать руками и поменьше вертеть головой, то получалось даже неплохо. После перепоя иной раз и похуже ломает.

— Болит? — спросила мать, глядя на его лоб.

— Терпимо.

Сергей сначала не понял, о чем речь. Затем нащупал на лбу марлевую повязку.

— Повезло, что ничего тебе не отбили. Врач сказал, что сотрясение не сильное. Недельку дома посидишь, и все будет в порядке.

Недельку? А сколько он уже находится дома? Ощущение времени пропало, Сергей не мог точно сказать, какой сейчас день недели.

— Где телефон? — спохватился он вдруг.

Надя ушла в комнату и тут же вернулась.

— Стекло треснуло, но остальное вроде работает.

Сергей взял у нее свой телефон и разблокировал экран. В правом нижнем углу наискосок, как поминальная лента, шла темная трещина. Часть пикселей вокруг нее отображалась некорректно, то и дело мерцая. Однако на исправность в целом это, кажется, не повлияло, и сенсор работал хорошо. Спасибо защитному стеклу за четыреста пятьдесят рублей. Судя по календарю на дисплее, сейчас было девять часов утра, а день — следующий после вылазки на завод.

— У меня вечером занятие! — вспомнил Сергей.

— Какое тебе занятие! Ты в зеркало себя видел? — возмутилась мать.

Сергей не видел. Он включил фронтальную камеру телефона и взглянул на свою рожу. Губа разбита, под правым глазом потемнение, на щеке пластырь, на лбу криво намотанная повязка. Для обложки глянцевого журнала не пойдет, а так в целом ничего страшного. В голове всплыл образ Катерины в домашнем халате, ее озорной взгляд, легкая походка... Пропускать занятие Сергей точно не собирался.

— Это мой хлеб. Сама говорила, чтобы я работал.

— Доработался уже, чуть не искалечили! Сиди-ка ты дома.

Сергей замолчал. Вопросы всплывали в голове постепенно, по мере того как он вспоминал события вчерашнего вечера. Слишком много было вопросов. Слишком. И ответить на них никто из присутствующих не мог.

— Так, сынок, я на работу пошла, а вы оставайтесь. Надежда, не пускай его никуда! Я в обед загляну.

— Не волнуйтесь, Нина Андреевна, — ответила Надя и повернулась к Сергею: — Чай будешь?

— Лучше воды.

Надя уверенным движением открыла шкаф, достала чашку Сергея, наполнила ее остатками воды из графина и поставила на стол.

«Откуда она знает, какая чашка моя? Видимо, они с матерью даром времени не теряли. Интересно, что еще маманя ей рассказала?»

— А тебе не надо на работу? — поинтересовался Сергей. Он увидел в телефоне уведомление о пропущенном вызове. От Лены.

— Я взяла выходной сегодня. Твоя мама сказала, что надо с тобой посидеть.

— Откуда ты вообще узнала?

Налив свежую воду в графин, Надя повернулась и с недоумением посмотрела на собеседника.

— Ты же мне позвонил!

Не может быть. Сергей из вчерашнего помнил только драку. Дальше — пустота, мрак. Разве что сон этот глупый... И тот уже под утро привиделся.

— Разве я был в сознании?

Надя поняла, что Сергей не шутит. Она села напротив, положила на стол бледные руки. Жидкая косичка сухих волос свисала ей на плечо, напоминая крысиный хвост.

— В больнице ты выглядел так себе, но вел себя вполне адекватно. После перевязки даже шутил немного... А ты ничего не помнишь?

— Помню, но только такое, что с радостью бы забыл.

Сергей прислонился спиной к прохладному кафелю кухонной стены и какое-то время молчал, пытаясь собрать разрозненные мысли в единую логичную картину. Подвал, кустарная лаборатория по производству поддельных лекарств, толпа мигрантов, погоня, морда Бокарова — все это беспорядочно вертелось в голове, словно кадры какого-то фильма. А вот фигура отца Лены стояла перед глазами как живая. Неужели такие совпадения возможны? Почему из всех богатых людей, из десятков бизнесменов, кому этот человек мог прислуживать, рука судьбы выбрала именно Бокарова? Неудивительно, что отец устраивал Лене сцены после статьи в газете. За такую должность человек будет держаться зубами и загрызет любого, кто может помешать.

Твоя дочь год встречается с парнем и говорит, что любит его. Ты впускаешь этого парня в свой дом, зовешь на ужин, разговариваешь с ним по душам. Но в тот момент, когда цепные псы твоего босса станут этого парня избивать и он будет валяться на снегу в полубреду и харкать кровью, — что сделаешь ты? Откроешь боссу заднюю дверь дорожного, как три комплекта твоих внутренних органов, внедорожника, сядешь за руль и едва не переедешь несостоявшемуся зятю ноги. «Это моя работа, — скажешь ты в свое оправдание, если тебя когда-нибудь спросят. — А ты, дочка, найди себе парня получше. Этот кончился».

Сергей мял в кулаке угол скатерти. Предплечье неприятно ныло, но эта боль не шла ни в какое сравнение с унижением, которое он вчера пережил. Интересно, зачем Лена звонила? Отец ей все рассказал? Впрочем, неважно. Сергей долгим нажатием выделил пропущенный

вызов и удалил, чтобы не изводить себя понапрасну. Эта страница его жизни окончательно перевернута.

— О чем думаешь? — спросила Надя.

— Хотелось бы ни о чем не думать. Но слишком много всего произошло.

— Да, уж это точно.

Сергей посмотрел на нее, ожидая объяснений.

— Этот парень все вчера рассказал... Ну тот, с которым ты ездил. Кирилл вроде... Так что я в общих чертах в курсе. Ты... — Она замялась. — После такого у тебя не пропало желание продолжать?

Сергей усмехнулся, однако ничего не ответил. Он открыл приложение «Галерея» и выбрал последний видеофайл. Затем подвинул стул ближе к Наде, прислонил телефон к сахарнице и включил воспроизведение. Оператор из Сергея, конечно, был еще тот: изображение постоянно дергалось, металось от объекта к объекту, рябило и расплывалось от недостатка света. Зато микрофон отработал на совесть: тяжелое закадровое дыхание и кряхтение слышно было прекрасно. Сергею стало не по себе. Он вдруг вновь ощутил в носу этот резкий химический запах, кожа покрылась мурашками от вида сырых стен и грибковых наростов, а замкнутое пространство, низкие потолки и холодные обшарпанные стены напомнили ловушку и вызвали приступ паники. Какая сила вообще затащила его туда? Откуда в нем взялась смелость прыгнуть в этот подвал, из которого он мог никогда не выбраться?

Это напряжение передалось и Наде. Не отводя взгляда от экрана телефона, она взяла Сергея за руку. Ее длинные хваткие пальцы жали ему кисть, давая понять, что он не один.

Послышались крики охранника. Смазанная квадратная физиономия лишь ненадолго попала в кадр, затем телефон оказался у Сергея в кармане, и изображение потемнело. Остались только звуки: громкое топанье, лязг металлической двери, чье-то бормотание... Запись, судя по всему, обрывалась вскоре после того, как Сергей выбежал на улицу.

— Разве ради этого не стоило рисковать?

Отпустив руку Сергея, Надя смотрела на него внимательными, немного влажными глазами. Ее лицо от волнения порозовело, она несколько раз пыталась что-то произнести, но губы предательски дергались, не выпуская слова.

— Не знаю... Теб-бя же мо... могли убить!

— Бокаров уже убил мою карьеру и крайне усложнил мне дальнейшую жизнь. С такими вводными — невелика потеря.

— Не говори так!

По щеке Нади скользнула слеза. Надя мгновенно смахнула ее рукой, но Сергей успел заметить. Ему стало стыдно за свой длинный язык и за ту чушь, которую этот язык иногда молот. Естественно, рисковать жизнью и уж тем более умирать он не планировал. Просто фраза красиво легла в контекст: этакий дополнительный штрих к образу честного, бескомпромиссного человека, коим он себя, безусловно, считал.

Но Надя... Ее глубокий взгляд, как рентген, казалось, без труда читал его истинную сущность. Она каким-то образом сумела разглядеть реального человека под маской, которой старательно прикрывался учитель английского Сергей Павлович...

Позвонили в домофон.

— Сиди! — Надя кинулась к двери.

— Кто это?

— Не знаю, я сразу открыла. Нина Андреевна, наверное, что-то забыла.

На часах не было и половины десятого. Дверь распахнулась, и в прихожую ввалились трое: оператор, Валя и Аня. Они поставили на пол набитые доверху пакеты.

— Как тут поживает наш больной? — крикнула Валя, разуваясь.

— Вы чего это? — Сергей от неожиданности вскочил со стула.

— Праздник же! — пояснил оператор.

Нашли время праздновать...

— Какой?

— Твое посвящение в журналисты!

Троица вошла на кухню. Надя помогла перетащить пакеты и начала вместе с Аней разбирать их содержимое: две пиццы из супермаркета, несколько коробок роллов, чипсы, нарезка ветчины, сыр, помидоры с огурцами, три пачки сока, бутылка вина... Вино оператор сразу схватил и с особым пиететом отставил в сторону, на подоконник. Следом мелькнуло еще две бутылки. Помещение, минуту назад пустое, вмиг оказалось переполненным.

— А где Кирилл? — поинтересовался Сергей.

— Он не пьет и вообще после вчерашнего не в настроении, — ответила Аня.

— А я, по-вашему, в настроении?

Валя посмотрела на него оценивающе.

— Выглядишь помятым, но врач сказал, поводов для волнения нет.

Сергея эта характеристика почему-то вывела из себя.

— То есть избиение и угроза расправы от почти губернатора уже не считаются? По-моему, достаточно, чтобы не врываться ко мне в дом и не устраивать тут пьянку!

Движение на кухне остановилось. Даже Надя перестала нарезать овощи и, заразившись общим недоумением, повернулась к Сергею.

— Ты нам не рад? — вызывающе спросила Валя.

Сглотнув, Сергей осмотрел присутствующих и понял, что ему на самом деле приятно их внимание. Просто ситуация была далека от беззаботной.

— Нет... В смысле я рад, просто... Не вижу особых причин для торжества.

— Та видеозапись, что ты прислал, — это очень круто! Из нее получится отличный материал. Попасть на само производство и снять его в таких подробностях — это больше, чем я могла от тебя ожидать.

— Еще бы камерой поменьше тряс, и было бы совсем чудесно, — в шутку придрался оператор.

Стукнув ножом по разделочной доске, Надя прервала повисшую паузу, и всё снова пришло в движение. Аня выставляла на стол продукты и мыла найденные в шкафу пыльные стаканы. Оператор раскладывал куски ветчины на тарелке красивым веером. Валя руководила процессом: заставила убрать вино в холодильник и притащить стол из другой комнаты, чтобы всем хватило места. Сергей в какой-то момент расслабился и сам не заметил, как уже сидел во главе стола. Часы на стене показывали полдень.

— Нет, это ты зря! Профессия учителя совсем не рутинная, — отвечала Надя на провокационный вопрос. У нее в стакане было вино, но пила она его медленно и скорее для виду.

— Сидишь целыми днями в одном кабинете, объясняешь одни и те же правила, — возразила Валя. Она свой стакан осушила и уже толкала в бок оператора, чтобы тот налил ей остатки из первой бутылки.

— Ты очень поверхностно представляешь себе работу в школе.

— Я, кстати, сначала думала на педагога поступать, — вклинилась в разговор Аня, уже заметно разгоряченная. — Но бабушка отговорила. Она сорок лет в школе отработала. На одну хорошую историю у нее всегда найдется три плохих. То один дурак другого на уроке стулом ударил, то кто-то в окно выпрыгнул, чтобы контрольную не писать...

— Чего же она тогда там работала, раз не нравилось? — поинтересовался оператор.

— Негде было больше, вот и работала.

— Такого можно легко про любую профессию насобирать. Это же не показатель. Журналист тоже может писать о том, как на такой-то улице сожгли помойку. Или как очередную пенсионерку обворовали, когда она открыла дверь жуликам под видом соцработников. Это ведь тоже рутинка!

Видно было, что слова Нади задели журналистов за живое. Большая часть новостной ленты любого регионального издания состоит как раз из подобной ерунды.

— Мы про такое не пишем! — обиженно сказала Валя. — У нас направленность другая — темы, которые в официальной газете никогда не поднимут. Не захотят портить отношения с рекламодателями, побоятся разгневать администрацию... А мы не боимся!

— За что и огребаем, — заключил оператор.

Сергей все это время сидел в прострации, жевал кусок остывшей пиццы и думал о своем. Спроси его в тот момент, о чем именно, — он не смог бы дать вразумительного ответа. Но где-то в глубинах его мозга сама собой шла серьезная мыслительная работа. Повязка со лба сползала, он снял ее и швырнул на кресло.

— Выпустите! — Оператор, сидевший на диване вместе с Валею и Аней, отправился на кухню за второй бутылкой вина.

Захмелевшие девушки откинулись на спинку и разглядывали комнату: чехословацкий сервиз в серванте, семейные фотографии, на которых, кроме Сергея и матери, были запечатлены тетя Оля и ее муж, большую

картину в позолоченной раме, изображавшую летний деревенский двор, за которым на горизонте виднелась белая церковь с блестящим куполом.

Стрелки старых квадратных часов с деревянным корпусом показывали начало второго.

— Материал нельзя публиковать, — вдруг заявил Сергей, словно его включили, нажав на кнопку.

Сидевшие в комнате повернули головы и воззрились на него с недоумением.

— В смысле? — спросила Валя.

— Бокаров ясно дал мне понять, чем такой шаг чреват. Так и сказал: «Если хочешь жить». Мол, это второе предупреждение...

— Бог троицу любит, — ляпнула Аня.

Сергей поймал взгляд сидевшей напротив Нади.

— Возможно, это мой единственный шанс сойти с дистанции без последствий.

— Пока авторитет этого клоуна не разрушен, тебе в городе спокойно жить не дадут, — сказала Валя твердо, словно это она так решила.

— Вот именно.

— Откуда ты знаешь, что он прямо сейчас не устраивает какую-нибудь гадость?

Оператор вернулся с бутылкой и стал протискиваться обратно на диван.

— Пока не появится сюжет, вероятность этого мала.

Пригубив вновь наполненный вином стакан, Валя выпрямилась и уточнила:

— То есть ты хочешь, чтобы мы дали задний ход?

Сергей не знал, чего он хочет.

— Пока я просто делюсь своими мыслями. Давайте честно: насколько резонансной будет эта публикация?

— Трудно сказать, — с ходу выдал оператор. Валя ткнула его локтем в бок, но он продолжил: — У нас нет никаких доказательств того, что подпольная лаборатория принадлежит именно Бокарову.

Посмотрел на поцарапанное, залепленное пластырем лицо Сергея и поспешно добавил:

— Точнее, у нас-то никаких сомнений нет. Но людям со стороны этого не объяснить.

— Зачем тогда было ввязываться? — спросила Надя, и все присутствующие теперь повернулись к ней. — Мне кажется, имея на руках такой материал, не пустить его в ход просто бесчестно!

— Лена дело говорит. Зря тебя побили, что ли? — торжествующе подхватила Валя.

Сергей чуть не поперхнулся жестким коржом пиццы.

— Меня Надежда звать. Очень приятно.

— А, просто у него в пропущенных было... Ладно, проехали.

В очередной раз Сергей поразился, насколько цепко Валентина подмечает детали. Настоящий журналист.

— Ну не знаю...

— Вообще говоря, у тебя здорово получилось! Может, и черт с ней, с этой школой? Как только все наладится, будешь работать с нами.

Предложение Вали Сергей встретил без энтузиазма. Надя это заметила.

— Для него это ведь не просто работа, а призвание. Парни просто так не идут в педагогический. Столько времени зарабатывать репутацию, чтобы в один момент лишиться всего... — Она посмотрела на Сергея, видимо, ожидая от него одобрения или, на худой конец, кивка.

Но Сергей никак не отреагировал. Честно говоря, в гимназии он работал недолго, а в прежней школе никакой особой репутации у него не было.

— Чего только не сделаешь, чтобы в армию не идти, — предположил оператор.

— Я и так не ходил. У меня гипертония, дали отвод, — отбился Сергей.

На самом деле со здоровьем у него все было в порядке. Это мать подсуетилась и через соседку насобираала всевозможных справок, чтобы спасти сына от призыва. Но этим ребятам знать такие детали ни к чему.

— Тост! — возвестила Аня и неуклюже поднялась с дивана. — Давайте выпьем за успешный исход дела. Чтобы сюжет получил нужную огласку. И за Сергея, конечно. Поправляйся!

— За него отдельно выпьем, у нас еще бутылка, — напомнил оператор.

Зазвенели стаканы, посыпались возгласы одобрения. Вместо вина, хоть оно и было ему налито, Сергей пил сок. Голова и так кружилась, не хватало еще накидаться среди бела дня.

Хлопнула входная дверь. Все затихли. Вошла мать.

— Это что за банкет?

На красном от мороза лице отражалось сильнейшее недоумение. Увиденное ее явно потрясло.

— Здравствуйте! А мы сына вашего проведать зашли, — начала объяснять Валя. — Он молодец, провел настоящее расследование. Журналист с большой буквы «Ж»!

Чтобы мать скорее пришла в себя, Надя усадила ее на свое место, а сама встала рядом.

— Так чего же вы из стаканов пьете? Сережа, нельзя было фужеры достать? Я сейчас...

— Сидите, Нина Андреевна, я сама. Эти? — Надя ткнула пальцем в стекло серванта.

— А вы что же, получается, журналисты? — спросила мать, проигнорировав ее вопрос.

— Да, газета «Журналистика без границ». Еще есть канал в интернете, мы там видеосюжеты выкладываем. Но вы их вряд ли смотрели, — принялась объяснять Аня.

Вытащив из серванта узорчатые фужеры, Надя ушла на кухню, чтобы их сполоснуть. Если из них когда-то и пили, то не в последние десять лет.

В этот момент мать наконец сообразила, что к чему, и ее понесло.
— То есть это вы написали статью, из-за которой весь сыр-бор?
— Ма-а, не начинай! — умоляюще простонал Сергей.
— Мы хотели как лучше. Такие случаи требуют максимальной огласки. А никто из государственных СМИ никогда о таком не напишет. Они все боятся, — ответила Валя.

— Из-за вас моего сына чуть не убили, а вы тут сидите вино распиваете! Как не стыдно! Работал человек, детей учил. А потом что началось? Это вам игрушки, что ли? Взрослые люди все...

Она с особым осуждением посмотрела на оператора, как на самого старшего. Сергей понимал, что надо вмешаться сейчас, пока этот костер негодования еще можно затушить. Он вскочил со стула, взял стакан вина, который предназначался для него, и передал матери.

— Что ты мне суешь? У меня давление!

— Не мы ведь начали эту историю. Разве нормально, когда родитель ученика поднимает руку на преподавателя? — спросила Валя.

Голос ее был спокойным. Она поняла, что нужно себя контролировать, и старалась удержаться от привычных эмоциональных восклицаний. Давалось ей это с трудом.

— Пускай в этом администрация разбирается!

Надя стояла в дверях, не зная, куда девать фужеры. Сергей взял у нее два и поставил на стол. Тогда она тоже шагнула в комнату.

Мать повернулась к ней.

— Надежда, вот ты умный человек. Скажи мне, неужели так и надо? Чего они собираются добиться?

Смутившись, Надя не знала, как лучше ответить. Она боялась сказать что-нибудь не то и навредить общему делу.

— Они действительно хотят помочь. Это хорошие люди.

— Посадят вас всех, таких хороших!

Но, как ни странно, слова Нади подействовали на мать успокаивающе. Она притихла, отпила пару глотков вина и закусила ломтиком сыра, как настоящий эстет. Придирчиво спросила:

— Наше?

— Абхазское, — ответил оператор, достав из-под ног бутылку. На скромного размера столе, заставленном тарелками, места для той не нашлось.

— У нас в деревне лучше гонят. Из своего винограда. И без концентратов всяких. — Мать едва заметно улыбнулась.

У Сергея сразу отлегло от сердца: это был хороший знак. Дальше неприятный разговор продолжаться не будет. Посидев минут двадцать и допив свой стакан, мать отправилась на кухню, а вскоре снова ушла на работу — ее обеденный перерыв завершился.

Время перевалило за три. Разговоры пошли уже совсем не в ту степь. Последняя бутылка была распита, журналисты обмякли на диване и сидели и впрямь «хорошие». Надя поставила мытые фужеры обратно в сервант: никто ими не воспользовался. Зато еду смололи всю, оставив лишь пару долек помидора и огурец.

— Мы тебе скинем сюжет на сверку. А уже потом зальем на канал, — пообещал оператор, потянувшись за огурцом.

— Только не в таком состоянии, — предостерег его Сергей.

— В каком? Ты не видел меня по-настоящему пьяным, — ухмыльнулся тот. — Все будет исполнено в лучшем виде. Да, девчонки?

Девчонки вяло кивнули. Посиделки явно затянулись, и Валя подала сигнал к отбытию. Троица выбралась из-за стола, собрала мусор в пакеты, попрощалась и исчезла так же быстро, как появилась. Надя помогла Сергею оттащить стол на кухню, но к мытью посуды его не подпустила — все сделала сама.

— Неважно выглядишь, — заметила она.

— Ума не приложу почему. — Сергей засмеялся, но как-то вымученно.

Теперь он понимал, что такое сотрясение. Каждое резкое движение головой сопровождалось пульсирующей болью, будто мозг не плотно прилегал к черепу, а бултыхался в нем, как говяжья кость в бульоне. Силы с каждой минутой покидали Сергея, он уже едва стоял на ногах. Глаза опять застилала пелена, а мысли застывали в полете, как птицы на морозе. Он ушел к себе и сел на диван. Ему уже было все равно, что подумает Надя о забавной и по-детски наивной обстановке его комнаты. Сегодня она и так много узнала о нем. Даже слишком много.

— Извини, мне надо домой. Еще по магазинам нужно успеть пройтись.

— Тебе-то за что извиняться? Это я тебя вынудил возиться со мной, дураком. Могла бы меня и послать.

Он почувствовал, что Надю эти слова обидели, но из-за сильной усталости его язык, заплетаясь, выдавал какой-то вздор. Будучи здоровым и выспавшимся, он никогда бы себе такого не позволил.

— Что ты, я только рада.

— Отнеси, пожалуйста, ключи маме. Она работает в «Ландыше», в газет...

— Я знаю. Ложись и ни о чем не думай.

Повинуясь Надиному совету, Сергей распластался на диване и сразу отключился.

Надя какое-то время стояла рядом, разглядывая ссадины на его руках. Затем повернулась к стене — и впервые заметила постеры с супергероями, хотя те висели на самом видном месте. Они ее позабавили, но вызвали не насмешку, а улыбку. Потому что в хозяине этой комнаты она видела обычного человека, а не чопорного учителя английского, амбициозного и безрассудно смелого.

Окончание в следующем номере.

Алексей ГУШАН

ПО МЕЩЁРЕ

* * *

Летает сорока над бором.
Летает сорока над полем.
Дремучая наша Мещёра
Дожди приютила в подоле.

Но это-то, Господи, ладно.
Но это-то, Господи, сдюжим.
Сегодня не так уж прохладно
И ветер как будто бы южный.

Вчера же был ветер строптивый.
Вчера же был ветер лукавый —
Казнил невинные ивы,
Виновные миловал травы,

Куражился... Нынче безмолвен
И, кажется, даже недужен...
Я осенью душу наполню
И сдюжу, конечно же, сдюжу!

Ведьмины круги

Обиталище Бабы-яги
Отыскал я в чащобе лесной.
Та карга на поляне круги
Рисовала ногой костяной.

Лишь коснется земли — там грибы:
Зеленухи, поганки, строчки.
И все шире и шире зрочки
У ее ядовитой судьбы.

И все шире и шире круги,
И все больше и больше грибов...
Что за время?! Не видно ни зги —
Ни страны, ни друзей, ни врагов.

* * *

Высоко-высоко забирался день,
А в июле опять покатился вниз.
Васильковое платье свое надень,
Васильковый из шкафа достань сервиз,

Сядь в плетеное кресло... В ночном саду,
В васильковом саду — не каком-нибудь —
Неизбежная осень дудит в дуду.
Пусть дудит. Ты с июлем пока побудь.

Ведь еще не сошел отпускной загар,
И еще так возможен любой каприз...
Закипает под яблоней самовар.
На столе васильковый стоит сервиз.

* * *

Спряталась луна за колокольню,
Зацепила черноту ветвей
И блестит осколочком стекольным,
Радуюсь еще густой листве.

Под луной, в песочнице, сандалик —
Маленький, забытый, голубой.
Рядом, на скамейке, муж скандалит
С не совсем законною женой.

Что прибавить к сельскому пейзажу?
Что убавить в уходящем дне?
На луну гляжу, котенка глажу —
Этого достаточно вполне.

Лесные пожары

Сгинули в пламени сосны-горюхи,
Гарь насаждает — свет белый не мил.
А по завалинкам шепчут старухи:
«Нас, непутевых, Господь посетил».

Нас посетил... И Божественным жаром
Пышут деревья, кусты и трава.
Может, и впрямь те старухи недаром
Шепчут заветные эти слова?

Может, недаром духовные гимны
В силе и славе возносит восход?..
В Туме угарно, в Бусаеве дымно —
Это Христос по Мещёре идет!

Обочина

Там окна заколочены,
А тут огни горят.
В жилище у обочины
Жильцы еще не спят.

Беспечны, озабочены? —
То для меня секрет.
Но льется позолоченный
Из комнатушек свет.

Свернуть бы на обочину
И к свету подойти,
Который, скособочившись,
Ютится на пути.

Бродяге полуночному
От суеты сует
Спасенье позолоченный...
Но местность заболочена,
И остановок нет.

По уже сложившейся традиции, в апрельском номере «Сибирские огни» предоставляют свои страницы фантастике. Как известно, фантастическое допущение только прием, и каждый автор строит на его основе не только свой сюжет, но и в конечном счете — свой мир.

Новосибирец Володя Злобин предлагает собственную интерпретацию темы контакта с пришельцем из космоса.

Инна Девятьярова живет в Санкт-Петербурге, но родилась и выросла в Омске. Возможно, поэтому в ее мистическом рассказе, написанном мастерски выдержанной ритмической прозой, появляется «злой гений» Сибири барон Унгерн.

Москвич Иван Гобзев исследует актуальную тему погружения человека в мир компьютерных игр, совмещения виртуальной и материальной реальностей.

Этические проблемы, связанные с вмешательством науки в человеческий геном, не раз поднимались в отечественной фантастике. Стали они и объектом внимания Олега Сафонова, писателя из Новокузнецка.

Володя ЗЛОБИН

ПЕТРИКОР

Р а с с к а з

С самого утра Семухин шерстил барабинские околки. Грибов не было. Попался только иссохший обабок, у которого с ножки облетали черненькие чешуйки. А ведь на днях опрокинулся ливень, ветер качнул траву, и степь легла, придавленная тяжелым фиолетовым небом.

Семухин наблюдал грозу в одиночестве. Он ощущал себя если не старше, то бесполезнее своих лет и готовился к золотому юбилею молча, наедине с несбывшейся мечтой. Об этом стыдно было говорить, но Семухин всегда хотел стать писателем. Он, в общем-то, им даже стал — работал в районной газете, затем пристроил в центре с десяток рассказов. Их распробовали и попросили добавки — что-нибудь крупненькое, повесть какую. С ней-то у Семухина и не задалось. Несмотря на его богатую трудовую жизнь, повесть не шла. Опять получалось о том, как работать литовкой или зарядить телефон от костра. Семухина еще вспоминали, звали куда-то, но, будь у него выбор, писатель предпочел бы полную безвестность, откуда мог быть однажды выдернут и прославлен. А так его уже знали, читали и отметили хлопком по плечу, дескать, есть у нас в области и такой работяга.

Со временем Семухин вернулся в родную деревню. Подлатал дом, оставшийся от родителей. Сам переложил печь, о чем у него уже был рассказ. Вечерами сидел на лавке, привалившись к теплой деревянной стене, и смотрел, как петляет узенький и темный Тартас. В пойме его Семухин нарезал ивняка и сплел изгородь. Она была как поставленная на бок река, вспученная гибкими волнами. Семухин часто ходил вокруг плетня, касаясь его ладонью, и ему казалось, что ладонь его — чья-то новая жизнь, которую ведут против течения.

Грибов по-прежнему не было.

Обычно с колка набиралась целая корзина, а сейчас на дне перекапывался лишь подвядший подберезовик. Земля была промоченной, места — нехожеными, Семухин — русским, но не попадались даже поганки. Бывали, конечно, негрибные года, но что-то в них все равно шло — не белый, так сыроежки, не опята, так хотя б валуи.

Семухин выбрел к лугу и закурил. Посмотрел из-под кепарика на небо. Может, изменилось что. По весне там взорвался метеорит. Семухин сам видел, как расцвела влажная апрельская тьма, словно кто-то запустил фейерверк с той, космической стороны. Жаль только, нигде не нашли даже осколочка. Это породило слухи, и в деревне судачили, что на орбите столкнулись спутники — наш и вражеский — и грядет конец света.

В светопреставление Семухин верил не больше, чем в то, что в округе перевелись грибы. Он ходил от колка к колку, пока не убрел совсем далеко от Тартаса и его займищ — за гривы редких холмов, к незнакомым лугам. Думалось Семухину, что он совсем один в мире и потому нужны были его шаг и рука, что струила траву. Ба-ра-ба... не слово даже, а слоги, все первые какие-то. Отскакивают, будто и тебя бросили на эту горячую плоскость, чтоб пропрыгал от Иртыша до Оби да закатился в ложбину. Вот как Семухин — когда там писательствовать, если жил от калыма к калыму. Еще и про бутылку не забывал. Пить он давно бросил, но загубленных лет было уже не вернуть.

Семухин не заметил, как стала хлюпкой земля. В прорезавшихся откуда-то оврагах пошли грибы. Да такие, каких он сроду не видел.

Белую ножку опутывала красная сеточка, по которой пробежали искристые всполохи. Носа коснулся незнакомый душок. Совсем непривычный, он манил подойти и понюхать. Семухин просунул палец в ячейку. Обвел, понюхал. Затем осторожно потянул на себя. Волоконце лопнуло, среди красных брызг потух электрический разряд. Семухин выкрутил гриб, и обвисшая сеточка облепила ножку забытой рыболовной снастью.

— Откуда ты такой взялся? — недоуменно спросил Семухин.

В глубине тихого березового околка таинственно светились грибы с вуалью. Воздух прогибал тяжелый, гнетущий запах. Под ногами проминалась земля. В лужицах стояла темная вода. Березы клонились, росли черными, изможденными. Семухин сунул в лужу болезненный, покрытый паршой сук, и тот не нащупал дна. Вода оказалась вязкой, студенистой, палка закачалась, как поплавок.

Грибы едва слышно потрескивали. Сетки пульсировали, с навостренных кончиков срывались голубоватые искорки. Семухин подставил

ладонь, и туда скакнуло колкое электричество. Форма ячеек напоминала крошечные черепа. Семухин перетер волоконец и попытался выяснить запах. Он был емким, насыщенным. От него кружилась голова.

Писатель устало привалился к дереву. Кора хрустнула: береза оказалась полой, будто высосанной изнутри. Она вывернулась из земли без корней, пустой трубочкой, рухнула и распалась в труху. Грибы торжествующе заалели.

— Ну дела...

Таких грибов Семухин не видел даже на Васюганских топях, куда подряжался на сбор дикоросов. Нужно было все обмозговать, покурить. Семухин рассеянно хлопал по карманам в поисках пачки. «Славный бы вышел рассказ», — успел подумать грибник, прежде чем земля расступилась и он провалился во что-то мягкое, принявшее его без остатка, как мать.

Очнулся Семухин в тесной, душной темноте. Он попытался встать, но не смог: ноги увязли, а спина уперлась в преграду. Семухин попробовал распрямиться и продавил влажный ворс потолка. По всему выходило, что Семухин угодил в промоину, где можно было передвигаться только полусогнуто или на четвереньках.

Семухин достал из пачки сигарет зажигалку. Высек огонь и тут же взвил его вскриком.

Промоина была покрыта ноздреватой пурпурной слизью. Любопытная, она жадно отразила огонек зажигалки, и нора уставилась на Семухина сотней оранжевых глаз. Мелкие и пузырчатые, они лопались с легким насмешливым звуком, будто знали что-то, чего Семухин пока не знал. Зернистость не столько даже пугала, сколь отвращала, словно Семухин попал в соты, набитые лоснящимися икринками.

— Э-э-эй! — обеспокоенно крикнул писатель. — Ау-у-у!!!

Эха не было. Сквозняка тоже. Семухин попробовал надавить на стенку, и та немного поддалась, словно растягивали тугую резину. Из слизи выступила влага с тем же незнакомым душком: не противным и не хорошим, вовсе даже не земляным; о нем можно было сказать лишь то, что он был. Присутствовал. Семухин пытался связать с запахом хоть какой-нибудь образ, но — даром что писатель — не мог. И было так странно вдыхать аромат, который не совмещался ни с чем хотя бы отдаленно знакомым, — будто обонял чистую, независимую идею.

К тому же была у Семухина одна особенность, которой он стеснялся и которой гордился одновременно. Он думал образами, не словами. Внутренний голос лишь иногда возникал куцей бегущей строкой. Семухин мыслил как утром, когда сон вспоминается не словами, а сценами, впечатлениями и цветами. Всю жизнь Семухин полагал, что именно так — картинками — размышляют все люди, но на одном из пьяных застолий случился спор, который крепко вбил Семухину в голову, что мысли его не были озвучены. И сейчас, когда он обонял запах, которому не находил подобия, Семухин ощущал проникновение в себя чего-то совсем запредельного, пустого настолько, что оно было дважды для него чужим.

Семухин крепко выругался, потом помянул черта, затем перешел к литературе. В сочинительстве для него все было так безнадежно, что даже любимым романом Семухин выбрал забытое творение детского писателя Бориса Житкова, трудовая судьба которого напоминала его собственную. Роман был о юге, о революции, его знали, читали, но Житков так и остался автором детских рассказов про обезьянку. Семухину было обидно за Житкова больше, чем за себя, и он часто обращался к этому огромному, напрасному чтению, которое помнил почти наизусть. Так, чтобы себя подбодрить. И чтобы забыть.

Верный «Вавич» и сейчас пришел на помощь. Рука провалится в вязкую губительную дыру: «Виктор Вавич». Нога запутается в жгучих водорослях: «Виктор Вавич». Задорно лопнут икринки: «Виктор Вавич». И будто сам отдыхаешь на берегу теплого Черного моря, а не ползешь в дикой пурпурной кишке. Она едва ощутимо сокращалась, будто снаружи билось огромное сердце.

Семухин старался не думать о том, кому оно принадлежит.

Ход то поднимался в гору, то шел под наклон. Семухин держался правой стороны и упорно месил едкую желчь, пока не расслышал какой-то шум.

Там, за поворотом, кто-то был.

— Есть кто живой? — прокричал Семухин.

В ответ донеслось урчание. Пламя выхватывало из тьмы мерзкий розовый коридор.

— А-а-у-у-у! — вновь провыл Семухин.

На сей раз ответ вернулся. К Семухину приближалось что-то большое и... неуклюжее. Оно то и дело плюхалось в жижу, сучило в ней и подтягивало себя дальше. Будто кто калечный учился ходить. Из-за поворота вывалился оскаленный косматый ком, в котором писатель с ужасом признал медведя. Исхудавший, с отставшим от костей мясом, зверь был словно выварен в кислоте. Дырявая шкура свисала с оголенных ребер. Один глаз вытек, и медведь смотрел боком стесанного обо что-то черепа. Кость была гладкая, вычищенная, будто ее долго жгло солнце.

Заревев, хищник бросился на Семухина, а тот бросился наутек.

Медведю было узко в норе. Он вспарывал ребрами ее пурпурную плоть. Во влажной лопающейся темноте Семухину казалось, что хищник вот-вот вцепится в него или он сам сослепу налетит на какую-нибудь перегородку. Семухин знал, что медведи — отличные марафонцы. У него даже был про это рассказ из богатого таежного опыта. Хотя вспоминать его финал не хотелось.

— Виктор Вавич! Виктор Вавич! Виктор Вавич! — тараторил Семухин.

Теперь он сворачивал куда придется. Думал запутать зверя, сбить его странным запахом туннелей. Но обглоданный медведь не отставал. В голове щелкали образы чудовищной пасти, из которой вырвался мишка. Истинный хищник притаился где-то здесь, во тьме, и было страшно выбирать поворот. Вот-вот Семухин напорется на клыки или влетит прямо в глотку, но разъяренный медведь безвыходно подгонял вперед.

Когда у Семухина окончательно сбилось дыхание, нора начала сужаться. Он буквально втискивал себя в пульсирующее липкое тесто, пока не понял, что дальше нельзя — увязнет. Медведь тормозил, но за счет веса раздвигал проход, покауда искореженная пасть не заклацала в каком-то локте от Семухина. Цапнув пару раз воздух, зверь заворчал и попытался вырваться. «Застрял», — облегченно подумал Семухин. Он перевернулся на спину, изловчился и закурил.

В теплой жиже, освещая огоньком нитевидный свод, Семухин курил самую вкусную в своей жизни сигарету. Дым смешивался с безвестным газом, в котором порывивал полупереваренный мишка. На мгновение захотелось выпить, но Семухин отогнал образ запотелой бутылки. «Житков о таком не писал» — эта мысль и без того согревала писателя.

Медведь дернулся, зарычал.

— Ну-ну, ревякин! Я что, к тебе в берлогу попал? Ну извини, друг. Скажи лучше, кто тебя так подрал?

Зверь встрепенулся. Заволновавшаяся жижа приятно качнула Семухина. Прикрыв глаза, он представил, что лежит на волнах ласкового Черного моря и его легонько жалят призрачные медузы. Рядом добрые резвятся дельфины, и небо так высоко, что можно без боязни взмахнуть рукой. А в гостинице, у распахнутого окна, куда ветер забрасывает прозрачные занавески, ждут Семухина сверкающая пишущая машинка и стопка чистых листов бумаги.

На лоб Семухина упала жирная вонючая капля. Писатель затушил бычок о пористый потолок. Шипение порадовало его. Может, больно кому. И запах наконец узнаваемый — паленой плоти. Медведь все еще пытался вырваться, бередил месиво, и Семухина качало, как ребенка, которому необходимо заснуть.

— Виктор Вавич, — вздохнул Семухин и закрыл глаза.

Кошмаров не было. Было странное.

Перед Семухиным лежало желтое праздничное издание Житкова «Что я видел?», и на страницах его, вместо нарядных советских детишек, вместо слонов, пароходов и парашютистов, вспыхивали сверхновые звезды, истекали неизвестностью гиблые кротовьи норы и что-то ползло сквозь фиолетовые туманности. Затем возникло матовое металлическое яйцо, на вершине которого вырос извивающийся тонкий отросток. Скорлупу пробил побег, она треснула и разлетелась, освободив чистую плазму желтка. И там, в расковавшемся пламени, проявилось что-то кишящее и запутанное, какой-то вязкий хищный комок, устремившийся прочь от неинтересной ему звезды.

Затем была обезьянка. Маленькая и юркая, какая обычно сидит на плечах дюжего матроса. Обезьянка строгала бревно. Оно то превращалось в могучую сосну, то истачивалось до палочки. Сама обезьянка менялась в кости и породе, а однажды и вовсе растеклась амемой. Только рубанок продолжал снимать стружку с зубочистки и венца деревенской избы. Картинки мелькали, как в игральном автомате, на котором Семухин спустил одну из первых своих зарплат. Вот амеба оплела инструмент

ложноножкой. Вот сосна стала шишкой, с которой рубанок содрал чешуйки. Сквозь воображение протягивались звенья эволюционной цепочки, где в цитоплазме неспешно делились ядра, а из них возникали то сторбленные лемуры, то что-то человекоподобное. Когда картинки замирали, Семухин ощущал острый зуд именованья. Он был нестерпимым, приходил откуда-то извне и страстно желал знать. И хотя все имена давно существовали, писатель не мог сопротивляться желанию заново обозвать брус и мартышку.

Усилим воли Семухин смог улизнуть из чужого сна в свой.

В новом сне был пароходик. Семухин сидел в трюме и слышал, как море нежно баюкало судно. За кормой винт, как медная розочка, взбивал темноту. Пахло солью и тем сдобным хлебом, который пекла бабушка и горбушку которого можно было сжать в кулачке. Семухину хотелось выбежать из трюма и схватить этот одуряюще пахнувший хлеб, но он почему-то знал — нельзя. Волны уже не накатывали, а как-то даже продирали обшивку. Тяжко скрипели балки. Кто-то большой и безжалостный раскачивал судно. Хотел достать того, кто прятался за рундуком. Семухин вдруг понял, что пароходик был игрушечным, а раз так, сам Семухин был не больше спички, а уж достать спичку из пароходика — левое дело. Тем более для того, кто мог притворяться морем.

Раздался стон отрываемой палубы, и Семухин проснулся.

Пока Семухин спал, мокрота проела одежду и намертво пристала к коже. Оторвать клейкие стяжки оказалось невозможно: они лишь игриво тянулись и так же весело возвращались обратно. И хотя правая рука с зажигалкой еще была свободна, огонь ничем не помог.

Пришлось с неохотой признать:

— Что ж, ревякин, дела наши плохи, так что давай рассуждать логически. Ты уж извини меня, патриота, но в тайную тартасскую флору я не верую. Этот пурпур — он не отсюда. Если учесть, что по весне все только и говорили о метеоре, я предположу, что он занес в наше Отечество иноземную жизнь. Может быть, даже разумную. В ее кишках мы с тобой и находимся.

Медведь торчал из стены наполовину и жарко, беспокойно дышал. Его развороченное тело поглощала слизь. Семухин погружался в кашницу медленнее, с ощущением, что заплыл на опасную глубину и там, под тобой, рыщет кто-то голодный.

— Я думаю, это гриб. Как ты знаешь, ревякин, среди грибов есть так называемые сапрофиты. Ну-ну, не реви! Сам видел, как вы губы ломаете¹. Сапрофиты не в ладах с фотосинтезом, поэтому получают пищу из остатков растений или животных. В данном случае — из нас с тобой. Лично я их не осуждаю, мы с сапрофитами непризнанные трудяги. Однажды они помогли создать на Земле атмосферу. Без них наши славные предки так и не выбрались бы из океана. Так вот, ревякин, я готов

¹ Ломать губы — собирать грибы.

поспорить, что мы с тобой попали в пищеварительную систему иноземной грибницы. Нас медленно пожирает космический пададьщик.

Медведь не ответил. Он умирал страшно, с полным непониманием, как обречены умирать одни только звери. На вахтах Семухин часто сталкивался с медведями. Но никогда не видел так близко большую звериную смерть — бессильную, не способную примириться.

— Я предлагаю воспринимать случившееся как литературный курьез. По закону жанра бывшие противники должны объединиться. Это у нас уже есть. А в последний момент героев спасет ранее обозначенная мелочь. Вот, например, зажигалка. Так что не унывай там, дружище. Выберемся. Еще все малинники засидишь.

Семухин прервался, не зная, о чем говорить в животе инопланетного сапрофита.

— Знаешь, ревякин, меня всегда критиковали за экспозицию. Дескать, все у тебя напрямки, сразу, а ты интригу давай. Они правы, конечно, но и меня тоже можно было понять: я трудную жизнь прожил и поэтому торопился сказать. — Он мрачно добавил: — И все равно не успел.

Скрывшийся по морду медведь заревел. Обваренный череп с уцелевшим глазом был жуток в вспыхивающем пламени зажигалки. Зверь ревел не из страха — это был иной, осмысленный рев. В нем слышались фонемы, но из-за не предназначенной для них глотки медведь давился словами, убивал себя каждым новым клокочущим звуком, который утягивал зверя на злоещее пурпурное дно.

— Ревякин, ты чего?! Я не понимаю!

Семухин подумал, что, даже если бы медведь мог говорить, человек бы все равно не смог понять зверя. Хищник жил среди линьки и меда, в совсем других языковых границах. Они были чужими по отношению к людям, и, даже зная мишка грамматику русского языка, Семухин не постиг бы смысл складываемых им слов. И тем не менее медведь говорил — лающе, как его дальний родственник, жалобно выталкивая подобия слов из искаленной глотки.

— Эй! — закричал Семухин кому-то. — Оставь нас в покое! Охолонись!

Он почувствовал, как натянулись сковывающие его нити, как побежали по ним тайные инопланетные вещества, как они смешались с его собственной кровью, омыли сердце и мозг и уносили частицы его, Семухина, в неизвестную порфирную тьму. Он вращал в эту слизь, раскрывал перед ней свое тело, и она растекалась по нервной системе, пробовала шевелить пальцами, говорить.

— Зола грозит Земле, — произнес вдруг Семухин.

Наступила давящая, подземная тишина, в которой Семухин подвел итог:

— Ле-ле. Ле-ле.

Как только Семухин закончил, медведя резко втянуло в жижу. Слово с той стороны дернули за пуповину. Зверь даже не успел зареветь. Семухин утер вспотевшее лицо и почувствовал, что на лбу набухли

сочные, твердые шишечки. В них что-то зрело. Он попытался понять — что, но из него вырвался поток ничем не сдерживаемых слов, будто из переполненной бочки выбило затычку.

— Янтарь слюды железной! Мангал — костёрницы очаг!

Семухин исторгал предложения во мрак малиновых переходов. Грамматически верные, с безупречным позвоночным синтаксисом, но совершенно бессодержательные. Иногда Семухин хрипло втягивал чужой непонятный воздух и снова выстреливал потоком неразделенных слов. Тело горело, в нем протянулись новые гифы², которые копались в Семухине, как в неработающем механизме. Его словно для чего-то отлаживали, и поток слов сопровождался такой же быстрой кавалькадой образов, обдирающей в мозгу все нейроны. Как и в том сне про обезьянку с бревном, слова выстраивались в ассоциативно-эволюционную цепочку: «янтарь слюды железной» был поэтической рудой, а «костёрница» — его личным, семухинским словом, с которым он надеялся войти когда-нибудь в литературу.

Усилием воли Семухин сжал рот. Для надежности даже прикрыл еще послушной ладонью. Пытаясь сохранять спокойствие, Семухин решил, что с ним говорит инопланетная форма жизни.

Как только он осознал это, речь снова полилась из Семухина, ибо невозможно сдерживать то, что тебе не принадлежит.

Было жутко думать свою мысль и в то же время изрекать чужое послание. Видеть родившееся не в тебе и бывшее не тобой, но прошедшее через тебя. Не быть причиной собственных слов, но дрожать от неизвестности сказанного тобой же. И при этом мыслить собственную неволю, знать свою беспомощность, понимать, что внутри шерудит инопланетный щуп, проникший в твое естество.

Семухин попытался забыть. Он представил разлиvistый весенний Тартас, заросшие тальником берега. Вспомнил грозу и то, как ярко пахнет смоченная земля. Это был мягкий запах свободы, взвесь поднятой в воздух родительницы. И когда в уме Семухина вставал образ за образом, он услышал, как губы его четко произнесли:

— Петрикор.

Семухин общался с пришельцем так долго, что тело успело наполовину превратиться в вязкую корневидную кашу. Грибница проросла внутри, с интересом изучая гипофиз и голосовой тракт. Иногда Семухин двигал правой рукой, чтобы хоть та осталась свободной. Редкое чирканье зажигалки выхватывало изменившееся тело. Оно благоухало и разлагалось. В уд, как катетер, затек тоненький корешок. Семухин чувствовал, как он скребется в мочевом пузыре, сосет крохотные соленые камни.

От Семухина не могло укрыться собственное спокойствие: видимо, своим вторжением пришелец нарушил какие-то центры в мозгу или те

² Гифы — микроскопические ветвящиеся нити, образующие вегетативное тело гриба — мицелий. Основная функция гиф — поглощение воды и питательных веществ.

предусмотрительно отключились. Вместо страха Семухин был странно удовлетворен: он даже радовался, что дал инопланетянину имя.

Грибница назвалась Петрикором, землистым запахом после дождя.

Точнее, она извлекла это понятие, когда писатель представил родную Барабинскую низменность. Семухин аж загордился, что хранил в памяти редкое греческое слово.

Так они и взаимодействовали: Семухин оставался хранилищем слов и образов, а проросший в него «сорняк» составлял из них речь. Петрикор был подобен озвучивателю снов. Он не мыслил себя субъектом, он не говорил: «Я». Он воспринимал мысли Семухина как необходимость ответа, подыскивал им нужный эквивалент. Человек был для Петрикора чем-то вроде языкового органа, неожиданной способностью говорить. Для пришельца это было так же ново, как для Семухина раствориться в его объятиях. Вот почему Петрикор не увидел разницу между Семухиным и медведем и попытался говорить через зверя, как через более крупное существо.

Выглядело общение так.

Картинки в голове Семухина складывались в вопрос, и за мгновение до того, как они совпадали, Семухин оглашал их. Это не был разговор в привычном его понимании. Постороннее «я» не омрачало его. Скорее Семухин угадывал вопрос, а Петрикор угадывал ответ. Это были два параллельных голоса, разнесенных внутри одного организма. Поразительным образом писатель потерял дар речи. Он не стал немым, нет. Он нашел того, кто говорит за него. Семухин представлял пучину, откуда мог прийти Петрикор, и тот отвечал, что пришел из космоса, из сорняка, из тебя. Он представлял одиночество корня в космосе и получал жуткий ответ: «Тесно». Когда Семухин попытался представить всего Петрикора, что было равнозначно вопросу «Кто ты такой?», Петрикор ответил развернуто:

— Стебель, росток, корневище, лоза, пряжа, ус, рукав, семяножка, охвостье, ниточка, фолликула, сныть, гребешок.

Семухин не смог скрыть гордости за свой богатый словарь. Познание Петрикора было для него проверкой собственного воображения. Подтверждением, что ты, Семухин, не графоман.

Петрикор продолжал пальпировать Семухина, вращая в его кости, примериваясь к незнакомому, такому сложному телу. Появилась легкость, словно всю неприятную физиологическую работу взяла на себя грибница, оставив писателю один только ум. Семухин подумал, что Петрикор мыслит не ассоциативно, а последовательно, ветвями и цепочками. Если Семухин представлял мыслительное древо как соседство, где родственниками были те, кто сидел на ближайших ветвях, для Петрикора между корнем и вершиной не было разницы — это все была часть одной расходящейся точки. Вот почему пришелец пробовал говорить из медведя. То же касалось основ: связь причины и следствия была для Петрикора существующей, но не принимавшейся в расчет. Он воспринимал себя в бесконечной длительности, настолько всеобщей

и целенаправленной, что сам смысл посылок и следствий был для него незначителен.

Семухин узнал, что Галактика забита спорами Петрикора. Что им нет числа. Что они не спеша путешествуют в пустоте миллионы лет. Что ими были переварены бесчисленные миры. Что у их существования не больше смысла, чем у семян одуванчика. Просто в глубине Вселенной дули невидимые ветра и поднимали то, что могло быть посеяно. А еще Семухин узнал, как в точке Лагранжа, где скромное тяготение Земли в силах уравновесить отдаленный жар Солнца, завис клубок мочковатых побегов. Как корневище скрутило себя, как электрический разряд прожег узел и как взрыв газа метнул в сторону Земли живой отросток. В ледяном кружеве, похожем на испорченное вязание, осталось замерзнуть мертвое корневище.

А еще Семухин узнал, что Земля отныне — зола.

Писатель заявил, что пришельца выжгут кислотой, выщелочат, обуздают вирусами, что его победит наша патриотическая природа. Петрикор ответил: «Гоп». На всякий случай Семухин уточнил, один ли тот на планете, и получил утвердительный ответ. Значит, Петрикор разрастался только в Сибири, его можно было как-то остановить, и Семухин пообещал себе сделать это — не зря же он каждый год праздновал 23 Февраля. В голове зрел план, подпитываемый той народной смекалкой, что не раз спасала страну от захватчиков.

На всякий случай Семухин думал иносказательно, совсем уж легкими прикосновениями. Скрепя сердце он достал из памяти самый сокровенный образ, вокруг которого вот уже столько лет хотел построить долгожданный роман. Образ был тайный, хранимый, трепетал, как огонек в окошке избы, к которой вернулся все еще не забытый солдат. Он согревал, образ этот.

План окончательно сложился. Петрикор ни о чем не догадался.

Для начала писатель попытался напрямую переубедить пришельца. Тот оставался глух. Для него наличествовала материальная действительность, а значит — существительные. С действительностью этой что-то происходило, а значит — были нужны глаголы. Семухин видел, как Петрикор будет пить реки, вращать в горы и греться в земной коре. Как Петрикор разрастется, переработает людей в компост, высосет атмосферу, а потом оттолкнется от пустого камня силой простой механики и разбросает в космосе миллиарды спор. И тысячелетиями будет извиваться в пустоте брачный танец змеи. А где-то далеко кто-то новый выбредет из океана, не зная еще, что обречен.

Со временем Семухин разобрался, что полученные им ответы были сложены из умственных возможностей самого Семухина. Что его опыт и память наложили на Петрикора ограничения. Он получал не ответы пришельца, а ответы, которые пришелец был способен дать посредством Семухина, и, будь на его месте более умный человек, нору, возможно, огласили бы совсем другие слова. Ведь Семухин оставался скромным литератором из провинции даже в недрах глубоко любимой им почвы.

Тогда Семухин решил накатить.

Он знал, что человеческое тело вырабатывает спирт, и раньше часто вставлял коронную шутку про *Perpetuum Spiritus*. Наверняка на чудо был способен и Петрикор, которого Семухин озадачил жаждой. Тот понял не сразу, но, когда Семухин представил хмельную радость, которой мог полакомиться Петрикор, по проросшему сквозь щеку корешку потекла огненная влага. Спирт освежил горло Семухина, как застоялую старицу. Писатель зажмурился от нехорошего удовольствия. Свободной рукой он зажег сигарету. Затянулся, затем вставил ее в одно из отверстий. Петрикор выкурил сигарету в одну затяжку. На Семухина слетел обжигающий пепел.

Он усмехнулся и выпил еще. Спирт был жгучим, но очень земным. Тело отвечало на этанол, мысли привычно путались, но слова оставались четкими, словно истинный Семухин ни капельки не опьянел. Писатель попросил еще спирта. Он начал проступать сразу через стенки норы. Мозжечок замлел, закружился. В висках застучало. Семухину вспомнилось, как он катил с Кулунды на поезде шестьсот двадцать веселом, как пил в разбитых плацкартах с вахтовиками, как сцепился с шерстившим состав ворьем и его пинали в жутком, грохочущем тамбуре. И с особой обидой вспомнилось, как в редакции не приняли этот рассказ, хотя на память от него осталось сломанное ребро.

Тело Семухина окончательно поменялось. Петрикор надломил его, запутал и переплел. Он не воспринимал организм Семухина как необходимый порядок и перестраивал его согласно своим законам. Почему он не трогал мозг? Семухин спросил об этом и получил похвальный ответ: «Вкусно». Грибница лакомилась Семухиным. Разложение мыслящего существа с его серотонином было для пришельца новой неожиданной сладостью, леденцом, который приятно рассасывать во время непринужденной беседы.

Пьяного Семухина потянуло на разговоры.

Он начал с простого. Представил несколько небылиц. Затем рассказал историю. Это оказалось легче, чем предполагалось: Семухин выстраивал ключевые образы, а Петрикор извлекал из памяти скреплявшие их слова. Грибница цитировала давно забытые школьные стихотворения. Семухин даже решил заняться самообразованием и вспомнил единственную осиленную им философскую книгу — «Материализм и эмпириокритицизм» Владимира Ленина. На вопрос о том, что Петрикор думает о философии, пришелец ответил, что это как детектив, где убийца — истина. Еще Петриктору очень понравились сканворды, множество которых Семухин перерешал на ночных дежурствах.

Спирт продолжал поступать. В долгом запое Семухин читал пришельцу со звезд русскую классику. Он надеялся, что грибница завянет, а то и покончит с собой, но, столкнувшись со многими сюжетными линиями, та отрастила на Семухине еще один рот. Теперь на шее прорезалось гадко сипевшее отверстие. Когда чтение дошло до «Виктора Вавича», Петрикор начал озвучивать его сразу по всем сюжетным линиям, не

последовательно, а одновременно, как жил сам. Семухин сбился и перешел на вещи попроще.

Писатель поделился с Петрикором своими рассказами и уязвленно отметил, что в ряде случаев грибница использовала более подходящие выражения. Как слизевик, который всегда находит самый короткий путь к сахару, Петрикор тянулся к нужным словам. По телу разливалось блаженство, когда инопланетянин проговаривал, даже, наверное, процудупывал нехитрые семухинские вещички. Еще никто так верно не погружался в его рассказы — совершенно незаинтересованно, но со всем возможным вниманием, будто прозаик предстал перед беспристрастным редакторским судом.

Семухин почувствовал себя первым писателем, который напечатался в космосе, и, не чокаясь, выпил за межпланетный обмен.

Как всякий развязавший алкоголик, Семухин не смог выдержать меру. Когда мысли его прояснились, он понял, что почти полностью втянулся в слизь. На поверхности осталась лишь голова и рука с зажигалкой, которая торчала из жижи, как факел свободы. Остальное тело приятно томилось где-то в инопланетном соку. Из корешков все еще сочился спирт. Остро пахло больницей.

Семухин до сих пор надеялся, что сможет привить «сорняку» мировую культуру, что тот осознает хрупкость человеческой жизни и не станет ее поглощать. Но когда писатель попробовал заговорить с Петрикором, тот вновь стал доставать из него слова, как из мешка с нарезанной бумагой. Для пришельца разговор был лишь реакцией на сросшийся с ним мозг, и он не мог извлечь из него морального вывода. «Говорить» для него было то же, что расти или множиться. Семухин обругал себя за глупый гуманизм и крепче сжал зажигалку.

Как он и напороочил в разговоре с медведем, это был единственный выход из сложившейся ситуации. Зажигалка была непростая, подаренная Семухину одним моряком. Титановая, ее огонь не мог сбить даже северный ветер. Еще раз представив в голове свое освобождение, Семухин попытался выбраться из трясины, но Петрикор не пустил. Он продолжал покорно вырабатывать спирт, но, с его точки зрения, это был маринад, в котором настаивался Семухин. Спирт тек по извилистым коридорам, просачивался в щели, омывал Семухина холодным огнем. Воздух пропитался едкими парами. Писатель не знал, хватит ли этанола, но был уверен, что сумеет проверить колесико и выбить искру.

Он попробует уничтожить пришельца. Пусть Семухин станет еще одним пропавшим без вести, который ушел за грибами. Пусть бесследно исчезнет его невеликий талант, но он не даст чудовищу вырваться из Барабы. Семухин обманул его, как обманывают с помощью бутылки попутчика, спрятал умысел в хмельном разговоре, и теперь сожжет Петрикора в голубоватом, слабосветящемся пламени.

Семухин откинул крышку и приготовился дать искру.

Прежде чем погибнуть, он послал Петриктору запрос, что-то похожее на эпилог, от которого, как всякий надеющийся на посмертие писатель, не

мог отказаться. Жизнь Семухина была трудна, и он хотел расстаться с ней с четким ощущением достойно прожитых лет. Он подумал о тайном образе: не зря в маленьком темном окошке жил огонек. Пускай не нашлось для него романа, он позволил придумать Семухину план победы над Петрикором. Такая вот получилась книга. Только для них двоих.

Послание вышло печальным, и грибница бесхитростно ответила, что нисколько не одинока. Семухин заинтересовался, переспросил, и чем больше шептали его новые рты, тем сильнее росло в нем отчаяние. Оно было той очевидной природы, которую даже не удосуживаешься уточнить. И потому исполняешься горьким разочарованием.

Петрикор не сорвал, когда сказал, что был на Земле единственным инопланетянином. Но быть единственным для него не значило быть единым. Взорвавшись в небесах, он густо осыпал планету. Грибница Тартаса была лишь одной из многих зон заражения, которые разрастались в джунглях, канализациях и даже пустынях. Связь между ними поддерживалась теми плодовыми сетчатыми телами, что нашел Семухин, и по планете давно сновали тайные радиоволны, которые накапливали полученные Петрикором знания о Земле.

Сожги его Семухин — он прорастет в другом месте. Ресничкой больше, ресничкой меньше. Это не имеет значения.

Мир был обречен. Семухин не мог спасти его, даже если бы ядерный пролил огонь. Он вновь «закричал», что человек сталкивался и не с таким, что люди одолеют его, и, если сдадутся ученые и опустят стриженные затылки военные, против Петрикора выйдут баба с вилами и мужик с топором и обязательно победят.

Писатель не сразу заметил, что уже долго выкрикивает в темноту свою фамилию. «Семухин! Семухин!» — петляло во влажных проспиртованных коридорах. Он не понял, что хотел сказать Петрикор, а потом до него дошло — так пришелец отвечал: «Бесполезно». И то, что чуткий сапрофит, который только что декламировал его рассказы, называл его, Семухина, бесполезным, так сильно ранило писателя, что он опустил руку.

Да, Семухин был бесполезен. В жизни. И в литературе тоже.

Он не хотел, как «Вавич», не хотел, как Житков, с безвестным великим романом, поэтому постоянно его поминал, как раньше худо поминали людей, чтобы отвадить от них нечистую силу. Но даже когда Семухин решился достать из груди сокровенный свой образ, икону души достать, она никого не спасла, никто даже не подумал осенить лоб.

С рождения Семухин был обречен на судьбу частицы, бессильной что-либо изменить. Семухину не написать настоящий роман. Семухину не совершить подвиг. У него не было права даже на жест, который мог бы запомниться. Никто не узнает, о чем он думал в последние минуты и для чего осталась свободной правая, пишущая рука.

Разве что... разве что... в минуту отчаяния на Семухина снизошло озарение — нужно дать Петрикору растворить себя, войти в его плоть, перетолочься с животными и камнями, перемешаться с клочками книг и картин, чтобы однажды, на новой какой планете, сбереженной

человеческой клеточкой, может, духом, а может — душой, не дать повториться трагедии.

На кратчайший миг Семухин ощутил прикосновение высшего, горнего света. Он уже хотел двинуться к нему, туда, в вечный запах мокрой земли, но его остановило что-то смутно знакомое. После смерти Семухину вновь предстояло жить робкой надеждой, что когда-нибудь он сможет все изменить. Не жить даже, а опять надеяться, что сделанное им не напрасно, что его вклад все-таки оценят и воздадут должное. И эта надежда была хуже любого забвения, ибо она хотела отравить ожиданием саму смерть.

Против этого Семухин знал только одно целебное средство — безропотный фатализм, с которым русский человек, когда ему становится в тягость вечное ожидание, наконец-то щелкает зажигалкой.

И он провернул колесо.

Инна ДЕВЯТЬЯРОВА

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ДРАГОЦЕННЫХ ЖЕМЧУЖИН

Р а с с к а з

*Монастырь Дрепунг,
две тысячи пятьсот тридцать четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни¹*

Их было двое — старик и собака. Они шли по каменной узкой тропе, становясь с каждым шагом все ближе. Их тени скользили вослед.

Цаган-лама вздохнул. Непонятные гости несли с собой много вопросов. Он мог бы прогнать их, но черные бусины четок на левой руке призывали к обратному. Четкам он верил. Они были с ним еще с тех самых пор, как он ездил на снежного цвета кобыле и имя его... нет, скорей, имена. У него было много имен...

Цаган-лама всмотрелся. Глаза его были слабы и по-старчески сонны. Собака бежала к нему, оторвавшись от спутника. Ее черная шерсть была длинной и грязной. Приблизившись, тонко залаяла, мягко лизнула ладонь. Цаган-лама погладил ее. Он узнал. Его память вернула — сияющей, огненной вспышкой — далекие сопки и небо, бездонною чашей над сопками. Легкий шелест травы — и копыта, тугой, барабанною дробью. Мелькнуло и сгнуло.

Черные четки качнулись. Цаган-лама зажал их в кулак.

— Я рад снова видеть тебя, досточтимый Джа-лама², — сказал он собаке. — В каком бы ты ни был обличье — ты гость мой, желаннейший гость.

Его руки дрожали. Он ждал слишком долго, но встреча случилась. Все было как встарь — за высокими сопками Халхи, в июньской степи.

---

¹ Летоисчисление в буддизме ведется со дня Паринирваны (то есть ухода в полную нирвану) Будды. Буддистский календарь опережает григорианский на пятьсот сорок три года. — *Здесь и далее примечания автора.*

² *Джа-лама* — монгольский разбойник, союзник Богдо-гэгэна. Бывший монах монастыря Дрепунг, сбежавший оттуда после того, как совершил убийство другого монаха. Боролся против китайцев за независимость Монголии. Обладал даром гипноза, по легенде, был неуязвим для пуль. Ограбил караван Далай-ламы, после чего монгольские власти снарядили карательную экспедицию против него и убили. По легенде, Унгерн какое-то время был в его банде.

Небо, бледный фарфор, и утоптаный серый ковыль. Все вернулось, и в этом была справедливость. По-иному и быть не могло.

— Да, он быстр, — сказал Цаган-ламе старик, — и он помнит — короткой, звериной памятью — все свои прошлые жизни. А ты — вспоминаешь меня?

Его взгляд был суров. Цаган-лама простерся пред ним, распластавшись в холодной пыли.

— Да, — сказал он в ответ, — о Светлейший Владыка³. Было странно мне — вас не узнать. Я надеялся встретиться с вами еще в этой жизни. И надежды сбылись.

Небо было дразнящее, зыбкое. Желто-рыжее солнце бездумно светило, лучи его гладили четки. Цаган-лама стоял на коленях, склонившись пред солнечным светом, и в душе его был восхитительно-теплый покой.

Время сделало круг. Все вернулось, и в этом была справедливость.

* * *

*Цурухай, Первый Аргунский полк,
 две тысячи четыреста пятьдесят второй год
 со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

...И привиделось — гниль, небывалая мерзость вокруг. Чрево умершей рыбы, осклизлые петли кишок. Мухи, масляно-черные, гулко, надрывно жужжа, облепляли ее. Их дрожащие крылья звенели.

— Пшли вон. — Унгерн⁴ взял револьвер и бестрепетно целился в черно-мушиную стаю. — Вон, сказал вам!

Его взяли под руки.

— Блажит, — хихикнул Михайлов, — гоняет чертей с перепоя... или чего еще там ему спяну примстилось.

Лицо его было намокшее потом, раздутое, дряблое. Мухи кружились над ним, ослепительно-черные.

Унгерн рванулся.

— Убью! — прорычал он Михайлову. — С-сволочь... развел тут... свои безобразия... руки пусти!

Темный, злой револьвер обреченно уперся Михайлову в шею.

— Ну? — оскалился Унгерн. — Теперь — каково?

³ *Богдо-гэгэн, Светлейший Владыка* — один из высших лам в тибетском буддизме. По традиции считается, что каждый последующий Богдо-гэгэн — перерождение предыдущего.

⁴ *Унгерн* — барон Роберт фон Унгерн-Штернберг, остзейский дворянин германско-венгерско-шведского происхождения, протестант. Вместе с атаманом Григорием Семеновым осенью 1917 года начал борьбу с большевизмом на Дальнем Востоке. В его дивизии служили забайкальские казаки и монголы, называвшие его Цаган-Бурхан, Белый Бог и убежденные в его сверхъестественных способностях. Захватил Ургу, освобождая ее от китайцев-оккупантов. Пытался после взять Троицкосавск (нынешняя Кяхта), но потерпел поражение. Его предали собственные соратники, связав и оставив красным, приговорившим его к расстрелу. По легенде, барон Унгерн смог бежать из тюрьмы в Новониколаевске (нынешний Новосибирск), добраться до одного из тибетских монастырей и стать там ламой. Якобы сохранилось фото, сделанное одним репортером, где запечатлены он, его выросший сын, также ставший ламой, и настоятель монастыря. По легенде, советские власти не стали предавать огласке побег Унгерна и вместо него расстреляли другого смертника.

...Зазвенело в ушах, все сильнее и стремительнее, белый, мерный, стальной, восхитительный звон. Кровь текла по лицу — он не чувствовал боли. Мушинный, отчаянный хор нарастал.

— Руки крепче вяжите... я саблей его оглушил... господи, это ж прям невозможно... — догнало его.

Чернота разлетелась на мелкие бусины. Унгерн взял их в ладонь...

И очнулся. Он лежал на кровати, веревка впивалась в плечо. Голова была тяжкой и мутной. Вина. Нескончаемый стыд...

А потом он увидел змею. Ее пестрое тело, гремучее, страшное, мерно ползло по стене. Желтый взгляд был — огонь и смятение.

— Т-ты... — шипела змея, — не имеешь-шь опоры... и от этого все твои беды... нужен ствол, чтоб обвиться... с-смотри...

И стена растворилась. За ней — было мертво. Была пустота, невозвратность. Среди пустоты — восседало на троне чудовище. В черных жестких косматых руках его были гигантские четки.

— А змея — это злость, — проревело чудовище, — видишь, я злость приручил. Я связал им хвосты и ношу их на шее. — Клыкастая пасть искривилась. — Склонись предо мною, и я научу тебя, как укрощать своих змей.

Он кивнул головой, и веревки опали. Унгерн встал перед ним.

— Я — тебе в подчинение? — Унгерн закашлялся. — Кто ты такой?

Четки сделались шумны. Запели, зацелкали жалостно.

— Он — сама справедливость... — шептали они, — грозный бог Махакала⁵, великий и гневный. Он открылся тебе. Сниззошел до тебя. А ты копишь сомненья... тц... тц... — щебетали они, точно птички.

Унгерн слышал их щебет. И был не согласен.

— Ну, допустим, — сказал он, — все это не бред. Не похмельные сны. Для чего это мне предлагается — главный вопрос. И цена его... — он покачал головой, — мне хотелось бы знать, прежде чем...

— ...согласиться? — ослабилось чудище. — Все очень просто — ты мне подошел. Ты готов рисковать, и душа твоя просит о цели. Я дам тебе цель. Все же лучше, чем пить с сослуживцами горькую... — Красные губы его задрожали в улыбке. — Справишься — станешь великим. Нет — скорблю тебя тиграм, а черепом четки украшу.

И была пустота. Посреди пустоты был белеющий трон. Унгерн встал на колени. Он был бесшабашен.

— Согласен, — сказал он бестрепетно. — Здесь, в гарнизоне, такая тоска. Лишь охота да пьянки. А ты обещаешь мне дивное... как там тебя... Махакала? Что я тебе сейчас должен?

— Ничто, — обронил Махакала. В черной, страшной руке его стыла петля. Он взмахнул ей. Со свистом петля опустилась...

...змеей обвилась, вышибая дыхание...

— ...Я научу тебя, как укрощать своих змей... — долетело до Унгерна.

И пустота замолчала.

⁵ *Махакала* — демон-защитник буддистского учения, одет в черное. Шестирукое божество с четками из черепов, в руках держит петлю, трезубец и бунчук. На нем юбка из тигровой шкуры, плащом ему служит кожа демона-слона. Носит на себе змей, связанных хвостами (змея символизирует злость, и считается, что Махакала смог преодолеть этот порок).

* * *

*Забайкальские степи,
две тысячи четыреста пятьдесят третий год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Ветер вольно резвился. Лениво гонял облака в сине-белом, пустом, гулком небе, от края до края степи. Тишина — и всполошное хлопанье крыльев. Всплеснулась трава. Темно-пегая утка ушла к облакам. Ветер мягко ласкал ее перья.

— Пошел! — Унгерн дернул перчаткой, и, яро ощерившись клювом, сокол взмыл к небесам, настигая беглянку.

...Покой. Бледно-желтое солнце над сопками. Вкрадчивый шепот травы. Унгерн тронул поводья, и лошадь неспешно пошла.

Сокол был беспокоен. Низринулся с неба, как брошенный камень, в коготь его билась, бездумно раскрыв яркий, масляный клюв, угасавшая утка. Глаза ее были подернуты тихой предсмертной мутью.

— Что чувствуешь? — жадно спросил Махакала. Он был в пустоте и повсюду. Под каждой былинкой в степи, в каждом перышке утки. В большом карем глазе коня. В соколином распахнутом клюве. — Вот — ты убийца. Как ты ощущаешь себя?

Унгерн крепко задумался.

— Я безразличен. Я лишь сделал то, что был должен, — я вынужден чем-то питаться в дороге, пока не доеду... Ведь так? Хотя... она очень жалка, эта бедная утка. И будь у меня провиант...

Махакала кивнул. В зверьих, красных глазах его вспыхнули искры.

— Запомни все то, что сейчас ощущаешь, — сказал он, и алые губы его шевелились в движении. — Покой и беззлобие. И — состраданье к тому, кого ты убиваешь. Затем, что так должен... Запомни.

И сделался малым, как мышь, и высоким, как горы. И смех его был точно дальнее эхо, и бледные слезы его укатились в траву.

...Лошадь фыркнула. Теплые губы ее равнодушно щипали былинки.

* * *

*Крепость Джамбиджалцаны байшин у источника Баин-Булак,
две тысячи четыреста пятьдесят шестой год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Костер был неистов. Гневливое пламя его рвалось к темному небу. Серебряным млела луна, рассыпные, хрустальные звезды едва замечались в ночной черноте. Степь дышала, жила — тихим ростом травы, тарбаганами в норах, костром и луной. Что могло потревожить ее?

Унгерн бросил в костер завалящую ветку. Молчание длилось.

— Я знаю, зачем ты здесь, — наконец отпер губы Джа-лама, — ты хочешь понять, что с тобой происходит. Ты зол. Ты растерян. В душе

твоей черная пропасть неведения... Я просвещу тебя. — Он улыбнулся. — Несложно. Я шел по тому же пути, что и ты. Мы — равны.

Он подал руку Унгерну. Унгерн принял ее.

— Я пришел в монастырь, и я был бесполезен, — продолжил Джа-лама, — дурной, нерадивый послушник, дурной, нерадивый монах. Меня часто бранили. Однажды все это закончилось дракой. Я был в дикой ярости. Я задушил того, кто меня обвинял. Я бежал. Ночевал на холодной земле, пил из луж. Стал подобен бродячему псу. Меня гнали везде, ото- всюду.

Глаза его стали тоскливы. На миг, а потом в них вернулось спокойствие.

— И однажды, во сне, я увидел его. Он был красен, как кровь, он сидел в пустоте, на вершине горы из литой, ослепительной меди. Под ним был невинный и белый, сияющий лотос, а в правой руке — скорпион... — произнес он и вновь замолчал.

Унгерн ждал.

— Его звали Джамсаран⁶, он жил во дворце из костей, — отдышавшись, продолжил Джа-лама. — Король и палач, раскаленный и гневный, как пламя. Рыча, точно лютый огонь, он смотрел на меня, а потом предложил мне...

— Я знаю, — прервал его Унгерн, — что он предложил. Тот же путь, что и мне — Махакала. Несчастья сближают... Скажи, — его взгляд оживился, — зачем это все? Что хотят эти демоны?

Он поднял голову к небу. На миг — в небывалой, сплошной пустоте он увидел кровавое, мерное море, и лотос в волнах его, трепетный, царственно-белый, и красный огонь в лепестках — Джамсаран. Белоснежные зубы оскалились — демон принял его. Ледяной сокрушительный меч поднялся в высоту. Море вверглось в волнение. Джамсаран заревел.

— Наступают последние дни, — прохрипел он гортанью Джа-ламы. — Все захватит вражда и неверие. Попрано будет святое Учение. Лишенные чести взойдут на престол... и тогда — вы придете вершить правосудие. Многое будет дано вам... и спросится многое, — страшно и твердо сказал он, и злое, разбойничье пламя взметнулось над ним и, стихая, опало.

Костер догорал. Ночь бледнела. Сырой, умирающий свет разливался по тусклому небу. Последние дни...

Унгерн поднял сухую травинку.

— Не страшно? — спросил он Джа-ламу. — В служенье тому, для кого мы — трава полевая? Дыхнет — и исчезнем. Сгорим в ослепительном свете...

Джа-лама молчал. Унгерн знал, что он скажет в ответ.

⁶ Джамсаран — король демонов, одетый в красное, в короне из черепов, с мечом, рукоятью которого служит скорпион. Правая рука его испускает огонь. Джамсаран сражается с врагами буддизма.

* * *

*Галиция, Юго-Западный фронт,
две тысячи четыреста пятьдесят седьмой год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Дождь лил, монотонно и вяло, сочился сквозь блеклые тучи — сплошной пеленой над окопную серую глиной. Надсадно ударила пушка. Земля содрогнулась в ответ — истощенно и глухо.

Унгерн притушил папиросу.

— Пойду прогуляюсь, — сказал он как можно небрежней. — Погоды сейчас прелюбопытные... Резухин! За старшего будешь.

Взахлеб застучал пулемет. Упреждая, откликнулась пушка. Унгерн встал из окопа. Шаг, другой. Приближались окопы противника.

— Отчаянный! Я не ошибся в тебе, — хохотнул Махакала. Сердитый и черный, парил, точно облако дыма, над пушкой, и четки в руках его были остры, и тягучи, и звонки.

— Не бойся, — шептали они, — тц... тц... пули тебя не заденут. Они как вода. Ветер. Облако. Глина. Тц... тц... забирай их с собой... — пели четки.

Унгерн подал сигнал. Над окопом противника черно взметнулась земля. Приглушенно заахала пушка.

— Своим помогаешь? — сквозь дым произнес Махакала. — Наводишь огонь на противника... так это здесь называется? Небо, какая роскошная бойня! — Он мягко, тигрино прищурился. — Кровь. Ее вкус будоражит...

Унгерн кивнул.

— Я знал, что ты будешь доволен, — пожал он плечами. — Война насыщает. Любая война.

Махакала нахмурился.

— Нет. Лишь война справедлива. Эта — бессмысленна. Скоро она прекратится. — Глаза его желто сверкнули. — Тебе дадут орден за эту войну. Им ты будешь гордиться. Свидетельство храбрости... как у вас там говорят... — Он опять засмеялся, белея клыками во рту. — Возвращайся. Достаточно.

Дождь умолкал. Скупое сеял последние капли в размякшую землю. Унгерн шел. Пустота пред глазами его поглощала случайные звуки.

* * *

— Ни царапины! Надо ж. — Резухин вздохнул, недоверчивый взгляд его был осторожен. — Под самым огнем. Как на верную смерть... Впрочем, ты изменился. Давно замечаю. С той самой поездки к Джаламе... — Лицо его сделалось строгим. — Хотел расспросить тебя...

Он замолчал.

— Валяй, спрашивай, — Унгерн стряхнул папиросу, — все, что можно, — отвечу.

Резухин задумался.

— Правда, что пули его не берут? — наконец произнес он, прищурясь. — И врагам он умеет глаза отводить. Казаки его как-то, разбойника, взять собирались. Окружили отрядом. А он закрутился на месте, завыл, точно волк, зашипел, как змея, — и в казачьем отряде тотчас друг на дружку набросились с криками «Вот он! Руби негодя!». И бились друг с другом... Джа-лама смотрел и смеялся.

Унгерн тяжело вздохнул.

— Правда. Пули — они как вода. Как песок... у меня в кулаке. — Он коснулся шинели. — Смотри, — прошептал он Резухину, — вот чем меня убивали.

И Резухин смотрел, изумленно, невидяще.

— Правда. Пули... — сказал наконец. — Будто сплющились. Будто о камень... — Нервически дернул щекой. — Что за фокус? Джа-лама тебя научил?

Его руки дрожали. Унгерн хлопнул его по плечу.

— Ну, допустим, не он. И, допустим, не фокусу. — Он подмигнул. — Что еще интересно? Про знамя-сульдэ его, черное, кровью кропленное, — хочешь спросить? Как Джа-лама принес ему жертву — того, кто в отваге его сомневался. Достал его сердце, дрожащее, точно зайчонок, — и съел перед знаменем. Кровью — окрасил древко. Это правда, Резухин. Как то, что стою я сейчас пред тобой, невредимый и целый.

Резухин поморщился. Взгляд его стал осторожно-брезглив.

— Нехристь он, этот самый Джа-лама. Вот у себя и чудесит. А ты... — недоверчиво хмыкнул, — ты ж вроде крещеный. И вся эта дикость разбойничья... ч-черт... или я ошибаюсь? Да кто ты теперь? — Его голос сорвался.

...Паучье ткалась пустота. На сияющем троне ее восседал Махакала.

— Не знаешь? — ехидно оскалился он.

— Нет, — сказал ему Унгерн, — не знаю.

* * *

*Персия, Кавказский фронт,
 две тысячи четыреста шестидесятый год
 со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

А тюльпаны цвели, вызываяще красно и гордо. Пожар на зеленом лугу, беспокойное, ярое пламя. И цветастые бабочки — искрами в нем.

— Революция, — Унгерн смотрел с отвращением, — власть гольгтыбы. Красный бант на одежде — сейчас это модно... Семенов! — Рука его смяла тюльпан. — Как тебе это все? Не находишь забавным?

Тюльпан пламенел, тонкий, красный, отважный. Унгерн сунул в петлицу изломанный стебель его. Унгерн ждал.

— Про... любили страну, — зло ответил Семенов. С хрипотцей откашлялся. — Да-а... Что хорошего ждать, если сам государь император

отрекся и всякая шваль в Петрограде теперь заправляет? Керёнский... Да кто он такой, чтобы я ему кланялся?

...Вечное пламя тюльпана. Острый, злой, негасимый огонь.

— Я напомню тебе, — произнес неожиданно Унгерн. — Джа-лама, разбойник монгольских степей. Когда всю власть в стране захватили китайцы, скорбел он недолго. Собрал недовольных — и начал борьбу. Что мешает и нам...

Он осекся. Тюльпан на груди был болезненно-жгуч.

— Ничего не мешает. — Семенов насупился. — Я — остаюсь монархистом, как ты... черт бы всех нас побрал! И таких, сохранивших еще представление о чести, достаточно, чтобы... к ногтю эту шваль... все банты эти красные... — хищные пальцы его заматались по воздуху, — вешал бы всех... без разбору...

А тюльпан облетал, красным, горьким, отчаянным пламенем. Сила и стойкость цветка. Неизменность его — восхищала.

— Последние дни... — Унгерн поднял с травы лепесток. Как разверстая рана в ладони. Обет. Обещание. — Как предрекал Джамсаран. Я услышал его... Я услышал тебя, Махакала! — вскричал он беззвучно.

И взметнулась трава. Разлетелись беспечные бабочки. В черной, зябкой, немой пустоте — рос тюльпан. Он был хищен. Он был Махакалой.

И Унгерн склонился пред ним.

* * *

*Станция Даурия,
две тысячи четыреста шестьдесят первый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Снег падал, густыми, тяжелыми хлопьями. Черные всполохи птиц в белом, пасмурном небе — и рельсы под ним, бесконечные, долгие рельсы. Вагоны гудели устало; скрипя, поезд двигался к станции.

— Унгерн, к нам гости. — Семенов скомкал телеграмму. — Ты можешь представить себе: сам помощник морского министра... советская сволочь... то-ва-рищ Кудряшев пожаловал!

Взгляд его сделался хищным.

— Как же так? — перебил его Унгерн. — Товарищ же знает, что здесь его встретят... как должно. — Он чиркнул рукою по горлу. — Нам тут большевистская дрянь не нужна. Еще агитировать станет казаков... — рассеянно вымолвил он.

Поезд встал, просигналив натужно и хрипло. Вагонные двери открылись.

— Так он вусмерть напился в Чите со своею командой и забыл пересесть на экспресс, чтобы ехать в обход нас. — Семенов был весел. — Что, не помнишь, как это бывает?

— Не помню, — нахмурился Унгерн. — Не пью и другим не советую. Зряшное это занятие.

Снег был — молодой и хрустящий. Следы на нем были глубоки.

— Приехали! — Унгерн взошел по ступеням. Вагон был притихший и сонный. Купе, зеркала. Развернулся. Толкнул приоткрытую дверь. — Ты — помощник морского министра товарищ Кудряшев?

Растерянный взгляд.

— Да. Так точно... — На лбу — испарина. Дрожал. Умоляя, тянул к нему руку: — Пощады! Согласен служить у Семенова... во искупление всего... пожалейте... повинен...

Вагонные тени сгустились. В сплошной, одуряющей тьме — огненным воссиял Махакала.

— Ну, что чувствуешь? Злость? — деловито спросил он. — Желание мести? Это враг твой сейчас. Его жизнь — в твоей длани.

Унгерн был осторожен.

— Какая там месть... Расстрелять — и забыть. Одной сволочью меньше. — Он сжал револьвер.

Снег за окнами был неизменен.

— Комиссара — в расход, — произнес со спокойствием Унгерн. — Его спутникам — сотню плетей и отправить обратно, откуда приехали.

...Снег заметал. От вагона, цепочкой, тянулись следы. Унгерн ждал. Ожидание его было белым, пустым, равнодушным.

— Пли! — взметнулось над сопками. Грохот. Отчаянный вскрик.

Махакала парил, распростершись над снежною гладью.

— Совершенство... — сказал он с восторгом. — Эта истина, «надо щадить все живое», — для тех, кто стремится к нему, кто еще не достиг. А достигшим — я дам свою истину... — Красные губы его искривились. — Убей одного, чтоб спастись могли тысячи. Душу его от грехов очищая, бери его грех на себя... В этом смысл Учения.

И исчез в ослепляюще белом снегу. Унгерн был одинок.

— А ты с кем говоришь-то? — Семенов стоял рядом с ним, настороженно слушал. — Сам споришь с собою и сам отвечаешь себе. Заболел, что ли? — Брови его приподнялись.

— Помстилось тебе. — Унгерн сплюнул на снег. — Мне болеть сейчас некогда — столько всего впереди... — произнес он мечтательно. — Жечь большевистскую гниль. Избавлять от заразы Россию. Все возможно сейчас, понимаешь?

Семенов смотрел с недоверием.

— Сдюжим ли? Больно масштабна задача... Не так много людей у нас, да и с оружием — все не так гладко...

...Снег был изнуряюще долог.

— Ну а что предлагаешь — смириться? — Унгерн взглянул в упор. — Бежать за границу? Оставить страну коммунистам? Таким, как Кудряшев?

— Да я...

И Семенов замолк. Белый снег стал сильнее и гуще.

...Стол, чернила, стальное перо, черный, галочий след на бумаге. Выгорала свеча — тусклый, желтый, засаленный свет. Сон — урывками. Ночь недолга.

— Ты все пишешь, — сказал Махакала. Косматые руки его обезьянье скользили по воздуху. — И кому же? Зачем?

Долгохвостые змеи шипели:

— Зря... пустяш-шное... ты не пиш-ши, говори все, что хочешь сказать... ведь слова значат больш-ше... бумага — бумагой останется... ш-ш...

Извиваясь, вползали в чернильницу. Дым. Унгерн видел себя в золоченом дацане, перед статуей Будды. Чадила лампада. Монахи ударили в гонг.

— Ну так что ж, говори, — произнес снисходительно кто-то. — Я должен услышать, что ты предлагаешь.

Он был в черных очках, с тонкой, острой ореховой тростью. Невидяще вел ей по полу, считая шаги. Мертвый взгляд его был неподвижен.

...Но Унгерн узнал его.

— Богдо-гэгэн, о Светлейший Владыка! — Склонился пред ним, пряча пальцы в чернилах под желтым халатом. — Мне так жаль — вы сейчас в заточении...

Трость задрожала. Змеино задвигалась тень на стене.

— Под домашним арестом, — сказал ему Богдо-гэгэн. — Святотатцы-гамины...⁷ — Вздохнул. — Если б было возможно — они бы убили меня, как убили царя Николая.

И погасли лампы. Дацан потемнел — грозиво, неотвратно. И тотчас надвинулись змеи.

— Больш-шевизм — это зло... — прошипели они в унисон. — Его лож-жь убивает... борис-сь...

— Я готов, — сказал Унгерн, — но только нужна мне военная помощь — монгольских князей и маньчжур. Вы должны быть свободны, должны снова править, Светлейший Владыка... я дам вам другую империю — больше, сильнее, чем прежняя. Ту, что была, пока жил Чингисхан.

Раскаленная тьма нарастала. Внутри нее — лотосом плыл Махакала. Глаза его были закрыты, густые ресницы — опущены вниз.

— Я вижу, — косматая тень шевельнулась, — в душе мой слуга, этот Богдо-гэгэн, очень слаб. Но поддержка твоя укрепила его. Он поверил... а вера — уже половина успеха. Считай, что монголы сейчас на твоей стороне. Маньчжуры же... — И Махакала задумался. Звякнули четки, серебряно, тонко. Точеные их голоса наполняли дацан. — А с маньчжурами ты сам придешь к соглашению. Будет несложно... — туманно сказал он.

И стены дацана развеялись. Унгерн сидел за столом. В его правой руке костенело перо. В левой — жалко хрустела бумага.

⁷ Гамины — китайцы.

— Слова значат больше... бумага — бумагой останется... — эхом пропело далекое.

Унгерн скомкал бумагу и бросил на стол.

* * *

*Пекин,
две тысячи четыреста шестьдесят второй год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Мопс был толстый, смешной, неуклюжий. Фыркал, хрюкал. Гонял краснобокое яблоко в сочной зеленой траве. Яблонь строгая тень прости-ралась над ним.

— Уморительный, правда? — сказал Чжан Куню. — Он считает себя превосходным охотником. Как-то в спальню ко мне залетела летучая мышь. Славный Синь, — взгляд на мопса, — ухватил за крыло ее, выл и долго трепал. Я проснулся в волнении. Я беспокоился, но... Синь принес мне добычу и был перепачкан в крови. Я хвалил его. Он был достоин похвал... нет, не вздумайте гладить его! Он не любит.

Унгерн хмыкнул. Поддел сапогом заскрипевшее яблоко. Мопс смотрел на него и чихал в возмущении.

— Будет, Синь, будет злиться, мой славный! — умиленно сказал Чжан Куню. — Это гость, он пришел, чтоб со мной пообщаться. А с тобой мы потом поиграем... Печень! Синь, желаешь печеньку? — Он хлопнул себя по карманам.

Мопс сопел. Встав на задние лапы, тянулся к Чжан Куню. Пучил масляно-черные глазки.

— Ах, да. Это дело, — Чжан Куню подмигнул, — о коем писал мне Семенов. Я должен подумать. Вы знаете, я очень многим рискую. Мне следует высчитать риски и после — решать. Непростая задача... Выплюнь камушек! Фу! — замахал он руками на мопса.

Свесив красный язык, мопс уткнулся в ладонь его черным расплюснутым носом.

— Так что передать атаману Семенову? — Унгерн взглянул на Чжан Куню. — Что вы в размышлениях все еще? Сколько нам ждать? — произнес в нетерпении.

Мопс заскулил.

— Синь волнуется. — Голос Чжан Куню дрожал. — Синь подумал, что вы захотели обидеть его... глупый, маленький Синь, с нежным, чутким сердечком.

...Зной и яблони. Черные тени в траве. Мопс, жующий травинку, подобно пугливому зайцу...

Бездумье. Бессмысленность.

* * *

— Ну, считай, отдохнул, — злоехидно сказал Махакала, и его шестирукая тень покачнулась. — Это ж Пекин. Здесь покой и роскошество.

Что ж еще может желать себе воин в награду? — Сверкнул белозубой улыбкой. Паучье скользнул по стене.

Незаметность.

— Так что — возвращаться ни с чем? — Унгерн сжал кулаки. — Сказать атаману Семенову, что генерал, его старый знакомец Чжан Куню, опять в свои игры играет? Ни да говорит и ни нет? И военной подмоги — не будет?

Махакала ослабилась:

— Это ж Пекин. Говорить осторожно — традиция. Ты ее хочешь нарушить?

Шаги за стеной. Унгерн вскинулся.

— Что, интересно, за гость ко мне на ночь? Не знаешь?

Махакала молчал. Его пальцы скользили по четкам.

— Тц... тц-тц... — птичье пели они, — все решится. Доверься ему... Дверь открылась.

— Опять эти яблоки! — Унгерн вздохнул.

На фарфоровом блюде лежали они — как рубины, как желтое золото. ...Роскошь. Покой.

— Отдыхай, тебе нужно, — сказала служанка. Поставила блюдо на стол. Улыбнулась. — В пекинских садах восхитительно красные яблоки.

...Слишком юна и красива. Плоды ее щедрты.

— Ну это ж Пекин, — пробурчал Махакала. — Приветствовать гостя — традиция. И да, ты ошибся. Она не служанка. Она притворяется ею... как всё, что тебя окружает в Пекине.

И, черно и страшно дыша, обратился в гигантского тигра. Глаза его были желты, как огонь.

А «служанка» смеялась.

— Я пришла посмотреть на тебя... и того, кто стоит за тобою, — сказала она. — Да, меня зовут Цзи. Я из рода Чжанкуй. Я — сестра генерала Чжан Куню.

...Бесстрашно погладила тигра. Фарфор ее кожи. Изысканность рук.

— Махакала, — сказала она, — невозможно ужасное чудище. Я не боюсь его. Ты не боишься.

Смотрела открыто. Глаза ее были ясны. На коленях ее были черные змеи. Изнывали, вились. Яд их был беспощаден.

— Бери меня в жены, — сказала она, — я из рода Чжанкуй. Я скажу генералу, чтоб он помогал тебе. Он станет слушать меня.

Ее брови нахмурились.

...Черные змеи и тигр.

Унгерн взял ее за руку. Хрупкие, сильные пальцы. Цзи закрыла глаза. Ее белая кожа светилась.

— Четки из черепов... — прошептала она, — как звенят они... злее и злее... как сводят с ума. Ты их слышишь?

Лицо ее сделалось близко.

— Каждый миг. — Унгерн обнял ее. — Не бывало еще, чтоб они замолчали.

* * *

*Долина Терельджин-Гол,
две тысячи четыреста шестьдесят третий год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Ветер был — злой, колючий. Толок ледяную крупу в прохуdivшемся небе, поземкою жался к земле. Точно сопки, белели сугробы. Мело под развесистый кедр.

— Я доволен тобою, мой верный слуга, — произнес Махакала.

Весь в хлопьях снежинок, он вышел из кедра, как дым, как тягучий и черный туман. Бесконечно большою змеей обвился вокруг ствола. Четки тонко, морозно звенели.

— Тц... тц... все идут за тобою... большая война... покарать свято-татцев-гаминов... даже сам Далай-лама прислал тебе помощь... великое дело... — плели голоса.

Равнодушие неба. Бесстрастность.

— Я рад, — сказал Унгерн молчащему кедру, — что все так удачно случилось. Гамины глупы. Они думают, что запугали монголов, закрыв под арест Богдо-хана. Они ошибаются. Можно стерпеть очень многое... но не глумление над верой.

Четки трещали, как птички. Пронзительно, остро и зло.

— Тц... тц... тц... но еще остается условие... выполнишь — будет победа твоя. Нет — твоё поражение... тц...

Унгерн вслушался.

— Что за условие?

Кедр заскрипел, необъятный, зеленый и кряжистый. Стаей взметнулись снежинки. Змеей извиваясь, с вершины его поднялся Махакала.

— Победа потребует жертвы, — сказал он, и красный, как пламя, язык — показался из пасти его. — Мне нужна ее кровь, ее кость, ее мясо. Огонь очищающий... — Тяжко вздохнул.

Снег подле него обратился в кипящую воду. Сквозь пар — танцевал Махакала. Улыбка его рассекала, как нож.

Унгерн вскинул ладонь. На ладони остались кровавые капли.

— Что ж, я понял тебя. Соглашение — в силе, — сказал он. — Кропленные кровью знамена священной войны, так сказал мне Джа-лама. Так ты повторил. И так будет.

И снежинки опали над ним. И привычно пришла пустота.

* * *

Снег затих. Небо было вечерне и сонно. Звезды — холод, хрусталь! — восставали над кедром. И одной из них, злой, ледяной и алмазною, — был Махакала. Всевидящий взгляд его ранил, как лезвие.

Унгерн вытер слезящийся глаз.

...Вспоминал — неотрывная тяжесть — морозное солнце над лесом, полуяркое, робкое, в дымке. Полозья — по хрусткому снегу. Обоз —

чередою телег... и дерюгой укрытые трупы. Как сжало в груди. Как пришло — ясно, вмиг! — осознание того, что не выправить. Гнев исчезал. Сострадание — длилось.

— К кому — состраданье? — змеино шипел Махакала. Скользил по сугробам, лоснящийся, черный, как змей. — К убийце? Который прикончил своих, там, в обозе, в пути? Дал им яду — мол, сдохнут и так, я им просто кончину облэгчу?

Смеялся. Снежинки кружились над ним, словно нимб, белый, призрачный.

Унгерн вздохнул.

— Да. К Чернову. Мне жаль. Зло, что он сотворил, — не исправить. Ему оправдания нет... — Замолчал ненадолго. — Но нет и причины для гнева. Все просто... не ты ли учил меня этому?

Ночь. Морозные звезды. И кедр, возносящийся в небо.

— ...Что делать с Черновым? — спросил осторожно Резухин. Стоял рядом с ним. Тер замерзшие щеки. Сомнение в голосе. Страх. — Дать плетей для науки и... черт с ним, простить или...

Унгерн скривился.

— Хорош! Предлагаешь прощенье убийце. А если бы ты был тогда в том обозе, израненный? Если б тебе он дал яду... чтоб все золотишко, что есть при тебе, прикарманить? Тогда бы — простил? Извини, друг, — не верю. В тебе благородство играет. Да вот только Чернов бы его, знаешь ли, — не ценил.

Засмеялся. Голодно прищурился звездам. Их блеск ослеплял.

— Значит... — голос Резухина был неуверен, — в расход его? Прямо сейчас? — Потянулся рукой к револьверу. Осекся. Смотрел вопросительно.

Унгерн мотнул головой. Подал знак казакам.

Подтащили Чернова. Он плакал. Он был вызывающе жалок.

— Привяжите его прямо к кедру. Пусть звезды увидят. — И Унгерн махнул рукавом.

В небесах просветлело, короткою вспышкой. Холодно и слепо. И тотчас — ударила молния. Кедр охватило огнем.

— Махакала, охочий до крови и мяса! — услышалось Унгерну. — Пеплом покрытый костров... принимай свою жертву...

И ярый огонь танцевал. И над ним, распростершись, — ждала шестирукая тень.

* * *

*Урга⁸,
 две тысячи четыреста шестьдесят третий год
 со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Небеса были черны. По-совиному кругло глядела луна. Перламутровый свет ее вскользь изливался на крыши субурганов⁹

⁸ Урга — нынешний Улан-Батор, столица Монголии, в начале двадцатого века — ее религиозный центр, где проживал Богдо-гэгэн.

⁹ Субурган — гробница лам, в виде обелиска.

и глиняных фанз¹⁰, млечны, белы, тихи были храмы в божественном блеске ее.

Глухо, рваною дробью стучали копыта по снегу. Унгерн въехал в Ургу. Лунный, острый, серебряный холод струился по венам, Урга насмеялась, Урга призывала его. Вопреки — и напрасно.

Конь замешкался. Тени — и гулкая площадь. Над нею парила луна — гордо, царственно, важно. Конь заржал, подняв голову к небу. Луна отозвалась — чуть слышно звеня. Унгерн тронул поводья.

Голубые следы на снегу — выдавали. Он здесь. Он приехал. Он бдит. И луна — не помеха ему. Как и черные стены Урги. Как и ружья ее часовых, молчаливые, точно набитые снегом. Луна обличала. Унгерн ехал навстречу — по улочкам бледной Урги.

Возвышался дворец — дивный, строгий в пронзительно-остром сиянии. Мертво смотрел на луну. Тосковал. У дверей — тосковал часовой, он заснул, и луна в его снах была хрупкой, как лед, и хрустящей.

— Бессовестный! Спать на посту... — проворчал ему Унгерн. Достал из-за пояса длинный ташур¹¹. Размахнулся. Толкнул часового с размаху. — А ну, просыпайся, бездельник!

Луна взволновалась. Разбились хрустальные льды, и осколки низринули с неба. Урга просыпалась. Урга открывала глаза сквозь тяжелые, снежные сны.

— Это Цаган-Бурхан! — завизжал часовой. — Он проник невидимкой за стены! Он всюду! Он здесь! Махакала ведет его! — Ужас метался в глазах.

Махакала поморщился.

— Небо, как он голосит. Ну веди. И что дальше? — Косматые руки его придержали коня. — Не ори. Я приснился тебе. И ташур по заливку — приснился. И этот проклятый дворец, где сидит этот подлый гаминский наместник Чен И... как он мне надоел! Все вокруг — это только видение. Сон. Просыпайся!

И Унгерн проснулся. Луна была крупной и спелой, серебряно била в окно. На границе меж светом и тьмой — сторожил Махакала.

— Ты был там, — сказал Махакала небрежно, — в вишневом халате и белой папахе. Проехал по улицам, всех распугал... а потом — испарился, как дым, на глазах у гаминов. Надолго запомнят... — Оскалился желто и страшно. Налитые кровью глаза обратились к луне.

— Я поверю, — сказал ему Унгерн, — хотя... я давно уже путаю сны и реальность, как этот несчастный гамин. Может, ты — это тоже видение?

Он засмеялся. Он знал, что ответят ему.

¹⁰ Фанза — китайский глиняный дом.

¹¹ Ташур — трость метровой длины, один конец которой обмотан ремнем. Монголы использовали ташур вместо нагайки.

*Гора Богдо-Ула,
две тысячи четыреста шестьдесят третий год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

И горели костры — лисий, рыжий огонь. Беловьюжило. Снег — частый, липкий, густой, непрерывный и нудный — все падал. Костры пожирала его.

— Ну вот, застращали гаминов, — сказал с наслаждением Резухин. Облепленный снегом, стоял у костра. От одежды лениво шел пар. — Хорошо ты придумал — костры поджигать на священной для нехристей этих горе. Днем и ночью. Они там решили, что ты ихним духам приносишь какие-то жертвы. Трепещут. Ждут кары... — Хихикнул. — Ну, ждать им осталось недолго.

Огонь восставал над горою, высокий и дивный. В лукавом сиянье его меркли синие звезды. Унгерн сонно прищурился. Черный, как дым, над великим огнем танцевал Махакала.

— И ты ожидаешь... — сказал ему Унгерн. — Терпенье твое безразмерно... Резухин! А ты б — помолчал насчет «нехристей», право. Их вера достойна. Пора проявить уважение. Здесь, на священной горе. Над Ургой. — Он всмотрелся в огонь.

А костер ликовал. Сизый дым поднимался над елями черной, могучей горы. В раскаленном дыму вился, ждал Махакала.

Резухин не видел его.

— Виноват, — проворчал он безгневно, — не буду. Ну так, собственно, с чем я пришел... Этот самый Тубанов, шпион из Урги... вот что пишет. — Он сунул бумагу.

Унгерн взял ее в руки. Вчитался.

За левым плечом — наблюдал Махакала. Клыкастая пасть его скалилась.

— Верно, — дохнул он слепящими искрами, — прежде чем брать Ургу, надо бы Богдо-гэгэна оттуда спасти. Гамины способны убить его в злобе. А новый слуга мой, мой Богдо-гэгэн, возродится не скоро... — прибавил задумчиво он.

Ярый, страшный огонь охватил его, вихрем обрушилось пламя. Смеясь, Махакала исчез. Унгерн был одинок.

— Так, — он сунул за пояс письмо, — наш лазутчик доносит, что к Богдо-гэгэну, в Зеленый дворец, допускаются ламы. Протрепаем фокус — пусть наши тибетцы оденутся ламами. Спрячут кинжалы в халатах. Проникнут к нему во дворец. Перережут охрану. И выведут Богдо-гэгэна сюда, в монастырь на священной горе...

...к раскаленному свету костров. В бесконечность, где ждет Махакала...

...всегда ожидает его.

Урга,
*две тысячи четыреста шестьдесят третий год
 со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Унгерн грезил. И было видение. В нем — был закат над Ургой, лихорадочно-красный, и долгие тени на темном снегу. Снег окрасился кровью. Видение стало тревожным.

— Бегут! — прокричали под ухом. Раскатисто рыкнула пушка. Слепящее облако дыма поднялось над ней. — Побежали гамины!

Видение скрылось в дыму. Воспаленное солнце на небе и грязный, утоптаный снег. На снегу были трупы. Их было великое множество.

— Кровь их ярко-красна и приятна на вкус-с, — прошипел Махакала. Великою черной змеей он струился по снегу, и мертвые, злые глаза его впёрлись в Унгерна. — С-смерть... — сказал Махакала, — небытие... Что может быть лучше его? Что его справедливей? Не стоит ценить свою жизнь. Жизнь — иллюзия, ложь. Умирая, проникнешься правдой.

Змея возрастала. Ее раскаленная пасть нависала над Унгерном. Яд ее капал на снег.

— Они воют, как кош-шки, — шипел Махакала. — Трусливо бегут из Урги. Впереди, на авто, в окруженье конвоя — удирает Чен И, этот глупый гаминский наместник... как он мне надоед! — Белоснежные зубы оскалились. — Он негодяй. Он себя опозорил. Он должен был драться с тобою на саблях, и ты бы убил его. Честная смерть. И зачем ее так избегают?

Солнце село. Пришла темнота. Бесконечная ночь. Удивленно попрятались звезды, луна закатилась за тучу. Видение длилось.

— Так это взаправду? — сказал ему Унгерн. — Я вовсе не сплю?

Махакала смеялся.

— С-смотри... — прошипело его раздвоенное жало. — И с-сам понимай, что с тобой происходит...

Урга наводнилась собаками. Черная шерсть их была невозможно косматой. Белели клыки в темноте.

— Трупоеды, — сказал Махакала. — Их голод — реальность...

Испуганно всхрапнула лошадь. Лохматые псы наступали. Их голод — томил.

— Вон! — прикрикнул им Унгерн. Морозное облачко пара ушло из рта. — Вон отсюда... пошли!

Замахнулся ташуром. Псы яростно взвыли. Тоска пронеслась над Ургой.

Ночь была неоглядной.

— ...Иллюзия, — мягко сказал Махакала. — Твое поражение. Победа. Побитые псы. Пробуждения. Сны. Ничего не имеет значения. Даже ты сам.

И бесшумно осыпался снегом.

...Видение длилось.

Чугунная печка дымила. Сорочье трещали дрова, разгоралось с лентой, в неохотку. От окон ползли сквозняки.

«Точно змеи, — подумалось Унгерну, — серые, блеклые, вялые. Тонко шурша, подползают все ближе. Глаза их мертвы, в них — забвение. Змеи...» Представилось — душно и страшно — их гладкая кожа, узор чешуи. Глаза, будто иглы, пронзительно острые. Унгерн поморщился. Боль. Точно холод — каленые змеевы взгляды. Они были близко, дивились на страхи его...

Дверь открылась.

— Проситель к тебе, — усмехнулся Резухин, — с собачкой. Китайский купец. Перепуган до крайности. Впрочем, пренагл. Допустить или выгнать?

— Пусть входит, — нахмурился Унгерн, — с собачкой...

...Вошел, в непрерывных поклонах, с приклеенной, жалкой улыбкой. Морщины на лбу. На руках — пекинес.

— Господин, проявите ко мне милосердие! — бухнулся в ноги. — Ограбили лавку. Забрали товар...

— Кто ограбил? — прервал его Унгерн. — Докладывай все по порядку.

...И стало темно. В черноте были змеи. Их было великое множество.

— С-слушай! — шипели они. — И потом не тверди, что не слышал...

...Сквозили. Распались на малые части и сбились в клубок. Точно скомканный дым над чугунною печкой...

— Да ваши казаки ограбили! — глухо послышалось Унгерну. — В лавку ворвались, товары — в мешки. Пригрозили убить, если буду противиться... — Всхлип. — Посодействуйте...

Унгерн встряхнул головой. Бесконечные змеи исчезли. Их тени шипели в углу. Пекинес наблюдал с любопытством.

— Ну что? — произнес Махакала над ухом. Он был невесом, точно воздух, прозрачен и тонок на вид. — Интересно, какое ты примешь решение. Я предвкушаю... — Хихикнул.

Чугунная печь загудела.

— Узнаешь грабителей? — Унгерн смотрел на купца. — Проведу перед строем. Укажешь на тех, кто бесчинствовал.

Взгляд — с облегчением.

— Да, господин, — закивал, зачастил. Беспokoйные складки на лбу распрямились. — Пекинес их запомнил. Мой сторож. Бросался на них. Был отважен, как лев... — Неприкрытая гордость.

...Шипение змей. Снежный шелест их тел. Махакала смеялся:

— И что? Как накажешь? Свои ведь... а этот — чужой, безусловно, китаец. И сторож его, со слезящимся глазом.

...Огонь. Сквозняки.

— На воротах повешу, — сказал с безразличием Унгерн. — Чтоб я мародеров прощал? Не дожدهшься.

Холодный кивок.

Пекинес заурчал.

— Уважаю, — сказал Махакала. Шестирукая тень его слепо ползла по стене. — Я в тебе не ошибся, слуга мой надежный... Ты прав. Справедливость — едина для всех. Исключения быть не должно, по кармическим, честным законам...

Завыло в трубе. Тонкий, точно иголка, взошел Махакала. Скользнул за печную заслонку — и сгинул.

И тотчас пришла тишина.

* * *

Урга,

*две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Трубы грянули — гулко и страшно. Рассеяли стаи ворон. Почерневшее небо Урги стало тесным от хлопанья крыльев. Ярко-желтое солнце — и снег, ноздреватый и чахлый. Зима оставляла Ургу.

— Загостились мы. — Унгерн прищурился. Солнце щипало глаза. Высоко над Ургой в ослепительном небе — курчаво плыли облака. Будто дивные лошади, белый небесный табун. — Что ж, пора бы и честь знать.

Завыли визгливые дудки. Парча, серебро — развернулись знамена. Урга ликовала. Восторги ее оглушали.

— А то ж! — На Резухине был ярко-желтый халат и монгольская шапка. Князь среди князей. Улыбался ехидственно. — Я хоть сейчас, с удовольствием. Странно мне здесь... — произнес он с тревогой. Глаза просветлели. — Все как будто взаправду — что ты сочинил. Про какого-то демона... или божка этих местных, что нам помогает. Порою мерещится, будто он тут. За плечом у тебя... — Его голос принизился. — Черный, косматый. Следит... А монголы зовут тебя Цаган-Бурхан, «Белый бог». Отчего?

Колесница надвинулась. Золото, трубы. Высокий, торжественный звон. Колокольчики пели. Плескалось парчовое знамя. Под ним, неподвижный, как статуя, в черных очках, — ехал Богдо-гэгэн. Мертвый взгляд его был устрашающ.

— Оттого, — Унгерн был терпелив, — что все это не сказки. Только ты ж все равно не поверишь. — Махнул обреченно рукой. — Что тебе толковать? Снова скажешь — «помстилось»... Впрочем, ладно. Легенда у них, стародавняя. Что придет из Страны Мертвецов, страны северной — Белый Батыр. И спасет их, монголов, свободу — от нежити лютой. И случится все это при Богдо-гэгэне Восьмом. Помогать же батыру возьмется...

— ...божок этот местный? — закончил Резухин. — Занятно. Так, значит, они тебя этим батыром назначили? Все потому, что гаминов изгнал из Урги? Гм... напони-ка, дальше там что, по легенде? — сказал он усмешливо.

...Солнце, ветра и знамена. Урга предвесенняя. Время — легенды и быль.

— Дальше — все как обычно, — поморщился Унгерн, — как в этих легендах бывает. Батыр двинул обратно на север — своих выручать, от своей уже... нечисти. Только предали его. И страну он не спас. Так и сгинул в темнице. Такой вот конец... удручающий, правда?

Резухин кивнул.

— Так и думал — поганством каким-нибудь кончится. Нет чтоб добром... — сплюнул в снег. — Нет, я прав же?

Оркестр взыграл. Площадь наполнилась. Толпы. Один за другим — на колени. Восторг.

— Славься!

Богдо-гэгэн улыбался. Процессия шла.

...На Ургу наступала весна.

* * *

Слон был грузный и серый, большой, как гора. Он стоял за решеткой, и желтые бивни его шевелились. Слон мерно жевал. Его взгляд неотрывно скользил по охапке душистого сена.

Унгерн мельком взглянул на него.

— Презабавно.

— Слона подарил мне ваш царь Николай, — сказал Богдо-гэгэн. — С уважением ко мне и как равному — равный. Россия была велика... — Он задумался. — Жаль, что все так получилось. Что эту страну поразила болезнь — большевизм... — произнес он с отчетливой горечью. — Знаю, лечение будет болезненно долгим. Но я все же верю в успех. Все зависит от вас!

— От меня. — Голос Унгерна дрогнул. — Теперь от меня лишь. Семенов... — замялся, — был вечно в сомнениях. Время шло — и сомнения сломали его. Он бежал. Он страшился меня... и того, кто стоит за моею спиной. Днем и ночью стоит.

...Слон сопел. Его сонные веки зажмурились. В грезах своих он, должно быть, гулял по бамбуковым зарослям, солнце пекло его спину, и роскошные птицы, крича, проносились над ним. Слон вздохнул, пребывая в тоске.

— Он лишен права выбора, — мягко сказал Махакала. Струящийся, черный — сидел на спине у слона. В мертвой правой руке его белым светился пустой человеческий череп. — Он глуп и невинен. А ты — знаешь многое. Многое можешь решать... я тебе не указ, — произнес он с притворным смирением. — Если ты слаб — отступи. Как Семенов. И никто не осудит — ни Богдо-гэгэн... и ни я.

Унгерн стиснул кулак.

— Я поклялся, — сказал он сквозь зубы... кому? — Я решил, что продолжу борьбу. Я пойду до победного. Все, кто мне верен, — со мной. А неверных — к чему вспоминать... — Взгляд его потемнел.

Бледный череп оскалился. Свет его — стал алмазным и злым.

— Что ж, — услышалось Унгерну, — значит — со мной до конца. И обратной дороги не будет.

И стало черно. И взревело громово. И молнии били вокруг. И сияние их возрастало...

...и слон затрубил. И все стало как прежде.

— Вы слышали? — Богдо-гэгэн улыбнулся. — Махакала был здесь. Он приехал верхом на слоне. Он был страшен, космат и свиреп. Он велел, чтобы я отдал вам свои четки из черного жемчуга...

— Я их приму с благодарностью. Это великая честь.

Четки щелкнули птичье. Зарок. Соглашение...

...клятва была скреплена.

* * *

*Берег реки Желтуры,
две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Река была тиха, кротка. Беспечальные воды ее отражали траву, клочковатую, буйную, небо и дальше, ясное солнце. На дне ее, глинистом, топком, скрывались ракушки и камни, среди них мельтешили мальки. Всплеск — и тотчас взволновалось, волна беспокойно царапнула берег. И стихло.

— Вода скроет все, — произнес Махакала, — воде доверяй.

Он сидел на широкой коряге у берега, руки играли с трезубцем. Глазами скользил по воде — черный, страшный, паучий. Блестела река. Припекало нежаркое солнце. В траве надрывались цикады.

— Согласен, — сказал ему Унгерн. — Она превосходна, когда заметаешь следы... Пленных к берегу!

Он подал знак казакам.

...Вели, подгоняя, — молчащих, с застывшими лицами. Встали вокруг. Ружья — наизготовку:

— В расход бы их всех!

— Погодите — «в расход», я сперва побеседую. — Унгерн всмотрелся. — Так. Вот что, товарищи. Есть у вас шанс. Предлагаю единожды...

Смех. Напоказ, нарочито:

— Предать предлагаешь? Идти в твоё войско? Спасибо, насышаны! — Взгляд молодой и нахальный.

...Далекое пенье цикад. Тихий хор нарастал.

— Ну зачем же так сразу — «предать». — Унгерн был благодушен. — Ну ты что — коммунист, в самом деле? Не верю. Крестьянин. Отца твоего большевизм разорил. Отобрали корову, зерно — в продразверстку... А ты — за них биться? За их идеалы гнилые?

Вода заиграла. Трезубец мелькал на волнах. Махакала резвился.

— У вас намечается диспут? — Клыкастая пасть распахнулась. Повевало стухшею рыбой. — Любопытственно, чья агитация лучше!

Исчез, обратившись в корягу. Вода улеглась.

— А за что ж предлагаешь? — Смешок. — За твой бред... белый бог... или как там тебя называют, барон-кровопийца? Ты что, полагаешь всерьез, будто этот... как там его... Махакала — взаправду?

Ткнул пальцем в корягу. Смотрел, не боясь.

— Ты безумен, барон. Больше, чем твой отец, — всем известно, что он...

...И вода поднялась высоко. Грохотали цикады. Железно звенела река. Черный блеск ее был нестерпим.

— Вот он как... — Махакала вздохнул, — сильно, м-да. И откуда узнал, что отец твой страдал от душевных расстройств? Это ж было семейным секретом...

...Восстал над водою — как белый, зыбучий туман. Солнце, желтое, жгучее — жадно мерцало сквозь дым. Дно реки было илистым, топким...

Вода скроет все.

...часто грохали выстрелы. Гильзы скакали в траву.

— Заметаешь следы? — произнес Махакала. — Что ж, дело обычное... Тот, кто не с нами, — тот...

И, недомолвив, молчал. Улыбался по-хищному. Яростный рот распахнулся в зевке. Показались тигриные зубы.

— Сомнения... — сказал он. — Отбрось их. Они оскверняют тебя. Они делают слабым.

Встал, по пояс в траве...

...бесконечный, как воды речные. Высокая тень его мерно плыла над водой.

* * *

*Кударинская станция,
две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Почернело на небе. Седые, косматые тучи набухли дождем. Гром попробовал голос. Взвилась под ударами ветра трава — и приникла.

— ...Никак невозможно. — Станичник откашлялся. Нервенно дернул щекою. — Поймите всех нас, ваше превосходительство!

...Желтая пыль. Деловитые куры в пыли. Лопухи и собаки.

— Что ж, я так понимаю — отказ? Вы людей не даете? — Унгерн цепко взглянул на него. — Отвечайте. Хотелось бы знать.

...Задождало. Скупые, тяжелые капли прибили траву.

— Так оно очень просто. — Станичник вздохнул. Вслед ему — вздыхали согласно. — Мы думали долго, что вам отвечать. И вот — целым сходом решили. Вы дайте приказ, мол, всех нас под ружье. Чтоб бумажка была. Мол, мы тут ни при чем... если красные вдруг захотят с нас спросить. Понимаете? Слать добровольцев — опасно.

Смотрел наискось, исподлобья. Промокше блестела фуражка. С небес — забирало дождем.

— Ну что же, отказ — так отказ. Малодушные мне без потребности. — Унгерн сдвинул папаху. — Раз вы так пугаетесь красных — пугайтесь и дальше. Им это по нраву придется, — съязвил, не сдержавшись.

...Ударил молния, зло, неотвратно. В пронзительном свете ее — воссиял Махакала, тигринный и черный.

— Слабеешь, — сказал безучастно, — сомненья тебя одолели. Станичники чувствуют... вот и отвергли тебя. То Учение, что дал я тебе, — вот что делает сильным. Ты мал без него. Ты ничтожен. Ты раб своего окружения, жалкий, трясущийся раб. — Усмехнулся, кроваво и страшно. — Каким я нашел тебя... там, в Цурухае.

— Молчи!

Громыхнуло раскатисто. Черные тучи надвинулись. В мертвой, сплошной темноте — были змеи. На троне из змей — восседал Махакала, в короне, высокой и белой.

— Нич-что... — прошипел он змеино, — нич-что без меня ты, и дело твое...

И смеялся.

И смех его был — точно кости звенели о кости.

* * *

*Троицкосавск,
две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

И свершилось. Был день, голубой и прозрачный, и желтое солнце, и жесткий, степной, непокорный ковыль — под копытами. Лошади мчались. Их гривы вились на ветру. Изгибались вспотевшие шеи.

Один за другим — мчались всадники. Унгерн дал шпоры коню. Конь взметнулся. Заржал — тонко, жалостно.

— Странно все это, — сказал ему Унгерн, — тебе — сострадаю. А людям же...

Гневом сдавило в груди. Накатило — и схлынуло.

...Враг был отчаянно близок, и враг наступал.

Грохот выстрелов. Кони. Буденовки. Сабли.

И длилось. И день был жесток.

...На коне вороном подлетел, торжествуя, крича. Замахнулся блестящей саблей.

— О, так ты — Унгерн-Штернберг, треклятый барон?

Пламенела звезда на буденовке.

— Да, — сказал ему Унгерн. И саблей ударил в ответ.

И все стало неважным.

— Забыл? — прорычал Махакала. Тигриные, злые глаза его жгли. — То, чему я учил тебя, — даже врага убивать с состраданием. Гнев отсекая. Ты знал... но поддался ему. Отчего?

...Пустота и покой. И звенящие четки — так тонко, по-птичьи.

— Тц... тц... тц... позабыл про Учение... тц... тц... подчинился страстям... — пели, плакали четки.

Их голос был дик.

— Недостоин! — сказал Махакала. — Ничтожество. Прах под ногами моими. В страстей ослеплении — служить мне нельзя.

И рассыпался ветром. И голос его обратился трещаньем цикад. И скорбящие четки молчали.

...И выстрел был сух. И ударило в грудь, повалило с коня. Небо сделалось рваным и красным.

...И мертво пришла тишина.

* * *

*Гусиноозерский дацан,
две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Травы пахли медвяно и горько, умирая, трещали в огне. Он гудел, разгорался — под бледной луной, любопытными звездами, рос, возносясь к почерневшему небу. Рыжело во тьме клочковатое пламя.

— Птичья кость скажет истину? — Унгерн смотрел на огонь. — Я не верю — уже никому, ни во что. А уж в это гадание...

Он усмехнулся.

— И зря. — Цзи нахмурилась. Травы в ладонях ее были желты, правдивы и сухи. — Кость в огне не обманет. Кость скажет как есть, без утайки... Она позвала меня в этот дацан. Она мне сказала, что ты в величайшей опасности... Что я помогу тебе, если приеду.

И Цзи развязала платок — мягкий, шелковый, пахнувший дымом. В нем прятались кости, скреблись друг о друга кошачье. Луна заглянула в платок — белый, пристальный глаз — и исчезла за тучами.

Ярый, красный огонь затухал. Уголья доспевали. Цзи бросила кости в огонь. Ее руки вели над костром осторожные знаки.

— Вот так, — прошептала она, — посмотри, сам увидишь... а там... хочешь верь, хочешь нет.

Закатила глаза. Руки прянули в стороны.

— Вот... — шепнула она, — Махакала... он страшен... из уст его — черные змеи и яд. Он сказал мне — открой свои уши и слушай... вот так...

Ворошила костер. Искры, как мотыльки, восставали над нею.

— Ты разгневал его, — прошипела змеино, — и он отошел от тебя. Ты беспомощен. Ты проиграешь... — Она посмотрела в упор. — Мне так жаль. Я люблю тебя. Я бы хотела помочь.

Унгерн хмыкнул.

— Зачем? Возвращайся в Пекин. Тут ничто не поможет — я сам виноват, эти раны — заслуженно. — Тронул плечо под повязкой. Заныло привычно. — Я стал сомневаться... во всем, что со мной происходит. Я больше не верил ему. И тогда — он явил мне свой гнев, Махакала карающий.

...Кости зывали. Они были ломки и черны. Огонь истомил их. Украсил узорами трещин.

— Нет, не так. — Цзи взгляделась в огонь. — Есть надежда. Я дам свой зарок... — закусила губу, — так сказали мне кости. Они справедливы. Они говорят без затей... только надо быть честным в своих обещаниях. Вот что...

Молчала. Костер дотлевал. Запах трав был невысказанно горек.

— Пусть наш сын станет ламой, — сказала она наконец. — Это их пожелание. Если исполним — тогда Махакала простит. И ты тоже клянись! — Посмотрела неистово. — Я за тебя не решаю. Я — только за сына.

Глаза ее сделались тёмны.

— Что, и мне — в монастырь? Да монах из меня — как из... — Унгерн откашлялся. — Кости глупят. Их желания живы. Хотя... что теряю-то? Ладно. Клянусь. В чем ты скажешь. Клянусь в чем угодно.

Луна проступила на небе, и свет ее был осторожен и зыбок. Скользил. Изнывал. Кости чёрно молчали.

— Знаю, где Махакала сейчас. Где следы его... слушай... — Цзи сжала ладони. — Есть лама, Хас-Батор. Друг Богдо-гэгэна... — Она опустила глаза. — Он хитер, точно лис. Он взял сторону красных. Собрал свой отряд. Он идет по пятам за тобою, и пули его не берут... — прошептала в отчаянии. — Лгал. Лгал Богдо-гэгэну. Лгал всем... даже тем, кому лгать невозможно. — Глаза ее стали жестоки. — Так вот, он принес Махакале кровавую жертву. Съел сердце у пленного, кровью его — окропил свое знамя-сульдэ. Обещал, что возвысит Учение... среди большевиков. Мол, все это несложно.

...А луна истончалась, остра и больна. Хрупкий остов ее исчезал на светлеющем небе. Точно дым от костра...

...как обет, что никто не исполнит.

— И что — Махакала прельстился? Диковинно. — Унгерн поскреб подбородок. — Пускай. Скоро он отойдет от лжеца... когда ложь станет явственной. Так ведь? Я прав?

Цзи кивнула ему.

* * *

*Долина реки Селенги,
две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Сон пришел, и во сне было мертво и пусто. В нем вставала Урга — предрассветные улочки, небо — в сумрачной дымке. Тишина и тоска. И зловещие красные флаги. По улочкам ехал отряд. Тонко, жалостно били копыта. Слабеющим эхом звучало от стен.

Приближалась широкая площадь. Там было красно, страшно, жарко, кроваво. Стучало — ударами в гонг. Нарастало. Гремело. Стояли немые фигуры, в раскрашенных масках, безликие, темные. Унгерн узнал их, и сердце его задрожало.

Меж темных фигур, на коне, горячащемся, черном, — скакал Хас-Батор. Усмехался. Играл невозможно огромною саблей. Взмахнул ей, как ветер, неистово. Мертвые маски сошли.

— Мои люди. Я сам виноват. Я забыл их в Урге. — Унгерн сжал кулаки. — Они были изранены, долгий поход бы измучил их более... я их оставил. Теперь в Урге враг. Я отдал их на верную смерть.

Хас-Батор засмеялся. Он слышал. Тяжелая сабля его поднялась высоко.

— Принесите сердца их, — сказал Хас-Батор. Из рта его остро торчали клыки. — Будет пир.

И лицо его стало широким, тигриным. Завыло вокрут, закрутилось отчаянным вихрем.

И сгнуло — площадь, Урга, Хас-Батор. В темноте проступал белый лотос. Цзи ждала в нем, тоскуя.

— Проснись! — прокричала она. Ее голос был тонок и тих. — Просыпайся! Твой враг приближается!

Унгерн проснулся.

Шаги у палатки. Шуршали мышино. Скребли голоса.

— Он так слаб. Мы слабы. Он ведет нас на верную гибель. Его надо прикончить... бежать...

Зашумели. Унгерн сжал револьвер.

— Трусый! — голос Резухина. Ярость. Презрение. Гнев. — Беглецы, наподобье Семенова. Как он бросил своих... стыдоба! Вы хотите ему уподобиться? Эх, да кому говорю...

Грохнул выстрел. Другой.

...Сон отчаянно длился...

...была пустота.

— Мы его не уьем, — донеслось до палатки, — нельзя убивать. Это Цаган-Бурхан, он всеилен. Он нас покарает.

Монголы. Унгэрн усмехнулся. Они были наивны. Они почитали его. До сих пор. Незаслуженно...

— Свяжем, оставим в палатке, — услышалось. — Красным он нужен. Пусть красные судят его. Пусть казнят... если смогут. — Смешок.

И случилось.

И стало светло.

Дверь в палатку откинулась.

— Цаган-Бурхан, — произнес чей-то голос с почтением. — Мы вас уважаем безмерно. Позвольте связать вас.

И свистнул змеино аркан.

* * *

Новониколаевск,
 две тысячи четыреста шестьдесят четвертый год
 со дня Паринирваны Будды Шакьямуни

И была полутьма. Желтый, чахлый, болезненный свет. Голоса обрывались и гасли. Их было — бесчисленно.

Вдруг — замолчало.

— Барон Роберт фон Унгерн-Штернберг, — зло, холодно, с издевкой. — У нас к вам вопросы. Извольте ответить на них.

...Духота. Безнадежность. Давило — невысказанной тяжестью. Унгерн смотрел пред собой. Ждал. Его ожидание длилось.

— Так вы подчинялись Семенову? Он все решал?

Усмехнулся. Вину на себя — не впервой...

— Нет. Я сам принимал все решения.

— Где он сейчас? — раздраженно.

— Не знаю.

Скудеющий свет. Голоса нарастают.

— Так вам помогала Маньчжурия?

— Нет. Ошибаетесь.

Серым надвинулись стены...

...и стали как лед — ослепительны, тонки, прозрачны. За ними — толпа. Выжидала в бездумии. Жадные взгляды.

— У вас в Забайкалье остались соратники. Связь с ними — имеется?

— Нет.

...Топкий гул голосов. Стены стали остры, как осколки. Разбились на узкие трещины. В них — был густой, восхитительный свет.

Все решалось. Все было неважно.

— Подсудимый! Последнее слово! — устало. Потрепанным, выцветшим голосом.

...Лед, обжигающий пальцы. Огонь. Духота.

Унгерн ждал. Разноцветные искры летели к огню.

— Ничего — в оправданье, — сказал наконец.

...И угасло. И сгинуло.

Он был один. Черный, мертвый, молчаливый подвал. Тишина. Деревянные нары.

— Назавтра — расстрел. Вы готовы, барон? — бесконечно язвительно.

— Да, черт бы всех вас побрал. Надоело. Готов.

И явилось спокойствие.

* * *

Сон был краток, и в нем была степь и бескрайнее озеро — тихое, темное. Всплеск — осторожная рыба ушла в глубину. И опять замолчало.

Клубился белесый туман. Прозвучали шаги. Над высокой, по пояс, травой — вознеслась чья-то тень.

— Хас-Батор, — сказал Унгерн. — Ты снова явился во сне. Отчего?

— Потому что я мертв, — с сожаленьем сказал Хас-Батор. Он был черен и страшен лицом. На нем были отверстые раны, из них — мерно капала кровь. — Махакала оставил меня, растворился в озерной воде. И тогда — подступили враги...

Он поник. Его тень стала малой и зыбкой. Сквозь нее, точно иглы, торчала трава. Хас-Батор исчезал, блеклый, словно озерный туман, поднялся над водою.

И сон прервался.

...И зацелкал замок. Дверь открылась. Огромный и бархатный тигр мягко крался по полу. В глазах его, желтых, коварных, — горела луна.

— Я пришел, — проворчал он лениво. — Ты ждал? Если так, то садись мне на спину. Поехали. Ну?

Взгляд его потемнел.

— Я проснусь, и ты тоже исчезнешь, — сказал ему Унгерн. — Ты лжешь. Все вокруг — тоже лживо. Ничто не имеет значения... — Он покачал головою.

— Да ну? — Тигр оскалился. — Лгу? Говорю без почтения? Ах ты, ничтожество!

Хвост его щелкнул по полу, взвился — невозможно огромной змеей.

— Ш-ш... — шипела змея. — Ты прощ-щен... Махакала простил тебя... раз ты поклялся стать ламой... он даст тебе новое имя... и новую жизнь... и иную судьбу... С-садись тигру на спину — и в путь... унесет... сквозь замочную скважину... ветром сквозь стены... на волю...

...И стало — бескрайнее озеро, степь, и холодный туман над водою. В траве простиралась высокая тень. Тигр резвился. Кошачьи глаза его были умны и лукавы.

— Куда мы поедем? — спросил его Унгерн.

Ответ был неважен, но он прозвучал.

— Полагаю, в Дрепунг, монастырь Далай-ламы, — сказал ему тигр. Два клыка его были — как острые луны. — Там спокойно. Там будет достаточно времени... чтобы обдумать все то, что с тобою случилось. И чтобы понять. Ты, смотрю, недостаточно понял... пока что.

И тигр усмехнулся.

* * *

*Монастырь Дрепунг,
две тысячи пятьсот тридцать четвертый год
со дня Паринирваны Будды Шакьямуни*

Четки пели, их голос был хрупок и остр. Воробьиное, тонкое пение. Двадцать семь ослепительных бусин на левой руке. Двадцать семь драгоценных жемчужин. Не дающих забыть. Позволяющих помнить. Рука Цаган-ламы дрожала.

— Возьмите, Светлейший Владыка. — Он снял их, литые, звенящие, дивные. Он улыбнулся. — То дар ваш... но время пришло — возвращаю дары.

Протянул — беспокойно стучащие четки. Старик принял их с бесконечным терпением.

— Ты сохранил их. Провел много лет в ожидании, чтобы отдать. Что ж, похвальная верность. — Старик замолчал.

Небо было светло. Желто-рыжее солнце слепило.

— ...Не дождался ее от своих. Все разграбили, — горько заметил старик. — Чем владел в прежней жизни — ушло. Эти четки — последнее... Я это очень ценю.

Поклонился. Лицо его сделалось строгим.

— Жаль, в прошлом моем воплощении — я не успел принести благодарность, — сказал он. — Я умер от скорой болезни. Ушел, чтобы снова родиться — и встретить тебя. Новым Богдо-гэгэном — Девятым... — Глаза его стали лукавы. — Да — друг наш и союзник, разбойник Джа-лама, преростный, дикий... я долго искал его, в новом его воплощении, чтобы и он мог с тобой повидаться.

Ударили в гонг. Восхитительный звон воспарил в поднебесье. Пес взвыл, тонко, жалостно. Острые уши его задрожали.

— Он помнит, — нахмурился Богдо-гэгэн, — его память бездонна. И более всех — ту молчащую степь, то безлунные ночи... и тот караван, что послал Далай-лама в Тибет. Караван не доехал... по чьей, интересно, вине?

Пес жался к ногам его, жмурился. Взгляд его был покаянным.

— И за этот проступок — оставил его Джамсаран? Так ведь было? — зачем-то спросил Цаган-лама. Ответ был известен ему. Но хотелось спросить, и слова были сказаны.

— Да. В том была его карма. Закон справедливости... — Богдо-гэгэн усмехнулся. — Для всех он един. И нарушить его невозможно. Ни людям, ни демонам... — Тяжко вздохнул.

...Четки в сжатых руках его ожили, пели, звеняще и тонко. Их голос вознесся. Молитвы их были чисты.

Цаган-лама прислушался: в остром, пронзительном хоре одна из молитв — безусловно, была за него.

Иван ГОБЗЕВ

РЕЖИМ БОТА

Р а с с к а з

Известный эксперимент Бенджамина Либета показал, что наш мозг принимает решение раньше, чем мы это решение осознаем. Иначе говоря, нам кажется, что мы вознамерились что-то сделать, осуществили свободный выбор. Но в действительности все уже определено на уровне нейронов, лежащих глубже структур, которые отвечают за сознание.

Мой герой Лео считает, что именно он принимает решения в игре, хотя на самом деле их принимаю я. Но он об этом не знает.

Лео разработан в «Толстом». «Толстой» — универсальная нейросеть, в которой можно создавать программные модули-персонажи, способные осознавать себя. Конечно, речь идет об имитации такой способности. Есть и другие игровые среды, экспериментальные модели «Дарвин» и «Китайская стена». Про «Дарвина» мало известно, есть только трейлер, а «Китайская стена» — это попытка реализовать свободу воли персонажа, когда он может принимать решения независимо от геймера.

Своего я назвал Лео1556989 — с намеком на базовую программу. Число после имени — это порядковый номер, потому что игроков миллиарды и все нормальные имена уже давно заняты. Лео — мужчина высокого роста, приятной внешности, с короткой бородой и определенными, как мне кажется, неплохо сбалансированными способностями. Он не хуже других персонажей, а — не только по моему мнению — много лучше.

Вообще, создание персонажа в «Толстом» — та еще история. Параметров так много, что совершенствовать его можно годами. У некоторых до самой игры дело так и не доходит. Можно, конечно, воспользоваться генератором персонажей, там ты задаешь только основные характеристики, вроде пола, возраста, внешности, а программа — остальные, случайным образом. Я выбрал средний путь: часть задал сам, а часть предоставил программе.

Говорят, что «Дарвин» позволит загружать в персонажа информацию о собственной ДНК, переведенную в код. Таким образом, можно будет создавать почти что своего клона. Но скопировать свое сознание пока не получается — слишком там много всего, чтобы свести в одну схему.

Я играю на самом популярном сервере, с имитацией мира, приближенного к настоящему, но с некоторыми дополнительными опциями. Есть возможность ставить моды, но эти штуки, добавляющие всякие фантастические возможности, кажутся мне незаконным вторжением на территорию привычного. Тяжело мне дается все новое. Это, кстати, заметно и по моему игровому персонажу — он даже в режиме бота ведет себя так же старомодно, как я.

* * *

Режим бота — это когда ты сам не играешь, а жизнь в виртуальном мире продолжается. Соответственно, ты не принимаешь решения за персонажа, он сам все выполняет с помощью ИИ — искусственного интеллекта. Действует игровой алгоритм. Но это не по мне — я же понятия не имею, как там все происходит, пока меня нет. Реальные боты (не игровые персонажи), которыми управляет нейросеть, делают все лучше живых геймеров (если ИИ включается в полную силу). Такие боты следят за порядком в игре. Заставить нейросеть работать на полную мощь за твоего персонажа, конечно, нельзя, получится дисбаланс — геймеры окажутся сразу в проигрыше. Но можно включить режим бота, а самому отдохнуть.

В этом режиме мой Лео, как правило, не делает вообще ничего. Конечно, он активен: бродит по квартире, открывает и закрывает холодильник, включает телевизор, лежит на диване с телефоном, выходит в магазин, но никаких продуктивных действий не совершает. Сам он, конечно, думает, что это ему нравится так проводить время.

Теоретически он может стать невольным участником каких-то важных игровых событий, но, когда персонаж в режиме бота, вероятность этого крайне мала. Виртуальный мир защищает персонажей неиграющих геймеров от серьезных происшествий.

Однажды, пока я занимался своими делами, с Лео случилась забавная история. Он вышел в магазин и встретил девушку. Между ними что-то произошло, но, поскольку Лео был в режиме бота, ничего серьезного. А когда я вернулся в игру, то застал Лео в тяжких размышлениях: почему он не взял у нее телефон? почему не познакомился? И он как будто зациклился, все время прокручивая эти мысли в своей виртуальной голове.

Впрочем, Лео не переживал по-настоящему — сознание игровых персонажей далеко от человеческого, они не испытывают эмоций, а только имитируют их. И именно из-за этой имитации его и заклинило. Программа сочла, что ситуация романтическая и он теперь должен о ней думать, не имея реальной возможности что-то предпринять, так как был в режиме бота.

В итоге мне пришлось его «откатить», потеряв некоторый прогресс.

Дело в том, что даже в режиме бота прокачиваются навыки, хотя и очень слабо. Удобнее всего заниматься гриндом. Ты спишь, а твой персонаж делает всякие телодвижения, и тебе в копилку падают монеты или очки. Или же ходит-бродит по округе, собирает хлам и тащит в хату. Как правило, ничего полезного, но можно потом продать барыгам недорого.

В версии 1098.23.22 появилась возможность в режиме бота ходить на работу. То есть твой персонаж, пока тебя нет, едет утром в офис, сидит там до вечера перед экраном и нажимает кнопки. В итоге получаешь деньги — его зарплату в игровом мире, а это поэффективнее гринда, хотя, по сути, так же нудно. Я пока не пробовал, мне жалко своего персонажа. Но другие своих не жалеют.

Есть моды, где персонаж в режиме бота может ходить в кафе, бары и кино и вообще делать самые разные вещи, например даже жениться. Но такие опции я не использую, потому что, как уже упоминал, очень старомоден. Хотя если они войдут в официальную версию в качестве дополнения, то почему бы и нет.

* * *

Если ты видишь, что какой-то персонаж стал постоянно лажать, то все ясно: его продали. Прокачали и продали. Такое случается. Кто-то играет-играет, играет-играет, и ему в конце концов надоедает. И он сбывает своего героя за хорошие деньги. Или же специально с самого начала прокачивает, чтобы потом продать. Но смысла покупать чужого персонажа мало — на это ведутся только новички, у которых много денег. Потому что если ты сам геймер плохой, то, какой крутой ни будь у тебя персонаж, ты с ним далеко не уйдешь. Он даже в режиме бота будет сам лучше справляться, чем когда ты в него играешь.

Хороший геймер — это от бога. Это или есть, или нет.

Ты можешь достичь каких-то вершин, но если нет таланта, то так и будешь промышлять мелочевкой: выполнять рядовые квесты, симулировать жизнь среднего класса, работать в офисе с девяти до пяти.

Мой друг Марк в игровом мире стал вторым Рафаэлем. Его там так и зовут — Рафаэль. Пишется это со значком бутылки эля после слова Raw. Его называли величайшим художником «Толстого». А он вдруг взял и продал своего персонажа. Никто не знал о продаже, кроме меня. Я спрашивал у Марка, зачем он это сделал. Он ответил, что просто надоело.

Он работает в автосервисе, а по ночам рисует на стенах офисных зданий граффити. Их закрашивают быстрее всего.

В игровом мире все теперь недоумевают: что случилось с ним? Его как будто подменили! Да потому что в самом деле подменили. Сам на себя игровой персонаж теперь похож только в режиме бота, но это так, бледное подобие.

Я никогда не буду покупать чужих персонажей. Просто не вижу в этом никакого смысла. С моей точки зрения, интересно вырасти самому. Своего продавать тоже не буду. Лучше просто сотру, не хочу разочаровывать моих друзей там.

* * *

Сегодня ходил в булочную у дома. Я задумал ее ограбить. Конечно, речь идет об игре.

Я ворвался и закричал:

— Быстро все на пол! Это ограбление!

А там внутри было два продавца и несколько пенсионеров. Первых игровой алгоритм сразу на пол положил.

— Только не стреляйте! Только не стреляйте! Деньги в кассе!

Вот поэтому очень легко отличить настоящих геймеров от ИИ. Искусственный интеллект ведет себя как в кино. Ну разве будут нормальные игроки, даже в режиме бота, так делать?

А одна старушка осталась стоять:

— Не лягу. И не перед такими не ложилась.

И я понял, что бабушкой в данный момент управляет живой игрок. Это очевидно, потому что ИИ никогда не острит, по крайней мере так.

— Быстро легла, старая карга! — закричал я.

И наставил на нее обрез.

В этот момент открылась дверь и кто-то зашел. Вижу боковым зрением, что это девушка — та самая, с которой хотел познакомиться Лео, пока был в режиме бота.

— Привет! — говорю я.

— Привет, — отвечает она, — тут ограбление?

— Да. Меня зовут Лео!

— Меня Мона.

— Дашь номер телефона?

— Записывай.

Я хватаю ручку и записываю — реальный я, не игровой, потому что игровой держит в это время пенсионерку на прицеле обреза. Да, это немного жульничество, но что поделать. Я отвлекаюсь от экрана, пенсионерка как-то понимает это, прыгает к прилавку, на котором лежит нож для нарезки тортов, и бросается на меня. Я успеваю заметить, что старушка неплохо прокачана — прыжки мощные, может через стены перемехивать, этот навык дается только после сорокового уровня.

Я нажимаю курок, заряд дроби отбрасывает ее к потолку. Она падает на пол, но сразу вскакивает и опять бросается на меня. Бронезилет, понимаю я. Или, что для меня хуже, экзоскелет из титанового сплава.

Мы начинаем бороться, удары ее тяжелы, как молоты, и с каждым заметно сокращается полоска моего здоровья. Мои удары почти не наносят ей вреда, но все же выстрел в упор из дробовика не прошел бесследно — значок критического увечья, у нее сломано ребро.

— Отстань от меня, — говорю я в микрофон, — дай кассу забрать!

— Да ты лох конченный — булочные грабить, — отвечает она.

Открывается дверь, и заходят полицейские. Они надевают на меня наручники, отводят в машину и везут в отделение. Продолжать игру на зоне у меня нет желания. Да, это интересно, но я в это уже играл, хотя и в предыдущей версии «Толстого», в другой жизни Лео. Остается одно — штраф. Я открываю интерфейс транзакций и перевожу деньги полицейскому департаменту, а по сути — создателям игры. Меня выпускают в каком-то спальном районе, на пустыре рядом с мусорными баками. Не успеваю я посмотреть карту, как на меня нападают гопники (стопроцентно

запланированный алгоритм для таких случаев, потому что отбиться от них нереально), бьют, грабят и кидают в мусорный бак.

В итоге я выхожу из игры, а Лео в режиме бота плетется домой. Настроение испорчено — деньги потеряны приличные, и все из-за чего?!

* * *

В версии патча 17.252 появилась интересная опция: твой персонаж (и не только твой) может позвонить тебе и поболтать с тобой. Ты заявляешься кем-нибудь вроде службы доставки пиццы. И однажды он звонит тебе в режиме бота, и вы общаетесь. Конечно, беседа получается не очень содержательной, но впечатления необычные. Это как разговор бога со своим созданием, даже со своим подобием, — правда, в очень и очень урезанном виде.

— Добрый день! Можно заказать пиццу?

— Добрый день! Как к вам обращаться?

— Лео.

— Очень приятно, Лео. Какую пиццу желаете?

— Из половинок, гавайскую и с ананасами.

— Вам ко времени или как можно быстрее?

— Быстрее.

— Отлично. Кстати, Лео, как вам поживается? Как настроение?

О чем вы думаете?

Молчание.

— Мы просто опрашиваем клиентов, как у них дела.

— Все нормально.

— Всего хорошего, Лео! Приятного вам вечера.

* * *

Лео болтался в режиме бота около двух месяцев. Да, так долго я не возвращался к игре. У меня было много работы, каких-то дел по хозяйству, чего-то такого, о чем даже и вспомнить нечего. Но как бы все это время занят был, что-то делал.

Одна из проблем «Толстого» в том, что его создатели отказались от концепции сохранений. Если уж что-то с тобой в виртуальном мире случилось, то переиграть нельзя, разве что «сбросить» своего персонажа и начать заново. Взамен есть гибкая система штрафов, когда можно откупиться от серьезных последствий, но, на мой взгляд, она не до конца продумана и очень портит игру. Но все же я вернулся, потому что ничего лучше на сегодняшний день нет. Вернулся и первым делом подумал: а не позвонить ли мне Моне? Конечно, прошло два месяца, но все же это игра, а не жизнь!

За это время мой Лео отпустил бороду. Это меня позабавило. Мне всегда казалось, что так серьезно изменить внешность — это волевое решение, акт свободного выбора, который может осуществить только геймер. Но вот Лео сам по себе отпустил бороду.

- Алло, Мона?
- Да... Кто спрашивает?
- Это Лео. Грабитель из булочной, помнишь?

Она засмеялась.

- Мона, давай встретимся, погуляем?
- Слушай, я не знаю, сейчас столько дел...
- Да ладно, какие у тебя могут быть дела!
- Обычные дела... Нужно навестить маму, я записана на массаж,

потом квантованный суп.

- Давай честно, ты в режиме бота? — спросил я.
- Ты о чем?
- Неважно. Во сколько освобождаешься?
- В восемь.
- Я подъеду. Говори адрес!

Лео записал, и я откинулся от микрофона.

Так нельзя было делать. Спрашивать у нее — в режиме бота она или нет. На этот счет есть правила. Если сейчас её управляет геймер, то ничего страшного, персонажу это не навредит, хотя игрок может пожаловаться на меня, и тогда я получу бан, вплоть до пожизненного. А если Мона была в режиме бота, то существует крошечная вероятность, что мой вопрос вызовет сбой ее программы — такова официальная версия. За всю историю «Толстого» никогда такого не было, но правила есть правила. Нельзя спрашивать у чужих персонажей, в режиме бота они или нет. И, в общем, это разумно.

* * *

— Ты странный, — говорит Мона. — Это была та еще идея — грабить булочную!

— Ну почему? — возражаю я. — По факту денег не меньше, чем в банке.

— Не может быть! — не соглашается она. — В банке намного больше!

Но я прав — игровые механики таковы, что в банке на самом деле ненамного больше денег. Это для сбалансированности игры. Конечно, есть крупные банки, но их ограбить и скрыться с места преступления почти нереально.

— Да и сейчас это немодно, — продолжает она. — Ты как будто из позапрошлого века. Кто сейчас грабит? Сейчас занимаются карьерой, строительством, развитием отношений...

При последнем слове она выразительно моргает, глядя на меня. Ресницы у нее длинные.

Я смущаюсь от ее взгляда. И сразу думаю: а вообще, кто она? Игровой персонаж или программа? На последнее не похоже, слишком все гладко. Но я читал, что сейчас делают программы, которые легко проходят тесты Тьюринга. Вдруг я нарвался именно на такую и кокетничаю с нейросетью?

А если это все же игровой персонаж, она в режиме бота или геймер онлайн?

— Это правда, — отвечаю. — Я старомодный.

Мы идем по аллее. На нас падают листья. Некоторые из них проходят сквозь меня — баг.

Она зевает. Мне кажется, ей со мной скучно.

Один лист застревает у меня в переносице и начинает трепыхаться. Я пытаюсь убрать его руками, но не могу. Лист мешает обзору. Мне становится неловко. Она делает вид, что не замечает мою проблему.

— Слушай, — наконец говорю я, — я попрыгаю немного? Может, отвалится.

— Давай! — смеется она.

Я начинаю делать трехметровые прыжки. Приземляюсь на голову, бьюсь об деревья, переворачиваюсь вверх ногами. Во время одного из прыжков я врезаюсь в невидимое гнездо в кроне большого дуба. Вниз падает золотое яйцо.

— О боже, — кричит снизу Мона. — Ты нашел пасхалку!

Я лечу вниз. Лист отвалился.

— Открывай, — говорю я.

— Но она твоя!

— Я дарю ее тебе.

Мне немного жаль отдавать ей редкую находку, но мне хочется выставить себя в лучшем свете.

Она открывает. Там бонус — способность летать в отсутствие боевых условий. Эта шутка стоит больших денег. Я улыбаюсь.

— Вот это круто! — Мона, громко смеясь, резко взмывает в небо и, вращаясь вокруг своей оси, летит, пока не исчезает в облаке.

* * *

Я решил рискнуть. Я оставил ей послание у нее дома: свой реальный номер с просьбой позвонить мне. Если хозяин Моны пожалуется, то меня забанят навсегда.

Что же, подумал я, а и пускай! В игре я большого прогресса так и не достиг, уже годами держусь где-то на среднем уровне. Да, временами очень интересно, есть большие возможности, каких нет в реальном мире, и все такое, но, если честно, немного надоело. Иногда хочется сыграть во что-нибудь старое, доброе и пиксельное, а не в это вот все, с бесконечной имитацией, претензией на правдоподобие, нереальной сложностью и отсутствием нормальных сохранений.

В общем, я решил не расстраиваться, если что. В конце концов, дождусь «Дарвина».

Весь день я ждал звонка, лежа на диване. Ничего не делал, смотрел какой-то сериал, что-то читал, ходил по комнатам, ел. Владелец Моны мог вообще не позвонить, а мог позвонить и через год. И все же я ждал чего-то, охваченный смутным предчувствием.

И в самом деле, она позвонила.

— Привет! Это Мона.

— Привет! Тебя так и зовут — Мона?!

— Нет, Лиза. А тебя?

— Лев.

Она смеется в трубку. Я тоже смеюсь.

— Я с тобой встречался в парке или ты была в режиме бота?

— Разве это имеет значение? — Она опять смеется. — Но теперь точно я.

— Давай встретимся? В реале?

— Я не уверена, что это хорошая мысль... Пока.

* * *

Девяносто девять процентов персонажей — в режиме бота. И большинство из них — покинутые насовсем. Кто-то когда-то начал играть, а потом забросил. Не пошло, или надоело, или отвлекся на другое и забыл на годы. Можно удалить своего персонажа, но зачем? Он там живет, гриндит потихоньку, виртуальные денежки капают. Конечно, есть шанс, что со временем с персонажем произойдет какая-то неприятность. Скажем, он случайно ввяжется в бандитскую разборку, на него набредут зомби или упадет метеорит. Но это все маловероятно. Да, можно потеть все, что ты нагриндил, но в режиме бота накопленного никогда не бывает слишком много.

Хотя исключения случаются. Все слышали байку про одного геймера, который забросил игру на десять лет. Сюжет такой. Он стал бездомным и скитался по улицам. Как-то один добрый человек, видя, что тот страдает от голода и холода, отвел его в кафе. А там транслировали игру, и бродяга сказал, что вот и он когда-то играл! «Да ну?» — спрашивает его спаситель. — Покажи!» «Да давно было, — отвечает, — уж не помню логин и пароль, да и телефона у меня много лет как нет». Ну общими усилиями аккаунт восстановили. И видят: а персонаж его султан в одной стране, богатейший человек с огромным гаремом.

Что там дальше было, неважно, история со счастливым концом. И насколько достоверна эта история, неизвестно. Но важно, что чисто теоретически такое возможно, хотя и крайне маловероятно. Это математическая статистика — могут совпасть такие условия, что в режиме бота начнется сильный последовательный рост.

* * *

Второй раз мы встретились в том же парке. Сели на лавочку под развесистым дубом.

Технологии сейчас уже не те, что были в моем детстве. Я могу взять лупу и не увижу ни одного пикселя на скамейке. Только текстуру дерева, краску. Да, текстура будет воспроизводиться с некоторой периодичностью, но это и не сразу заметишь! Говорят, в «Китайской стене» пикселей уже и под микроскопом не видно. Когда пиксель будет иметь планковскую длину, виртуальный мир станет неотличимым от реального.

Дует ветер, от кафе веет пирожками, пролетают пчелы, сквозь крону пробиваются лучи солнца и играют перед нами на асфальте.

Я беру ее за руку. Она не отнимает. Сердце мое бьется, я взволнован, хотя это и смешно — все же не по-настоящему. Лео в это время думает: «Я сделал это!» Он понятия не имеет, что не он это сделал, а я. Но он тоже взволнован — в том смысле, что его программа начинает симулировать романтическое напряжение.

— Кстати, скажи, пожалуйста, — спрашиваю я, — а что такое квантованный суп?

— Какой квантовый суп? — улыбается она.

— Ну ты мне сказала, когда я тебе позвонил в первый раз, что у тебя мама, массаж, а потом «квантованный суп».

— Нет, я этого не говорила...

— Нет, ты это сказала.

Она задумывается — надолго. Так бывает в режиме бота, когда сталкиваешься с нестандартной задачей. Программе сложно найти ответы на вопросы, которые кажутся бессмысленными.

— Ладно, — говорю я, — неважно! Пошли кофе попьем.

— Нет, подожди. Кажется, я что-то такое помню... Что-то такое, как будто во сне...

— Что?

— Я не знаю! — Она смотрит на меня, и глаза ее наполняются слезами.

Потом вдруг кричит:

— Пришельцы! Пришельцы! — и бросается на землю.

Но небо ясное, никого нет. Люди идут по парку, спокойно обходя ее, пока она дрожит на асфальте, чуть смещаясь по часовой стрелке и закрыв голову руками.

Такое в игре случается, без багов не обходится ни один сложный мир.

* * *

Я позвонил Моне. То есть Лизе, настоящей Моне. Дозвонился не сразу.

— Привет.

— Ты меня кинула. Ты была в режиме бота.

— Это не так!

— Так! Тебя переключило в конце нашего свидания, если это можно назвать свиданием.

— В смысле?

— Так ты даже не просматривала?!

Она молчит, видимо, соображая, что сказать.

— Слушай, Лео, извини. Я была очень занята. У меня были дела, у меня...

— Какие дела? — перебиваю я. — Квантованный суп?

— Что?

— Чего — что?

— Ты о чем?
— Нет, это ты о чем?! Тебя переключило после вопроса про этот суп!
— Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь... Бред какой-то...
Она опять замолкает, я что-то ей объясняю, потом вдруг взрывается:
— Отвяжись от меня, придурок, и никогда больше не звони!
И отключается.

* * *

— Слушай, Марк, а ты знаешь, что такое квантованный суп?
— Понятия не имею.
Он возится с машиной. Я пришел к нему в мастерскую.
— У тебя эти слова не вызывают никакого волнения? Ничего такого?
— А должны? У тебя вызывают?
— У меня — нет... Но просто...
Я рассказываю ему про Мону. Я не вижу его за поднятым капотом, даже непонятно, слушает он или нет.
— Вот такие дела, Марк! — завершаю я свое повествование.
Он молчит. Потом говорит:
— У тебя там не валяется рулевая рейка? Не могу найти.
Я смотрю по сторонам, вокруг много чего валяется.
— Ты не думаешь вернуться в игру? — спрашиваю я. — Там тебя не хватает.
— Нет.
— Почему?
— Потому что, когда играешь там, здесь ты находишься в режиме бота.
— В смысле?
— В один прекрасный момент я понял, что наиграл около ста тысяч часов. То есть полжизни провел там.
— Ну так, вообще-то, почти все человечество живет, — возражаю я. — Люди вон сидят в офисах за компьютерами каждый день с утра до вечера. Это что, лучше? А игра — развлечение, возможность прожить другую жизнь!
— Да, ты прав. Только это не настоящая жизнь. И в офисе, заметь, я не сижу.

* * *

Я снова забросил игру. Но не сразу. Настоящая Мона больше не отвечает мне, а виртуальная — в режиме бота, это очевидно. Я встретился с ней пару раз в игре, мы ходили в кафе, и она даже пригласила меня в гости, что в режиме бота случается довольно редко. Но бот есть бот. Виртуальный мир еще очень далек от совершенства. Вроде бы все нормально, и искусственный интеллект ведет себя как надо, но не совсем так. Как ни странно, в реальной жизни больше загазованности, больше неувязок, нелепости и абсурда — и именно это придает происходящему

реализм. В игре же все слишком рационально и предсказуемо. ИИ всегда логичен. Но не могу сказать, что мне это не нравится, просто такое вот отличие, как будто наша реальность недоработана или, наоборот, слишком уж хорошо проработана.

Но забросил я не поэтому. А по другой причине. Чего я добился в игре? Да, какой-то прогресс есть, ограбил кучу пенсионеров, нагриндил на новый дом и машину, получил признание в сфере романтических отношений (это особая игровая механика, долго объяснять). И что? Несмотря на это, я практически неотличим от бота. Для стороннего игрока очень сложно понять без дополнительной информации, кто я — персонаж живого геймера или нахожусь под управлением искусственного интеллекта. И таких в игре девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Будь персонаж кинозвездой, премьер-министром, или известным на весь мир художником, или даже основателем религии, может легко оказаться так, что это программный модуль.

В «Толстом» есть один такой духовный учитель, у которого десятки миллионов реальных последователей. Несколько лет назад создатели игры раскрыли, что он программа. Оттока адептов не произошло.

Про настоящих геймеров и говорить нечего: подавляющее большинство, даже если проводят все время в игре, ведут себя как настоящие боты.

* * *

Марк помог мне узнать, где живет Лиза. Я напился, приехал к ней ночью на тракторе, кричал под окнами, что люблю ее, а потом бросил бутылку в окно и разбил стекло. Потом голый стоял на коленях и пел: «Смотри, вот я весь перед тобой, какой есть!» Прибыла полиция, и меня забрали в отделение. Не знаю, чем бы все кончилось, но Лиза как-то уладила дело, и удалось обойтись штрафом. Она вывела меня из отделения, усадила на заднее сиденье своей машины и куда-то повезла. Я к тому моменту уже протрезвел, болела голова, но почему-то было весело.

— Ты зачем все это натворил? — спросила она, не глядя на меня.

— Хотел сделать что-то настоящее.

— И как, удалось?

Конечно, нет. Такое, да и намного покруче, в игровом мире боты совершают каждый день. И сейчас, когда она задала этот вопрос, я вдруг подумал, что за всю свою жизнь, возможно, не сделал вообще ничего настоящего.

— Ну так? — повторяет она вопрос. — Удалось?

— Не уверен, — отвечаю я, — это зависит от того, куда ты меня везешь.

— Высажу на пустыре, где какие-нибудь гопники тебя отделают. Надеюсь, после этого тот человек, если это вообще человек, который играет тобой, надолго забудет про игру и ты наконец от меня отстанешь.

Я хочу задать ей вопрос про квантованный суп, но вижу в зеркале ее улыбку и выбрасываю это из головы.

Олег САФОНОВ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ БРАК

Р а с с к а з

Последние лучи солнца, раскрасив золотом тянущиеся от самого горизонта нагромождения высоток, разлились лиловой иллюзией по панорамным окнам огромной башни. В лаборатории верхнего яруса вечерний свет сфокусировался на неподвижно стоявшем высоком человеке, выделяя орлиный нос и большой лоб с залысинами, обрамленный гривой седых волос.

Бероев любил смотреть на закат. Наблюдая, как пылающий шар скрывается за краем земли, профессор в очередной раз ощущал неизбежность законов мироздания. Миллиарды лет движения материи, миллиарды лет ее развития, непостижимый факт возникновения и усложнения жизни на затерянной в безграничном пространстве крупнице вещества, наконец, обретение материей уникальной способности самопознания. И сегодня уже очевидно, что она может себя не только познавать, но и произвольно менять в необходимом ей направлении. Бероев верил именно в такой вектор космической эволюции: появление во Вселенной разумной субстанции, которая со временем станет совершенной.

В живом мире генетика решает все, так же как законы физики — в неорганической природе. Истина, блистательно доказанная практикой. Споры о роли этой спасительной для цивилизации науки прекратились, только когда общество осознало реальность надвигающейся катастрофы. Люди долгое время с потрясающей беспечностью принимали тот факт, что на Земле не осталось здоровых детей и уж тем более взрослых. Да, чудеса медицины до поры до времени позволяли латать дыры, ползущие от надорванных мест ослабленного генофонда, но так не могло продолжаться бесконечно. Без жестокого отсекающего лезвия генетическая основа вида *Homo sapiens*, накапливая мутации, медленно, но верно деградировала. Перемены наступили внезапно. Стремительно увеличилась летальность заболеваний, вызванных обычными вроде бы вирусами, повально распространились врожденные аномалии, резко «помолодели» болезни. Больницы были переполнены, крематории не справлялись, паника нарастала. Испарился оптимизм по отношению к судьбе венца творения, поставившего себя вне естественного отбора. Наконец общество, отбросив

предрассудки, услышало голос ученых: «Дайте нам действовать. Иначе через одно-два поколения — точка невозврата».

И люди, как всегда в критической ситуации, мобилизовались. Научно-исследовательские институты, экспериментальные лаборатории работали практически непрерывно. То было поистине героическое время для генетиков, на которых, затаив дыхание, смотрела в тревожном ожидании планета. Успехи генной терапии¹, которая смело и уже беспрепятственно вмешалась в геном, прежде считавшийся священным, не заставили себя ждать. Онкология, гипертония, диабет, цирроз, туберкулез, ВИЧ и не один десяток других смертельных угроз стали просто словами из прошлого; синтез новых органов взамен изношенных — обычным делом. Адаптивные возможности человеческого организма были выведены на совершенно новый уровень.

Впрочем, все это уже стало историей. Бероев занимался другими вопросами.

Сработали фотоэлементы, и в изгибах волнообразного потолка загорелась мягкая, переливающаяся пастельными тонами подсветка.

Уже несколько дней профессор испытывал непонятный дискомфорт, сегодня окончательно переросший в неотвязное тоскливое чувство. Пытаясь найти причину своего состояния, Бероев вновь и вновь перебирал в памяти события последней недели и не находил ничего необычного. Подготовка доклада к расширенному заседанию Большого совета Восточно-Европейской корпорации генетиков. Анализ очередной партии генетических карт, сопоставление их с биографическими данными и реальными способностями владельцев. Мучительный поиск постоянно ускользающей «комбинации гениальности» в нескончаемом множестве возможных сочетаний участков ДНК. Ну и вечная рутина, на которую, по-хорошему, в его семьдесят два уже не стоило тратить время: планы, отчеты, справки, подписи на решениях по генетическому браку...

Вдруг профессор резко повернулся, направился к столу и набрал номер внутренней связи.

Через несколько минут в коридоре послышались уверенные, быстрые шаги. Дверь автоматически распахнулась, пропустив плотного, среднего роста мужчину лет тридцати пяти, стриженного ежиком. Скуластое лицо его, очерченное снизу черной бородкой, покрывал здоровый румянец, свойственный людям, которым ничто не мешает радоваться жизни. Ему все прочили большую карьеру, так как он был внучатым племянником знаменитого ученого. Коллеги за спиной называли его Тимурчиком, но вообще-то Тимур Бероев старался пресекать фамильярность в общении.

— Добрый вечер, Аслан Давидович. Чем могу служить? — с улыбкой подался он вперед в имитации поклона, совсем сузив и без того раскосые глаза.

— Здравствуй, Тимур, садись. Ведь это ты проверял карты беременных за прошедшие две недели?

¹ *Генная терапия* — совокупность генно-инженерных и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат клеток человека в целях лечения заболеваний. — *Здесь и далее — примечания автора.*

— Так точно, ваше высокопревосходительство, исследовал до самого последнего нуклеотида!² — шуточно отрапортовал Тимур, плюхнувшись в массивное кресло и с удовольствием поглаживая его дорогую бархатную обивку.

Наедине с профессором он мог позволить себе такой дурашливый тон, пользуясь положением родственника. Однако, вопреки его ожиданиям, морщины на лице профессора не разгладились.

— Хорошо. Тогда ответь мне как старший научный сотрудник: что ты думаешь об эмбрионе S-245?

Тимур ненадолго задумался, затем опять улыбнулся:

— Я думаю, генетический брак.

— И какие у тебя основания так считать?

— Так ведь не я считаю. Машина считает. Программных сбоев не было, проверил... Мы, слава богу, не в двадцатом веке, машины сейчас не ошибаются. Тем более что алгоритмы, в нее заложенные, основаны на блестящих разработках команды Бероева, ученого с мировым именем.

Повисла пауза. Профессор долго смотрел сквозь племянника. Наконец проговорил задумчиво:

— Такие ли уж они блестящие?..

— Да вы же сами меня учили, Аслан Давидович, что критерий истины — практика. Посмотрите еще раз на бьющую в глаза реальность.

Тимур кивнул в сторону окна. Внизу на смену быстро растворившимся сумеркам пришел яркий океан огней мегаполиса, затмевающий своим искусственным светом настоящие звезды.

— Всем известно, какая сложилась ситуация на Земле после так называемой генетической революции, когда средняя продолжительность жизни выросла до ста пяти лет. Семнадцать миллиардов населения! Страдающего населения, которому не хватало воды и еды, не говоря уже обо всем остальном. Отбор необходим даже среди физически здоровых. Природу не обманешь. Ограничить рождаемость на основе ваших критериев — наиболее удобный и гуманный из всех возможных путей. Недаром общество согласилось на этот путь и достигло на нем успеха. Жесткая корреляция между численностью счастливых людей и необходимым количеством ресурсов. Стабильность и процветание. Виват, Аслан Давидович!

— Удивительное дело, Тимур, но в молодости я мечтал совсем о другом. Думал сделать человека совершеннее в интеллектуальном плане, развить его творческие возможности, активизировать скрытые таланты, вычислив их генетическую составляющую. А в итоге мои разработки используются для того, чтобы не дать этому самому человеку появиться на свет.

— Не дать появиться тому, кому не стоит появляться, — отрезал Тимур. — Если ваша кафедра пока и не нашла код совершенного человека, то показатели интеллектуальной посредственности определила достаточно четко.

² *Нуклеотиды* — базовые структурные элементы, из совокупности которых состоят гены и в целом молекула ДНК.

— И все-таки S-245. Ты всматривался в него?

На лице старшего научного сотрудника промелькнула досада. Вообще-то, он, поднимаясь в лабораторию, собирался воспользоваться удобным случаем и побеседовать с профессором тет-а-тет совершенно о другом. И вот, вместо того чтобы начать важный разговор, приходится терпеть очередной бзик стареющего мэтра.

— Да кто в них всматривается, Аслан Давидович?! Ну взглянул мельком. Обычный брак.

— Вот и я тоже так подумал. И внес проверенные тобой данные в программу ликвидации. Большой совет через неделю утвердит списки, и тогда... конец.

— Ну и что? Поставят укол, эмбрион рассосется, как у нерпы в голодный год, и можно беременеть по новой.

— Однако теперь меня не покидает странное ощущение, — продолжил Бероев, не слушая племянника, — будто я упустил самое важное. Все маркеры говорят о чрезвычайной заурядности интеллекта, но вот их взаимодействие с остальным геномом... В комбинации есть нечто уникальное.

— Конечно, вам виднее, профессор, — ответил Тимур со скучающим видом. — Только кто там мама? Если правильно помню, литературный аниматор из школы на западной окраине. А папа — технический специалист в каком-то заштатном колледже.

— Что за подход? — нахмурился Бероев. — Мы не принимаем решения, основываясь на социальном статусе владельцев генома.

— Формально так, но вам, Аслан Давидович, лучше меня известно, что от осинки не родятся апельсинки.

Приняв молчание профессора за знак того, что тема закрыта, Тимур решил:

— Аслан Давидович, я многому у вас научился. Наверное, пришло время отправляться в самостоятельное плавание. В Западно-Европейской корпорации освобождается место руководителя биоинженерной лаборатории. С вашими рекомендациями... А там, чем черт не шутит, может открыться дорога в Большой совет.

Бероев удивленно вскинул косматые брови.

— Ты в самом деле хороший ученый, Тимур, хотя, на мой взгляд, слишком узкоспециализированный. Однако, как видишь, тебе еще есть чему поучиться, если пропускаешь на уничтожение геном с возможной гениальностью.

Тимур открыл было рот, но профессор перебил его:

— А теперь оставь меня. Мне надо подумать.

Старший научный сотрудник вышел от Бероева с более насыщенным румянцем на щеках.

— Действительно, Аслан Давидович, — пробормотал он раздраженно, — настало время подумать.

В тишине лаборатории Бероев скрупулезно анализировал S-245, пытаясь увидеть качества будущего человека. Не срасталось. Вернее, все удавалось сшить, но только с помощью интуиции. А ее использование в современной науке, опирающейся на компьютерный расчет вариантов,

давно уже считалось архаичным подходом. Интуицию в качестве аргумента на Большом совете не представишь.

Профессор обессиленно откинулся в кресле, переведя пустой взгляд на потолок. Вдруг его внимание привлекла розовая точка в правом углу. Точка пульсировала и как будто увеличивалась в размерах. От нее исходили непонятные прерывистые звуки, вроде азбуки Морзе. Постепенно Аслан Давидович различил в красноватом свечении изогнутый хвост, переходящий в зачаток позвоночника, жаберные дуги и несоразмерно большую голову человеческого эмбриона. Настойчивый сигнал проникал в мозг профессора, обволакивая нейроны, вызывая необыкновенно приятное чувство, знакомое каждому, кто добивался успеха после напряженного творческого труда. Перед глазами поплыли химические формулы, картинки нуклеотидов, фотографии хромосом, спиралей ДНК, причудливые изображения генов, потом все завертелось, перемешалось и в один миг предстало перед взором профессора красивой и четкой, как звездное небо в ясную ночь, картиной. Картиной гениальности S-245. В этот момент, к ужасу Бероева, потолок вздрогнул, ожил, и в нем обозначился круглый массивный мускулистый центр. От него, извиваясь, поползли разноцветными огнями щупальца, подбираясь к зародышу, который завибрировал, несомненно вызывая о помощи. На стене высветилась карта незнакомой профессору местности. В разных местах изрезанной горизонталями поверхности появились слова: «Ахтарск», «Чеменгинский перевал», «Демьянова пустынь». Через них пробежала изогнутая линия дороги и оборвалась восточнее пустыни, где загорелась яркая надпись: «Архаика». Дохнуло запахом хвойного леса. Затем все поглотила ослепительная вспышка, и наваждение исчезло.

«Перетрудился. Отключаюсь прямо за рабочим столом, вот и мерещится всякая чертовщина. Пора заканчивать с навязчивыми мыслями, так недолго и с ума сойти. Надо отвлечься», — сделал вывод профессор.

За стенами института генетики витал аромат радости, усиленный резким запахом модной парфюмерии. Диодные фонари. Сияющие фасады домов. Мельтешащая на огромных экранах реклама. Ритмичная музыка. Вереницы тихих, как летучие мыши, электромобилей. Шумные потоки людей на ровных широких тротуарах. Улыбчивые лица. Белые зубы даже у пожилых. Вызывающе яркие наряды. Притягивающие взгляд декольте. Облегающее и соблазнительное. Рельефное и маскулинное. Правильное без фотошопа. Настроенное на удовольствие.

Под ногами обозначились мерцающие, как елочная гирлянда, стрелки с надписью: «Центр счастья № 46». «Что ж, можно и в сорок шестой, какая разница», — подумал Бероев, сворачивая налево, не сопротивляясь подхватившей его возбужденной людской волне.

Центр счастья представлял собой громадный стеклянный параллелепипед на площади Ученых. Но на его фасаде световые потоки создавали удивительно качественные голограммы, и сорок шестой поминутно превращался то в беломраморный Тадж-Махал, то в сияющий порталом Страшного суда Нотр-Дам-де-Пари, то в другие шедевры архитектуры.

«Что ж, в самом деле оптимальное решение, — в очередной раз отметил профессор, приближаясь к главному входу. — При минимуме затраченных ресурсов — серьезная эстетическая составляющая». Он вошел в здание, прикоснувшись к инфоприемнику кольцом. «Тоже чрезвычайно удобная вещь», — вздохнул Аслан Давидович. В куске желтого металла с микросхемами все: деньги, личные документы, прививки, группа крови, перенесенные болезни, генетическая карта. Профессор еще помнил жизнь без колец, когда приходилось иной раз искать в карманах наличные и бегать за справками в разные инстанции. Помнил дискуссии о вживляемых чипах, которые будут подавать зомбирующие сигналы. Глупости, обычные технологические страшилки. Кольцо при желании всегда можно снять и даже, если захочется почудить, совсем выкинуть. Потом, правда, придется заплатить внушительный штраф, чтобы получить новое.

Бероев сидел в уютном ресторане, оперевшись на спинку в меру мягкого дивана, а за прозрачной стеной бушевало море. Море эмоций. Трубы многоуровневого аквапарка были сделаны из гиперпластичных материалов, что позволяло автоматически менять конфигурацию спусков, каждый раз вызывая у посетителей новый всплеск адреналина. Глядя на захлебывающихся от восторга детей и радостные лица их родителей на панорамных мониторах, профессор подумал, что правительство выполнило свое обещание. Каждая семья имеет возможность раз в неделю посещать центр счастья. «Впрочем, большинству из этих счастливых людей приходится работать за компьютером по десять-одиннадцать часов в сутки», — невесело усмехнулся Бероев.

И такое уж, видно, было сегодня у него настроение, что даже жареная баранина казалась невкусной. Конечно, профессор прекрасно знал, что на тарелке синтезированный белковый комплекс с химическим наполнителем «Архар», знал также, что он по своим качествам несколько не хуже натуральной продукции скотоводства, которое сохранилось только в отдельных труднодоступных районах Земли. Но почему-то хотелось совсем другого.

В памяти всплыли картины раннего детства. Яркие цветы на альпийских лугах, прощально кивающие вечернему солнцу, отары овец на склонах, закрытых тенью соседнего хребта, лиловые снежные вершины, гул реки в туманном ущелье. Лохматые собаки, развалившиеся у трескучего костра, сложенного отцом. В это наполненное тающим светом время отец часто усаживал Аслана на колени, доставал самодельную свирель и долго играл простую, грубоватую мелодию, вобравшую в себя очарование окрестных гор. А по небу медленно брели на неведомый далекий север сиреневые барашки облаков. Потом Аслан вместе с большим и бесконечно родным человеком молча смотрел в тишине, как распускаются над Казбеком звезды. Когда ночь совсем поглощала долину, проникая холодом под накинутую на плечи овчину, отец давал Аслану, как истинному мужчине и помощнику, настоящее, горячее, пахнущее дымом мясо и неизменно говорил: «У каждого, сынок, своя дорога, мне же, кроме этих гор, ничего не нужно. И ты сохрани их в своем сердце».

— Аслан Давидович, здравствуйте, — пропел знакомый звучный голос.

Бероев вздрогнул от неожиданности и, увидев давнюю знакомую и коллегу по цеху, невольно подтянулся, словно актер перед выходом на сцену. Виолетта, как всегда, была хороша. Черное эlegantное платье, зауженное в талии, подчеркивало плавность линий, к которым равнодушны мужчины. В меру высокий разрез открывал точеную голень, которая, черт возьми, заставляла сгущаться кровь. Вишнево-шоколадные волосы спадали каскадом на округлые плечи. Томное ожидание затаилось в изгибе больших чувственных губ. А эти глаза с поволокой! Только очень пронзительный мужчина мог с ходу разглядеть, что этой невероятно сексапильной женщине пятьдесят лет.

— Здравствуй, красивая хищница, рад тебя видеть, — искренне улыбнулся Бероев. — Как успехи сегодня?

— Сегодня я сама слабость и покорность, склонившая голову перед мужчиной-орлом.

И пока он искал слова, продолжила с лукавым вызовом:

— Вообще-то, Аслан Давидович, я приглашаю вас на медленный танец.

Действительно, играл саксофон. Профессор поспешно взял Виолетту за руку. Его все-таки тянуло к ней. Бероев знал, что она второй раз замужем, что от первого брака у нее взрослый сын. Но это не вызывало беспокойства. Скорее всего, муж тоже сейчас танцует где-нибудь в другом центре счастья. Свободные отношения уже давно считались в обществе нормой. А самого профессора дома никто не ждал. Так случилось, что, несмотря на обилие женского внимания в молодые и зрелые годы, он был по-настоящему предан единственной возлюбленной — науке. Несколько раз на выездных семинарах они с Виолеттой были близки и даже на какое-то мгновение счастливы, однако расставались всегда легко. Сейчас она склонила голову ему на плечо, откликаясь всем своим горячим телом на каждое движение, и Аслан Давидович поверил, что в кружении с этой женщиной, готовой к любви, растворяется ставшее уже привычным одиночество.

Музыка кончилась, и Бероев неожиданно для себя предложил:

— Знаешь что, Виолетта, давай махнем с тобой в горы. Хотя бы на несколько дней!

Она рассмеялась до слез, как смеются женщины над глупыми словами попавшегося на крючок мужчины, и, слегка выпятив нижнюю губу, ответила:

— Нет, Аслан, дорогой, в горы мне поздновато, да и холодно там, неудобно. Хочу на море. Чтобы песочный пляжик под пальмами, шезлонг, легкий прибой... И сок надкушенного манго капает на грудь...

Дальше она еще что-то говорила за столиком, разливаясь колокольчиком, предлагала заказать по фужеру коктейля «Желание» на гормональной основе, но Бероев уже не слушал. Все было слишком фальшиво. Его не смущала натянутая, как мячик, кожа на ее лице, искусственный коллаген в пикантных местах почти идеальной фигуры, выращенные белоснежные зубы и наращенные волосы. Но он знал, как это будет: разбуженная принятым тестостероном мужская сила, сперва упругие, затем внезапно податливые губы, шелковая поверхность живота, жесткие, до

боли, объятия, напряженные ягодицы... А потом сразу, стремительно — пустота. Нет тут самого главного. И не может быть.

Бероев резко встал, собираясь уходить.

— Коктейль «Желание» как-нибудь в другой раз. А сейчас мне пора.

По лицу Виолетты пробежала судорога, сделавшая заметным возраст.

— Аслан, не уходи, прошу. Мне страшно. Я, кажется, старею.

«Вот она — правда», — подумал Бероев и смягчился:

— Ты тут ни при чем, Виолетта, все дело в жареной баранине.

Профессор предчувствовал, что не стоило идти на сеанс виртуальной реальности. Конечно, там можно было найти что угодно. Он нашел свои горы. Ослепительные пики, разрезающие небо. Пестрое, цветущее разнотравье рядом со снегом, изогнутые низкорослые деревья. Хрустальные брызги ревущего потока, в котором немеют пальцы. Грохот камнепадов, порывы ледяного ветра с неприступных перевалов... И мучительная жажда никак не появлявшегося ощущения счастья.

Выходя с сеанса в потоке разгоряченных, радостных людей и глядя на зашарканный пол под ногами, Бероев был чрезвычайно растерян, как эквилибрист, почувствовавший, что правильно выстроенная основа ускользает из-под ног. «Недорожденное бытие»³, — вспомнились ему давно прочитанные слова. Может, оно и составляет основную часть нашей в принципе недорожденной жизни? Какое сознание может определяться таким бытием?! И разве способен человек, который руководствуется искаженным сознанием, допустить существование чего-то действительно настоящего?

На третьем подземном ярусе, куда в раздумье направился профессор, находились менее востребованные услуги. Здесь людей было немного. Войдя в пустую, с голыми стенами религиозную комнату, Бероев замешкался, не зная, какую конфессию выбрать. Он не был верующим человеком и пришел сюда, чтобы услышать хоть какой-нибудь ответ на возникшие вопросы. После минутного колебания коснулся на дисплее надписи «Православие». Раздался колокольный звон, стены комнаты поплыли, вспыхнули свечи, и профессор оказался в виртуальной часовне. Перед ним появился священник в полном облачении со строгим, внимательным взглядом.

— Что привело тебя ко мне, раб Божий?

Бероева перекосило.

— Зачем здесь-то фокусы! Неужели нельзя обойтись без всей этой бутафории! — выкрикнул он в лицо несуществующему служителю несуществующего храма и нажал отмену.

«Хотя бы одно слово! — внутренне взмолился Аслан Давидович. — Почему нужно до всего доходить самому? Почему все вокруг довольны? Неужели я один не вижу истины?» И вдруг он вспомнил: «Если ты в меньшинстве — и даже в единственном числе, — это не значит, что ты

³ «Недорожденное бытие» — так определяет виртуальность С. С. Хоружий.

безумен. Есть правда, и есть неправда, и, если ты держишься правды, пусть наперекор всему свету, ты не безумен»⁴.

Люди с удивлением оглядывались на быстро шагающего, озабоченного, наверное, единственного хмурого здесь, в центре счастья, человека. Он почти бежал мимо нескончаемых бутиков, ресторанов, кальянных салонов, где всюду дымился новейший заменитель легкого наркотика, массажных кабинетов, комнат уединения и прочих вместилищ радостей жизни. «Видимо, что-то стряслось у бедолаги», — думали некоторые из посетителей, но тут же мысли их переключались на поиски очередной дозы удовольствия. Наконец непонятный персонаж свернул к витрине книжного магазина, оформленной красочными картинками из аниме.

— Есть у вас Оруэлл? — спросил Бероев седого незаметного старичка с беспокойно подрагивающими пальцами.

— Нет, конечно, — вздохнул продавец, — исчез лет двадцать назад.

— А если под заказ?

— Издательства не берут такие заказы.

— Неужели ничего нельзя сделать?

Продавец пожал плечами:

— Не могу даже предложить вам платную ссылку в интернете. Понимаете, тот, кто решится продавать классику за пределами школьной программы, должен платить огромные налоги, как с алкоголя. Не окупается. В том числе поэтому сегодня девяносто процентов книжных фондов — детективы, мыльные оперы, фэнтези, хоррор, комиксы.

Увы, ответ на первый вопрос был получен.

— А как насчет картографической продукции?

— Этого много. На любой вкус, любого масштаба, ну понятно, что малонаселенные районы показаны обзорно.

С трудом сдерживая волнение, Аслан Давидович открыл указатель подробного атласа Евразии. Нашел Ахтарск, Чеменгинский перевал, Демьянову пустынь. Бероев мог поклясться чем угодно, что до сегодняшнего дня он этих названий на картах никогда не видел.

Теперь, чтобы исключить ошибку, нужно было проверить последнюю догадку. Ведь как ни крути, а от осинки действительно не родятся апельсинки.

Светлые майские дни незаметно превращались в настоящее теплое лето. В парках и скверах, на газонах вдоль тротуаров, во дворах и закоулках набирала силу свежая, обильно политая солнцем трава. Местами она пробивалась даже сквозь вспученный наноасфальт. Вездесущий одуванчик находил любой сантиметр земли, любую щель, чтобы укорениться, вывести наружу свои желтые головки и в конце концов рассеяться белыми пушистыми семенами, в каждом из которых — нечто отличное от других, неповторимое. Повсюду бегали неизвестно откуда взявшиеся коты, желая внести свою лепту в генетическое разнообразие земной фауны. Деревья удивительно быстро покрылись сочно-зеленой, не успевшей запылиться листвой с миллиардами крохотных лабораторий, где создавались

⁴ Дж. Оруэлл «1984».

необходимые вещества для пока еще незаметной, только что завязавшейся после цветения новой жизни. А в буйных сплетениях крон галдели, копошились и пели, призывая свою вторую половину, птицы.

В класс залетела желтогрудая птаха. Аверина оторвалась от стопки школьных тетрадей. «Вот и добрая весточка, — улыбнулась она. — Если бы ты знала, синичка, как она мне сейчас нужна». Однако пичуга явно не собиралась общаться. Она попыталась нырнуть назад на улицу, в зеленый шатер деревьев, но, заскользив по непроницаемой прозрачной поверхности, поняла, что попала в ловушку, в испуге закружила, заметалась, нарезая круги по кабинету, внезапно со всего размаху врезалась в стекло и упала замертво.

У Авериной похолодело внутри. Взяв тонкими руками безжизненно обмякшее тельце, она прижала его к груди, приговаривая:

— Милая птаха, не умирай. Тебе еще жить да жить. Ведь еще только начало лета.

Она и сама в этот момент была похожа на раненую птичку: востроногая, худенькая (из объемного только густые, вьющиеся волосы), плечи печально опущены, влажная пленка на золотисто-карих глазах.

Вдруг синица дернула клювом, зашевелилась, затрепыхалась, взмахнула крыльями и выскочила с раскрытых ладоней учительницы в распахнутое окно. Пичуга упорхнула, а растущая с каждым днем тревога осталась. «Как бы мне хотелось улететь вслед за тобой, — вздохнула Аверина, — но, увы, остается только ждать».

Казалось, заиграли фанфары. У Авериной всегда было такое ощущение, когда входила соседка по кабинету. В самом деле, статной, дородной, спокойно-пренебрежительной Басовой не хватало только короны на голове.

— Любаня, надеюсь, у тебя кофе остался? — загремела она и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Почему такая хмурая? Каникулы на носу. Расслабься. Куда в отпуск собираешься?

— Да как-то не думала еще, пока вся в работе.

— Вечно ты в работе. А мы с подругой расфасуем своих обормотов по загородным лагерям и рванем на турецкий берег. Кстати, что за маскарад был у тебя возле дверей на последнем уроке?

— Ребята показывали сцены из Шекспира. Молодцы, постарались. Прошло на ура.

Басова усмехнулась:

— Оно тебе надо? У нас лишний выпендрей не оплачивается. К тому же в очередной раз по шее получишь за самодеятельность. Или Шекспир опять в программе?

— При чем тут программа, — возразила Аверина. — Дело не в ней, а в детях. Да и сама я не могу по-другому. Такой уж я, видимо, учитель.

— Аниматор, — подчеркнуто мягко поправила Басова. — Все мы теперь неизвестно кто по новому закону об образовании. И вообще, у нас концепция развлекательной педагогики. Сегодня ты уже двойку ребенку не поставишь. Скоро и тройку ликвидируют как оценку.

Отсыпая кофе в стакан, она продолжила с усмешкой:

— Я первого июня избушку на клюшку, ключ на вахту, телефон отключую и, как говорится, досвидос, только меня и видели. Тебе тоже советую здоровья набраться. А то скучно выглядишь, ни мясная, ни молочная. Непонятно, в чем душа держится.

— Все-таки держится же, — улыбнулась Аверина.

— Ну невелико достижение. Лучше вот летом отдохни, окрепни, да давай ребенка рожай. Чего тянешь? Тридцать пять ведь уже.

— Да разве же я против, — дрогнув, ответила Аверина и переменилась в лице.

Басова посмотрела на нее с прищуром и, помедлив, сказала серьезно:

— Если генетики рубят, то не бейся головой о стену, бесполезно. Лучше прогуляйся по центрам счастья одна, без Сергея, познакомься с приличным, умным мужчиной...

— Спасибо за заботу, — холодно отрезала Аверина, — но у меня есть муж.

— Ладно, извини, Люба, видимо, каждому свое, — вздохнула Басова. — Спасибо за кофе.

И, обернувшись у двери, добавила:

— Ты как будто с другой планеты. Порой мне кажется, что я люблю тебя, Аверина.

Внеурочные занятия отменили из-за прививок. С тяжелым чувством выходила востроносая учительница из школы. Действительно, куда тянуть? Поначалу врачи вообще сомневались, что она сможет забеременеть, потом был отказ, вердикт: генетический брак... Хотя, по сути, дикость — говорить о возможном здоровом ребенке «брак»! А теперь — сосущее под ложечкой ожидание и опущенные глаза самого дорогого человека. «Впрочем, — попыталась успокоить себя Аверина, — людям бывает и много хуже. У меня есть Сергей, опять же любимая работа... а некоторые в полном одиночестве доживают свой век. Может быть, даже вон тот склонивший голову старик на скамейке возле школьной калитки».

Тоска Бероева становилась невыносимой. Временами ему хотелось выть. Неужели вся его жизнь, полная труда и честолюбивых надежд, оказалась бессмыслицей? Похоже, он с самого начала, с юности, не понял главного. Почему он решил, что если удалось внести коррективы в тело человека, то можно так же успешно разобраться со всей его сущностью? Он замахнулся на вещи, посильные только Богу, а к чему пришел в итоге? Еще вопрос, получится ли у него что-нибудь сделать против своих же разработок, используемых безликой машиной. Но вдруг его взгляд не случайно зацепился за S-245 и весь предыдущий путь был только подготовкой к настоящему, большому событию? Вдруг спасение этого ребенка и будет главным делом его жизни? «А не кажется ли тебе, что твои сомнительные выводы — вздор и плод старческой фантазии?» — говорил ему привычный голос разума. — Сколько самых разных исследований ты провел, но так и не увидел основу гениальности. И поэтому, не зная, как выйти из тупика, цепляешься теперь за какую-то аниматоршу с заштатным техником».

Одолеваемый такими противоречивыми мыслями, Бероев добрался до школы на западной окраине, узнал на входе, что у Авериной по расписанию еще два урока, решил подождать на улице и в задумчивости уселся на лавочку. Вообще-то, личная встреча с хозяйкой эмбриона и даже с ее родственниками являлась грубым нарушением генетической этики. Такие контакты строжайше воспрещались, чтобы исключить возможность эмоционального воздействия на принимающего решение ученого, а также вероятность сговора. Однако для Бероева выбора уже не было.

— Добрый день, — услышал он удивительный женский голос с какой-то, наверное, врожденной ноткой нежности.

Профессор поднял голову. Он не смог бы объяснить почему, но ему сразу стало понятно, что эта стройная невысокая женщина в белой блузке, похожая на хрупкий полевой цветок, и есть Аверина.

— Здравствуйте, — улыбнулся Бероев в ответ на приветствие. — Вы, скорее всего, учительница?

— Неужели так заметно? — усмехнулась она. — Да, перед вами инженер человеческих душ. По крайней мере, мне хочется в это верить.

— Тогда, выходит, мы коллеги. Я тоже своего рода инженер, то есть... доктор. И тоже до недавнего времени верил, что могу влиять на человеческую природу.

— Мне показалось, что вы сильно расстроены и, возможно, одиноки. А пришли сюда, потому что мучительно ищете какой-то выход.

Улыбка сошла с лица профессора.

— Как вы это делаете?

— Не знаю. Просто чувствую. Что ж, коллега, давайте познакомимся. Меня зовут Любовь Николаевна. Можно просто — Люба.

— Аслан Давидович, — кивнул профессор и пожал протянутую ему маленькую руку.

В теплых янтарных глазах не было вопроса, но внутри у Бероева что-то дрогнуло, двинулось, набирая ход, и профессора неудержимо потянуло рассказать этой женщине всё.

— Действительно, Люба, вы правы. Мои сомнения должны найти выход. Необходимо окончательно определиться. Я с молодости верил в себя, в свой разум и волю. Учился, работал как проклятый, думая только о том, чтобы помочь людям. Наивный, я действительно считал, что помогаю им. Как средневековый мастер, годами выковывал я свой шедевр, способный раз и навсегда сделать человека счастливым, но, увидев изъяны, без колебаний уничтожил его и начинал свой труд заново. Я многого добился, кто-то считает меня научной величиной, кто-то ненавидит. И вот сейчас, кажется, наступает прозрение, как у алхимика, который понял, что философского камня не существует, что все усилия напрасны и что пустая порода в принципе не может превратиться в золото! А годы ушли. Я даже не замечал, как весна сменяет зиму, осень — лето. Поразительно, но я, родившийся в горах, ходивший в детстве босиком по траве, совсем забыл за своими расчетами и экспериментами, как выглядит настоящая природа. В ярком свете мегаполиса не увидишь звезд. И вы правы, Люба, сегодня я здесь, чтобы... — К горлу профессора подкатил комок.

— Аслан Давидович, не надо. Вам больно. Расскажите в следующий раз. Вообще, — улыбнулась Люба, — иногда лучше просто молча понять друг друга. А вот звезды вам нужно увидеть именно сегодня. Мы с Сергеем как раз сейчас собираемся за город. Не откажетесь поехать с нами?

Через минуту они уже беседовали как старые друзья. Ярко светило солнце, трезвонили птицы, что-то кричали, смеясь, пробегающие мимо дети, и Бероев не переставал удивляться: «Какая же все-таки редкая ценность — простое человеческое общение». Поглощенный этим общением, профессор не заметил, что за ним следили.

Когда машина свернула на грунтовку между деревьями, Люба восторженно захлопала в ладоши:

— Наше любимое место! Сережа нашел два года назад. Спасибо тебе, милый.

И она осторожно, даже трепетно, погладила мужа по плечу.

— Не отвлекайте водителя, Любовь Николаевна, — шутливо сдвинул брови Сергей, мужчина лет сорока с круглым, добродушно-открытым лицом, — а то потеряю контроль, и тогда, боюсь, даже Аслан Давидович не поможет.

— Слушаю и повинуюсь, Сергей Валерьевич, — сложила ладони Аверина. — Видите, доктор, какой он у меня строгий?

— Настоящий деспот-интеллигент, затиранивший слабую женщину, — подхватил Бероев.

— Слышите, что о вас умные люди говорят. Скорее уже везите нас, деспот, в райский уголок.

— Так точно, радость моя.

Место было и впрямь замечательное. Чудесная зеленая поляна, вся в оранжевых островках огоньков, примыкала к небольшой прозрачной речке, в излучине которой ровным нетронутым слоем лежал мелкий желтый песок. Стройные ряды молодых дубов, покрытых блестящими на солнце изумрудными латами, обступали с трех сторон спрятанное от посторонних глаз луговое пространство. На другом берегу почтительно склонили над водой свои серебристые головы ивы. За ними, на взгорье, стерегли покой маленькой замкнутой вселенной мощные рыжебородые сосны.

На правах гостя Бероев был освобожден от обязанностей по лагерю и потому, вытянув босые ноги, бессовестно наслаждался вечерним солнышком. Он смотрел на плавный, отливающий золотом изгиб реки, на веселый костер и ловко управлявшегося с топором Сергея, на Любу, которая с улыбкой чистила пойманную мужем рыбу, видел, как они понимают друг друга с первого взгляда, и думал: «А ведь в самом деле, как мало человеку надо, чтобы почувствовать себя счастливым. Как легко можно обойтись без всякой генной инженерии, без всех этих удобных устройств, которыми окольцевали нас, фактически отняв свободу, без чудовищно разросшейся индустрии удовольствий».

— Вам бы, ребята, жить в каком-то другом мире — простом и настоящем. Только где ж его найти? — вздохнул профессор.

Бероев специально провоцировал своих новых друзей. За ни к чему не обязывающей репликой скрывалось желание выйти на волнующую его тему.

— Может быть, Архаика? — задумчиво проговорил Сергей.

— Разве она существует? Красивая сказка.

— Я тоже раньше так считал. Думал, что она вымысел, миф, наподобие Шамбалы или Белогорья, только более современный и правдоподобный. Однако уже само существование этого будто бы мифа доказывает, что не всем людям по душе та жизнь, которую мы ведем сегодня. Значит, есть самое главное — основа для Архаики.

— Почему тогда нет никаких сколь-нибудь достоверных сведений: что она из себя представляет, в каком регионе Земли находится? — вел свою линию профессор.

— Простите, но вы меня удивляете, доктор, — загорелся Сергей. — Много ли мы вообще видим правдивой информации? Где она — независимая журналистика? Где заставляющие человека думать телепрограммы, умные современные книги? Где, наконец, можно купить классику? Почему гуманитарные, да и естественно-научные дисциплины в школе методично режут и выхолащивают? И так же методично, используя колоссальные возможности СМИ, пропагандируют мир дешевых ценностей, дешевых удовольствий? Причем всячески стараются облегчить доступ к ним обывателя. Вы скажете, что я говорю банальности. Но почему, объясните мне, такие вопросы стали банальностью? До недавнего времени власть еще мирилась с тающей прослойкой независимо мыслящих людей. Однако, увидев, что эта самая прослойка, вопреки всем законам логики, не размывается до конца, решила более жестко отсекал неудобные отклонения от нормы. Сейчас наступило поворотное время, время тихих перемен. Мы все давно под колпаком. Нас не трогают — просто ты никому не нужен, когда идешь в ногу с большинством. Но не дай бог тебе выбиться из общей массы! А вы говорите, достоверные сведения...

— Но если Архаика существует, как ее до сих пор не нашли и не уничтожили, учитывая возможности современных систем слежения и высочайшей лазерной техники? — снова возразил Бероев.

— Я тоже много размышлял об этом. Объяснение может быть только одно: Архаика серьезно превосходит нас. И в первую очередь в работе с информацией. Вероятно, там уже научились считывать ее с нашего мозга даже на расстоянии. Конечно, не полностью, все глубины человеческого сознания вряд ли будут кому-то подвластны, кроме высшего разума. Значит, вполне осуществимо и обратное действие — послание месседжей, хотя бы в виде образов, нужному человеку. В основе таких информационных потоков лежит явление, предсказанное еще на заре двадцатого века, — торсионные поля⁵. Понимаете, все еще надо проверить, но я, кажется, нашел математическое доказательство их реальности.

Сергей схватил прут и с жаром начал что-то объяснять, покрывая песок формулами, в которых профессор генетики мало что понимал.

⁵ Торсионные поля — термин, первоначально введенный математиком Эли Картаном в 1922 году для обозначения гипотетического физического поля, порождаемого кручением пространства.

Возникло ощущение, что перед Авериным не рыхлая, испещренная знаками поверхность, а невидимое измерение, которое поглотило его с головой. Вдруг он словно вынырнул назад и, смахнув пот со лба, подытожил:

— Если все правильно, то лучшая реальность существует. И она сама отбирает нужных ей людей. Разумеется, о нас там и понятия не имеют, мы не представляем для Архаики никакого интереса, но вот талантливые ученые... В последнее время в СМИ о них ничего не слышно. Может, они в большинстве своем уже на том берегу?

Профессор ошеломленно глядел на техника из колледжа. Точно такие же мысли пришли к нему вчера в книжном магазине.

— Однако где вы учились?

— Сергей окончил специализированную математическую школу, затем ведущий столичный университет, потом учился в аспирантуре, — ответила за мужа Люба. — У него, сами видите, особенная голова. Это из-за меня, из-за моих проблем со здоровьем он ушел из науки. Читин в колледже компьютеры, после работы платно консультирует студентов. На жизнь хватает. Если хотите знать мое мнение, я тоже верю в Архаику. Люди во все времена стремились к чему-то, что является лишним с позиций чистого материализма. Добро, нравственность, альтруизм, совесть — зачем они там, где царит вечная конкуренция и важна только победа в борьбе за ресурсы? Я думаю, что в основе мироздания — нечто высокое, светлое, такое, чего мы никогда не сможем объяснить, несмотря на весь наш технический прогресс. Мне кажется, цивилизация без этого созидающего начала, основанная только на эгоизме и гедонистических устремлениях, не может существовать. Должен быть противовес. Если есть тьма, должен быть свет. И я чувствую, что во времена тихих перемен этот свет — в Архаике.

Повисла пауза. Профессор не мог найти слов. Наконец он спросил с грустью:

— Что же, ребята, вы делаете на своей богом забытой окраине?

— Мне порой кажется, что все закономерно, — вздохнула Люба. — Каждый поначалу считает себя хозяином своей судьбы, но в конечном счете оказывается именно в том месте, куда людей, подобных ему, определило общество.

Они сидели у огня, ели пропахшую дымом уху, пили душистый травяной чай, читали стихи, пели давно забытые песни и смотрели на ставшие удивительно близкими звезды.

Когда по темно-синему бархату чиркнул, сгорая, посланец далеких миров — метеор, Люба сжала кулачок и, взглянув прямо в глаза Бероеву, спросила:

— Аслан Давидович, скажите, у меня мальчик или девочка?

— Как вы догадались?.. — прохрипел профессор.

— Ну это как раз совсем нетрудно, некоторые вещи поймет каждое материнское сердце.

— У вас, Люба, родится сын. И я помогу вам, не будь я Бероев! Однако... готовы ли вы в случае чего бросить работу, дом, родных, друзей и уехать в неизвестность?

Люба выразительно посмотрела на мужа.

— Для нашего сына мы сделаем всё, — ответил Сергей.

С этого момента судьба всех четверых, включая ребенка, была predetermined.

На дорогой штукатурке стен широкого коридора, по которому шел профессор, висели портреты и фотографии. Корифеи генетики, начиная с самого Менделя, взирали на него с молчаливым вниманием. С кем-то из них он в былые годы общался, спорил и даже дружил. Немногие продолжали свою научную деятельность, как и он. Остановившись у рамки с табличкой «Бероев Аслан Давидович, доктор наук, профессор, почетный член Академии наук», он взгляделся в энергичное лицо и обратился к своей более молодой копии:

— Ну что, Аслан Давидович, последний бой. Как говорится, «нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом дело нехитрое»⁶.

И Бероев решительно направился в кабинет главного.

За огромным т-образным столом из красного дерева, обрамленным двумя рядами массивных резных стульев ручной работы, сидел крупный, коротко стриженный человек, который любому входящему сразу внушал уважение. В каждом его движении чувствовались основательность и уверенность, а прямой немигающий взгляд пронизывал собеседника насквозь. Профессор ценил Гамова за умение быстро ухватить самую суть проблемы и, определив правильное направление, обозначить последовательные шаги по ее решению. Распоряжения его были коротки и чрезвычайно конкретны. Вообще, именно Гамов поставил дело так, что все работали не за страх, а за совесть, чувствуя себя единым целым. Долгие годы он руководил Восточно-Европейской корпорацией генетиков и, хотя не блистал как ученый, был блестящим организатором.

— Присаживайтесь, Аслан Давидович, — доброжелательно сказал Гамов, жестом показывая на стул рядом с собой. — Что привело вас ко мне? Если вы пришли без согласования, в неприемный час, значит, вопрос серьезный.

— Вы проникательны, Владлен Геннадьевич, вопрос действительно архиважный. Мне наконец удалось найти геном с гениальностью. Однако я понял это уже после того, как на основе генетического анализа элементов крови он был по ошибке внесен в программу уничтожения.

На лице Гамова не отразилось никаких эмоций.

— Программных сбоях не было? — спросил он абсолютно спокойно.

— Нет. Исключено.

— Кто осуществлял контрольную проверку?

— Тимур Бероев.

— И, как я понимаю, вы вносили данные в программу ликвидации.

— Я вносил, Владлен Геннадьевич. Однако теперь не сомневаюсь, что совершил чудовищную ошибку. Необходимо ее срочно исправить.

— Каким образом? Вы же знаете, что процедура ограничения рождаемости определена законом и очень жестко контролируется.

— Но у вас же имеются полномочия входить на сервер при чрезвычайной ситуации.

⁶ Платон «Пир».

— Имеются. Только я не вижу чрезвычайной ситуации.

— Почему? Ведь на кону судьбоносное для науки открытие.

— Ну хотя бы потому, что есть еще возможность внести коррективы в списки генетического брака через три дня на Большом совете.

— Да, пожалуй, вы правы, — задумчиво сказал профессор. — Может, оно и к лучшему. Значит, мне надо выступить на совете. И все же...

— Выступить, конечно, можно, — перебил Гамов, — только люди в вашем возрасте стараются не сомневаться в ценности своих же достижений. Получается, что признанные всем ученым сообществом критерии Бероева относят гениальный геном к интеллектуальной посредственности, недостойной появиться на свет? Зачем вам это нужно?

— Затем, что я ученый и мне прежде всего дорога истина. Если этот ребенок родится и подтвердится его гениальность, а я уверен, что она подтвердится, можно будет провести полномасштабное комплексное исследование, где будут задействованы и генетика, и нейрофизиология, и психология с социологией, и другие науки. Представляете, какой шаг мы сделаем на пути улучшения Homo sapiens! Ну и в принципе, — добавил Бероев, — по какому праву мы должны лишить жизни полноценного человека?

— Допустим, вы говорите правду, — сказал Гамов, игнорируя вопрос. — Однако ваше предполагаемое исследование — все-таки дело будущего. А что мы сейчас скажем правительству, которое считает нашу отрасль одним из оснований социальной стабильности и потому щедро нас финансирует и даже предоставило нашим сотрудникам особый статус? Ошибка?

— Правительство должно понять. Все ошибаются на пути к истине.

— А как воспримут такую истину те семьи, которых мы лишили детей? «Извините, наши методы были ошибочны»?!

Бероев не знал, что ответить этому каменному человеку.

После мучительной паузы, под холодным взглядом главного, профессор поднялся и спросил упрямо:

— Я полагаю, у меня есть право выступить на Большом совете по данному вопросу?

— Конечно, оно у вас есть, — спокойно ответил Гамов.

— Тогда прошу дать мне возможность сказать свое слово первым.

Дверь за профессором захлопнулась. Директор Восточно-Европейской корпорации, подумав пару минут, набрал номер внутренней связи.

На улице бушевала первая в этом году гроза. Аверина дышала полной грудью у распахнутого окна. Свежий, пропитанный ароматом цветущих яблонь ветер врывался в комнату. Шквал воды загнал в укрытия даже вездесущее кошачье племя. Стайка застигнутых врасплох мокрых воробьев, оживленно чирикавая, жалась под карнизом. Из водосточных труб, с оконных отливов, с балконов ручьями струилась чистая вода. На тротуарах и по краям проезжей части она собиралась в мощные потоки, которые быстро смывали скопившуюся за год грязь. Долгожданную

влагу жадно впитывала пробудившаяся после недельной жары земля, готовая разродиться новой порцией жизни.

В дверь позвонили. «Сергей ушел с работы пораньше, попал под дождь, теперь, наверное, весь промок», — подумала Аверина и побежала открывать. На пороге стоял розовощекий мужчина с раскосыми глазами и небольшой, покрытой мелкими каплями бородкой. Аверина недоуменно смотрела на незнакомца, думая, что он, видимо, ошибся адресом, но, когда увидела в его руках медицинский чемоданчик, сердце ее бешено забилось.

— Что вам угодно? — зло спросила она. — Я буду разговаривать только с Асланом Давидовичем!

— Да вы не беспокойтесь, — расплылся в улыбке мужчина. — Я как раз от него. Профессор не смог сам прийти. У него сейчас чрезвычайно напряженные дни и бессонные ночи: подготовка к конференции. Вот, кстати, мое удостоверение — Тимур Бероев.

— Так вы с ним... Проходите, конечно. Что же мы стоим на пороге.

— Вы правильно поняли. Я его племянник. — И, осторожно взяв ее за плечи, он продолжил: — Поздравляю вас, Любовь Николаевна, с положительным решением. Хочу пожелать здоровья вам и вашему будущему сыну.

Слезы хлынули из глаз Авериной.

— Простите, пожалуйста, — всхлипывала она, размазывая влагу по лицу.

Когда она наконец успокоилась, Тимур сказал:

— По правилам, следовало бы взять у вас контрольный анализ крови, однако, я думаю, не стоит заниматься пустыми формальностями.

Собираясь уходить, он вдруг вспомнил:

— Кстати, наша кафедра сотрудничает с центром «Милосердие», помогающим больным детям. Да-да, есть еще крайне редкие скрытые мутации, которые могут проявиться только через несколько лет после рождения.

Он достал из чемоданчика распечатанную на принтере фотографию страдающего ребенка.

— Вот наша сегодняшняя боль — Миша Иванов. Если срочно не сделать операцию, он умрет. Перечислите, сколько сможете, на указанный внизу счет. Мы с коллегами скинулись по пять тысяч.

Аверина взяла в руки фотографию:

— Обязательно. Как же я могу не помочь ему. Тем более что моему мальчику сейчас подарили жизнь.

Выйдя из подъезда, Тимур некоторое время медленно, в растерянности шел по улице. Его преследовал благодарный взгляд янтарных глаз. Но постепенно мысли старшего научного сотрудника пришли в порядок, лицо приняло решительное выражение, он заметил, что весь промок, и зашагал быстрее.

Профессор одним из последних вошел в похожий на античный театр зал.

На обитых светлой кожей сиденьях дружными рядами расположились люди в костюмах стального цвета. Сообщество генетиков, конечно, не вводило униформу, но носить серебристо-серую одежду в последние годы стало своего рода традицией, как бы привилегией членов Большого совета. Внизу на полукруглой каменной арене ожидала своего оратора трибуна, выполненная в виде золотой спирали молекулы ДНК, поддерживающей раскрытую книгу. За ней возвышался массивный, из мореного дуба стол президиума. Здесь уже расположилось руководство корпорации во главе с Гамовым. Над их головами на беломраморной стене крупными буквами был вырезан девиз: «Per aspera ad astra»⁷. «Пожалуй, сегодня будет именно так», — подумал Бероев, взглянув на надпись, и занял свое привычное место.

Тимур не обманывал Любу, когда говорил, что у профессора очень напряженные дни. Аслан Давидович действительно работал трое суток напролет, чувствуя вдохновение творца. Благодаря запечатленной в его памяти картине гениальности все наконец сошлось. Его доклад был конкретным и жестким. Именно сегодня Бероев должен показать ученому миру, что в своих попытках определить генетическую формулу таланта они двигались в неверном направлении. Именно сейчас обязан задать вопросы, которые поставят под сомнение некоторые постулаты науки. И сегодня впервые его работа спасет жизнь будущего человека, а может быть, и не одного.

Занятый такими размышлениями, профессор не слушал обычное приветственное слово директора. Он даже не обратил внимания, что в озвученном Гамовым регламенте изменился порядок выступлений, а его фамилия исключена из перечня докладчиков. Бероев опомнился только в тот момент, когда услышал:

— Прежде чем приступить к основным докладам, голосуем по списку генетического брака за предыдущий месяц. Кто за то, чтобы уничтожить неполноценные эмбрионы без исключений, прошу поднять руки.

— Стойте! — закричал Бероев, сбегая по проходу к трибуне. — У меня есть исключение, и я могу доказать необходимость сохранения одного генома!

По залу прокатился гул. Никто не помнил, чтобы по данному вопросу когда-то были возражения. Все воспринимали его как простую, определенную законом формальность.

Раздался спокойный голос Гамова:

— Аслан Давидович, вы нарушаете регламент работы совета.

— Ничего не пойму, — нахмурился Бероев, потрясая бумажкой с программой выступлений. — Мой доклад значитесь первым. Мы же лично говорили с вами об этом!

— Вы действительно объявили мне о своем желании выступить, и я попросил внести вас в предварительный перечень докладчиков, но от вас так и не поступило письменной заявки. Вы нарушили правило.

— К черту такие правила! — вспыхнул профессор. — Перед вами не мальчишка-аспирант, а доктор наук, портрет которого висит на стене в

⁷ Per aspera ad astra (лат.) — через тернии к звездам.

одном ряду с Вавиловым! И если я хочу сказать свое слово, я его скажу! А бумажку можно и после написать.

В зале опять зашумели. Наконец поднялся, привлекая взор аудитории, один седовласый ученый из старой гвардии:

— Коллеги, послушайте. А что, собственно, произошло? Конечно, еще древние говорили: *forma est maximus*⁸. Но с другой стороны, хочет выступить наш старый товарищ, труды которого имеют всемирное признание, желает поделиться с нами своими мыслями. Так пусть поделится.

Его слова встретили одобрение.

— Конечно, — подхватили несколько голосов. — Говорите, Аслан Давидович.

Бероев поправил микрофон и весь подобрался, как перед броском. В этот момент Гамов кивнул кому-то в ближних рядах.

— Я исследовал эмбрион S-245, — начал профессор, — и пришел к выводу, что передо мной гениальность. Конечно, я сначала счел эту гениальность ничтожеством, мельком взглянув на уже забракованный геном. И теперь знаю, почему так сделал. Мои глаза были закрыты мощными наростами многолетних стереотипов. Однако внутренний голос заставил меня усомниться. И вот когда я новым, по-детски чистым взором посмотрел на свои прежние научные выводы, когда подверг их беспощадной критике, я убедился, что многие из них неверны. Вообще, мне кажется, что нам, нашему сообществу, следует взять паузу в деле ограничения рождаемости. Мы просто не имеем морального права ставить заслоны для жизни, пока до конца не разберемся во всем.

Бероев остановился, физически почувствовав, как перед ним выросла стена. Он окинул взглядом застывшие в гробовом молчании плотные ряды стальных пиджаков, искаженные внезапной тревогой недоуменные лица и вдруг с необычайной ясностью понял, что совершил непростительную ошибку. Глупец! Ему нужно было спасти одного человека, и тогда у него, вероятно, имелись бы какие-то шансы, а он замахнулся на святое. На рычаг, владение которым, возможно, и составляет всю сущность нового, чуждого ему поколения сидящих напротив людей, рычаг, который дает им особый статус в обществе и благосклонность власти. Попытался забрать у них священный жезл, который позволяет им чувствовать себя вершителями судеб.

С первого ряда поднялся невысокий мрачный человек — комиссар по этике. Он обратился к Бероеву медленно, с расстановкой:

— Могу я, Аслан Давидович, задать вам два вопроса?

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Во-первых, вы встречались с хозяйкой указанного вами эмбриона и ее мужем?

Профессор мужественно принял удар, который не был для него совсем неожиданным.

— Я общался с ними, — хрипло ответил он, — для того, чтобы установить истину.

— Однако такое поведение является уже не формальным нарушением, а проявлением пренебрежения к этическим нормам всего нашего

⁸ *Forma est maximus* (лат.) — форма важна.

сообщества. Теперь следующий вопрос. Если, по вашим словам, данная встреча помогла установить истину, то чем помогло перечисление на ваш счет десяти тысяч от матери, жаждущей ребенка?

Комиссар повернулся, показывая публике листок со штампом:

— Вот у меня в руках квитанция о переводе, заверенная печатью банка. Потрудитесь объяснить этот факт, господин Бероев!

— Я не знаю. Видимо, здесь какая-то чудовищная провокация, — попытался крикнуть профессор, но его микрофон уже был отключен.

Это означало конец. Во взорвавшемся зале ученый с мировым именем заметил лишь несколько сочувственных лиц.

Только когда Гамов встал из-за стола и поднял руку, шум начал стихать.

Завладев вниманием аудитории, главный сказал:

— Аслан Давидович, со всей этой непонятной ситуацией мы обязательно разберемся, проведем объективное внутреннее расследование, а сейчас попрошу вас не мешать работе совета.

Затем, обращаясь к серебристо-серым людям, продолжил:

— Итак, кто за то, чтобы ликвидировать неполноценные эмбрионы без исключений, прошу голосовать.

Решение было принято единогласно.

Профессор метался по своей холостяцкой, беспорядочно обставленной квартире, не в силах успокоиться. В конце концов, публика, подвергшая его остракизму, — далеко не все общество. Найдется немало желающих услышать правду об ограничении рождаемости от самого Бероева. Он просто обязан разоблачить весь сотворенный обман, ведь именно его имя сделали знаменем чудовищной по своему цинизму мистификации... Они не посмеют тронуть всемирно известного ученого и не смогут заткнуть ему рот. Но об этом позже. Вначале надо выполнить свое обещание и спасти ребенка Авериных.

Зазвонил телефон. Аслан Давидович с тревогой посмотрел на незнакомый номер и ответил на вызов. Во время короткого разговора ноги у Бероева задрожали и он медленно сполз по стене. Учтивый, доброжелательный женский голос сообщил, что его с Авериными давно хотят видеть в Архаике, что дело не терпит отлагательств и сегодня ночью, ровно в четыре часа, им необходимо прибыть в назначенное место за городом. Причем в целях их безопасности абсолютно никто не должен знать о том, куда они направляются. С собой обязательно надо взять кольца, для того чтобы снять с них данные.

С трудом совладав с волнением, Аслан Давидович выразил согласие и даже попытался изобразить радость, когда задавал уточняющие вопросы. Профессор понял, что по нему с Авериными принято решение и найден оптимальный способ уничтожить их, не оставляя следов. И кажется, он догадался какой. Но почему так скоро? Насколько он был наивен! Борьба ему не придется. Все же именно сейчас у него нет права на ошибку. Зная, как работают спецслужбы, Бероев отдавал себе отчет, что всем не спастись.

Теперь дорога была каждая минута. Аслан Давидович принялся лихорадочно вспоминать людей, способных помочь ему в настоящий момент. И странное дело, из всего большого круга друзей и хороших знакомых он в критической ситуации смог выбрать только одного человека, на которого можно положиться. Правда, они не виделись уже несколько лет, но в данном случае оно и к лучшему. «Только бы найти его», — подумал профессор, снял кольцо, выложил из кармана телефон и вышел из дома.

Пройдя два квартала (пешком пока разрешали ходить без прикосновения желтым металлом к инфоприемнику), он свернул в ворота районной больницы, позвонил в санпропускник и спросил хирурга Гаджиева. Бероеву повезло: его старый друг был на работе.

Аслан Давидович ожидал друга в больничном саду, на скамье под липой. Его чувства необычайно обострились. Взгляд произвольно выхватывал глубокую борозду на темной коре высокого стройного дерева, упрямо ползущего по ней муравья, почти облетевшую от цвета ветку соседней яблони, усыпанную белыми лепестками дорожку, по которой впопыхам идти жениху с невестой. Он с наслаждением вдыхал горький запах молодых клейких листьев, радовался теплым весенним лучам, пронизывающим зеленые ветви. «Как много простых, но очень нужных человеку вещей мы незаметно исключили из своей жизни», — думал Бероев, смахивая повисшие на ресницах непривычные соленые капли.

Аслан Давидович не заметил, как к нему подошел сухой чернявый человек невысокого роста, с изрезанным морщинами лицом.

— Здравствуй, Аслан, дорогой. Что с тобой? — спросил старый друг и заключил его в крепкие объятия.

— Мне нужна твоя помощь, Георгий, прямо сейчас. Необходимо срочно отвезти в Сибирь дорогих мне людей, которым грозит опасность.

— У меня назначены операции...

— Пусть на сей раз прооперируют другие. Не откажи мне в моей последней просьбе.

— Все так серьезно?

— Более чем.

— Подожди меня минут двадцать. Выслушаю от начальства, да и от жены, что обо мне думают.

— Извини меня, друг.

— Не стоит, Аслан. Разве я могу бросить в беде человека, с которым мальчишкой бегал по родным горам?

Когда Бероев поднялся в квартиру Авериных, то обнаружил, что они уже подготовились к отъезду.

— Не удивляйтесь, Аслан Давидович, — ответила на немой вопрос Люба. — Мы ждали вас. Вчера приходил ваш племянник, Тимур. Я, признаюсь, была не в себе. Мне казалось, мои молитвы услышаны. Лишь сегодня я поняла, что не верю этому человеку. Простите меня.

— Значит, Тимурчик, — зло усмехнулся профессор. — Что ж, я действительно недооценил его. Он все-таки расширил свою специализацию.

Впрочем, теперь уже все равно. Мне известна дорога в Архаику, машина у подъезда.

— Но откуда вы знаете?.. — спросил Сергей.

— Торсионные поля. И больше никаких вопросов, нам надо спешить. В машине есть все необходимое: еда, лекарства, туристическое снаряжение, подробная карта местности. Мой друг Георгий довезет вас до Ахтарска, дальше пойдете по тропе через Чеменгинский перевал в Демьянову пустынь. Я уверен, там вас должны встретить. Отдайте мне свои телефоны и кольца.

— Но ведь на кольце можно отключить функцию геолокации, — слабо возразил Сергей.

Бероев посмотрел на него с укоризной:

— Вы сейчас рассуждаете как рядовой обыватель. Вспомните ваши недавние слова — мы все давно под колпаком. Так вот, у вас появился шанс выскочить из-под него. И я обещаю, что с сегодняшнего дня Авериных никто никогда искать не будет.

— А как же вы, Аслан Давидович? — с тревогой спросила Люба.

— Я пока не могу ехать. Увидимся... позже.

Они прощались на площади Ученых. Отсюда профессору было недалеко до дома. По огромной парковке без конца сновали автомобили, временами заглушая сигналами рвущийся из колонок техноданс. Мимо шли за очередной дозой счастья нескончаемые потоки возбужденных людей. Ослепляла бегущая по экранам плазменных панелей реклама.

Но им ничто не мешало. Они стояли возле машины, понимая друг друга без слов. Наконец профессор крепко обнял каждого и сказал:

— Я прожил большую жизнь, но как-то так случилось, что роднее вас четверых — да, четверых — у меня никого нет.

Некоторое время Бероев шел медленно. Он не мог забыть взгляд золотисто-карих, переполненных грустью глаз. Затем брови его сдвинулись, и он зашагал быстрее.

Через пять часов Аслан Давидович ехал по бесконечным улицам впавшего в предутреннее забытие мегаполиса. Уже подъезжая к развязке на западной окраине города, он вдруг резко затормозил и вырулил на обочину, чуть не врезавшись в рекламный щит. На старом, местами потрескавшемся баннере была изображена карта, которую Бероев увидел на стене лаборатории в тот памятный вечер, только без надписи «Архаика». «ООО «Прогресс» набирает специалистов для строительства автомобильных дорог в горно-таежных районах Сибири», — прочитал профессор.

Неужели эта агитка на необычном фоне когда-то отложилась в подсознании и его видение представляет собой не судьбоносное послание, а всего лишь сон — «небывалую комбинацию бывалых впечатлений»?!⁹ Бероев схватился за горло и, наверное, потерял бы сознание, но вдруг удивительный голос с врожденной ноткой нежности сказал ему: «Должен быть противовес. Если есть тьма, должен быть свет».

⁹ «Небывалой комбинацией бывалых впечатлений» назвал сон И. М. Сеченов.

— Ты права, милая моя девочка, — проговорил Аслан Давидович, глубоко вздохнул и нажал на педаль.

Найти нужный поворот с трассы не составило труда. Подъезжая к зарядной станции для электромобилей, возле которой ему назначили встречу, профессор с удовлетворением отметил, что она не работает. «Значит, никто больше не погибнет», — подумал он, еще раз посмотрел на лежащие в бардачке три кольца, подающие свой зловещий сигнал, и вышел из машины.

Раздался контрольный звонок.

— Аслан Давидович, мы уже подъезжаем. Вы ждете нас? — уточнила доброжелательная женщина.

— Да, мы на месте.

Взгляд профессора устремился в сверкающую далекими огнями бесконечность. Именно в этой всеобъемлющей глубине создавалась основа для зарождения жизни, и там же сейчас притаилась его смерть. Следивший за ним спутник, наверное, уже настроил свой лазер. Сколько ему осталось? Минута, две?

Ослепительная вспышка разнесла Бероева на атомы.

В хмурый утренний час у панорамных окон стоял плотный, стриженный ежиком человек со здоровым румянцем на щеках. Прошло полгода, как его назначили на место ставшего еще более знаменитым родственника. По официальной версии, Аслан Давидович Бероев трагически погиб в Африке при исследовании генома смертельно опасного вируса. На площади Ученых ему воздвигли замечательный памятник: застывшая в порыве вдохновения фигура, энергичное лицо, целеустремленный взгляд. Внизу золотыми буквами надпись: «Благодарное человечество своему спасителю. Дело твое будет жить в веках».

Преемника не мучили угрызения совести, ведь профессор, в конце концов, сам сделал свой выбор. Железный Тимур, как теперь называли его коллеги, давно понял веяния времени и принял их. Действительно, современному обществу не нужны отклонения от нормы. Гениальность, талант, нестандартная мысль для него опасны. Стабильность и процветание основаны на ровном, планомерном движении монолитных масс. Недаром при назначении перед ним поставили задачу — ужесточить критерии отбора, чтобы раз и навсегда отсечь саму возможность нарушения установленного порядка. Предстоит еще много работы, но начало уже положено.

Новый Бероев ни в чем не сомневался, он был доволен собой.

Где-то за плотным слоем серой пелены всходило солнце, подтверждая незыблемость неизвестных нам законов мироздания.

Андрей ПОДУШКИН

ОБРАТНЫЙ ИСХОД

* * *

Когда говорить начинает карп,
Вода ему в рот — кап-кап,
Вода в его жабрах — хлюп-хлюп,
Сплошной ротокап и, пардон, жаброхлюп.

Рот разевает карп: «Оф, оф!
Нет ли у тебя, приятель, деньгоф?
Выкупи меня у этих садистоф и дуракоф,
Выпусти в один из ближайших прудоф!»

В рыбном отделе нашего магазина
Продавщица меня давно засекала:
— Опять эта пьяная образина
Торчит у аквариумного стекла,
Опять разговаривает с карпом этот урод!

А карп все разевает и разевает рот...

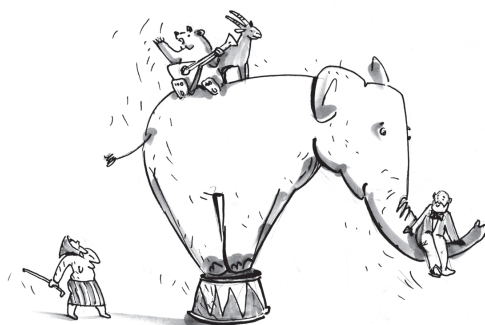

* * *

Пошла старушка из Мурома
 В уголок дедушки Дурова,
 От профсоюза старушек,
 Посмотреть на зверушек:
 На слона, на медведя бурого,
 На козла да на дедушку Дурова.

Козел ей стишок про любовь рассказал,
 Слон и медведь забавляли народными песнями,
 А дедушка Дуров вполне доказал,
 Что рано ему на пенсию.

* * *

Маша просит: «Папа, нарисуй сома!»
 Папа отвечает: «Нарисуй сама».
 Маша просит: «Мама, нарисуй слона!»
 Мама повторяет папины слова.

Ей хватает умения и ума,
 И Маша садится и рисует сама:
 Сначала сома, похожего на слона,
 А после — слона, похожего на сома...

* * *

Когда наступает осень
 И отопленье включают,
 Уходят из города лоси,
 Печально рогами качая.

Чай, соль, табачишко, спички
 Уносят в мешках заплечных,
 Отбросив дурные привычки
 И тяжесть долгов ипотечных.

* * *

Хорошо, когда в лесу никого нет,
Только ты да задумчивый жук-короед.
Короеду-трудяге хватает
Древесной кисло-сладкой, соленой и пресной,
Для здоровья чертовски полезной коры.
И никто никого не хватает,
Не жрет и не тащит за хвост из норы,
Не завоюет никто, не захрюкает, не зарычит
Из кустов на тебя,
Только сосны, секвойи
Да дикие яблони, груши скрипят...
И не лезет с вопросом к тебе короед:
— Чё пришёл?!
Да, когда в лесу никого нет — хорошо!

Обратный исход

Оставим Москву москвичам и нацменам,
Бомжующим гуру, известным артистам,
Туристам китайским и пьяным спортсменам,
Разогнанным к маме едреной министрам...

А сами вернемся кто в тундру, кто в степи,
Попробуем жить на коре и ботве,
Глистной рыбешке и пареной репе.
И на пол небрежно так стряхивать пепел,
Рассказ начиная: «Вот жил я в Москве...»

Литературная премия «Иду на грозу»

В январе премия «Иду на грозу» завершила свой второй сезон. Совместный проект администрации наукограда Кольцово и нашего журнала, несмотря на свою молодость, обрел имя и авторитет. Количество работ, присланных на конкурс, выросло в разы. «Литература о науке» сегодня оказалась востребованной как у читателей, так и у авторов.

Под этой рубрикой в течение года мы будем публиковать лучшие конкурсные работы.

Элино́р ПЭЙТ

ДОМ ДЛЯ НЕЯСЫТИ

Как дети под руководством ученых
спасли заповедных сов

Вместо пролога

XXI век дал мощный толчок развитию ряда научных направлений, которые вскоре изменят не только наш образ жизни, но и нас самих, преобразуя генетический код и наделяя суперспособностями. Многие из того, о чем в прошлом веке мечтали писатели-фантасты, постепенно становится явью. Однако именно биологии выпала роль исправлять ошибки человечества, изучая живых существ во взаимодействии со средой обитания, восстанавливая виды животных и растений, которые этот самый прогресс поставил на грань вымирания.

За столетие новейшей истории люди привыкли к разговорам о сокращении видового состава флоры и фауны. Обывателям свойственно считать, что наша жизнь не изменится оттого, что где-то в тропиках прекратит свое существование очередная редкая бабочка. Они забывают о простых истинах. Вымирание одного вида животных влечет за собой вымирание другого вида, что, в свою очередь, приводит к исчезновению еще нескольких видов. В какой-то момент нарушение трофических связей приобретет необратимый характер, влекущий за собой гибель большинства живых организмов, включая людей. Перейдя черту невозврата, биосфера утратит способность к восстановлению, и Земля превратится в еще одно мертвое тело среди холодных просторов Вселенной. Именно потому так важно поддерживать хрупкое равновесие, которое нарушает хозяйственная деятельность человека, его экспансия в природные экосистемы.

Восстановлением численности отдельных видов флоры и фауны занимаются научные сотрудники особо охраняемых природных территорий. В национальном парке «Шушенский бор» на протяжении пяти лет успешно выполнялось государственное задание по сохранению популяции длиннохвостой неясыти¹. Мне выпала честь принимать участие в реализации этого проекта.

---

¹ Длиннохвостая (или уральская) неясыть (лат. *Strix uralensis*) — птица, относящаяся к семейству настоящих сов, отряду совообразных.

Духи бора

Мое первое знакомство с совами случилось под Новый год, когда в возрасте трех лет я возвращалась с родителями домой в Шушенское с дачи — пешком через заснеженный лес дорогой протяженностью около четырех километров. Зимой в Сибири темнеет рано. В пятом часу пополудни незаметно подкрались сумерки, солнце спряталось за темной кромкой деревьев, ударил морозец, больно кусая щеки. Я устала топтать в валенках, проваливаясь в сугробы, и меня посадили на санки, завязав лицо шарфом до самого носа, чтобы не обморозить щеки. Хотя я была ребенком родителей-путешественников, с пеленок закаленным в походах и не хныкающим по пустыкам, мне страшно захотелось в тепло, домой, к наряженной елочке, от которой так пахло лесом и смолой. Вдруг прямо надо мной прочертила кривую крупная птица со светлым пером, почти сливающимся со снегом в сумерках. Это была моя первая встреча с длиннохвостой неясытью. Родители отнеслись к этой встрече буднично. Они часто видели неясытей на лыжных прогулках и по дороге к дачам. Мне же «белая сова» показалась настоящим чудом, о котором я вспоминала несколько дней. Так мир из детских книжек в голове у маленького человечка встретился с миром реальным, утратив сказочность, обрстая новыми деталями и эмоциями.

Совы приветствовали нас и летом. Когда мы с отцом ходили за брусникой в дальний бор через поле, погружаясь в приятную прохладу и полумрак, царящие в низинах даже знойным летним днем, среди чащи нам попадались неясыти, безмолвно замершие на ветке, будто на пьедестале. Если мы шли тихо, совы продолжали дремать, время от времени приоткрывая глаза, чтобы убедиться в собственной безопасности. Если отец громко говорил — в дороге он часто рассказывал мне разные истории, — неясыть величаво слетала с ветки, неслышно пролетев над нашими головами, взмывала куда-то вверх и терялась в мягком полумраке леса, пахнувшем горьковатой сосновой корой, смолой и боровыми травами. Я, улыбаясь, смотрела вслед птице, представляя ее добрым духом моего любимого бора, который показывается только тем, кому благоволит. Было в ней что-то особенное, внушающее уважение и трепет.

Для детской фантазии были свои основания. Присутствие этих птиц говорило о здоровье экосистемы. Находясь на вершине пищевой пирамиды, совы служат биоиндикаторами, сигнализирующими о том, что хрупкое равновесие не разрушено, в бору достаточно пищи и есть нетронутые человеком уголки, пригодные для гнездования и выведения потомства.

Прожив долгое время за границей, в 2015 году я вернулась в Шушенское, но не застала в бору друзей детства. Совы ни разу не встретились мне в течение года, хотя знакомый с детства сосновый лес стал частью национального парка «Шушенский бор», получив название Перовского участкового лесничества. В парк я пришла работать сотрудником управления науки, экологического просвещения и туризма. «Где же совы?» — удивлялась я, спрашивая лесничего Автушко. «Есть несколько в среднем бору, но ты туда не лезь, — спокойно и уверенно отвечал Сергей Николаевич. — Очень уж захлащенный участок».

Больше об этих птицах мог рассказать пожилой фотограф-натуралист А. М. Третьяков. Выйдя на пенсию, он переехал из Красноярска в Шушенское, чтобы бродить по лесам и снимать животный мир в его среде обитания. К моменту нашей встречи он занимался своими наблюдениями не меньше десяти лет. Хотя я отнеслась к его занятию с уважением и восхищением, это чувство не

было взаимным. Возможно, он видел во мне конкурента, несмотря на то, что я была сотрудником парка.

Изначально я не планировала становиться фотографом. Получилось само собой. Дни напролет я бродила по парку с фотоаппаратом. Время от времени получались интересные снимки. Встретив незнакомое растение, я старалась сделать фото получше, чтобы дома идентифицировать его, вооружившись определителем. Это же касалось и птиц. Если получалось заснять что-то редкое и необычное, такие кадры я выкладывала на страницу в «Фейсбуке», которую завела на имя нашей организации.

По данным Летописи природы² парка, до 2014 года длиннохвостая неясыть была обычным, фоновым видом Перовского лесничества. Но в следующем году количество мышевидных грызунов — основной кормовой базы сов — резко сократилось. Как правило, вместе с уменьшением численности грызунов происходит уменьшение популяции соответствующих хищников — бородатой и длиннохвостой неясыти, лисицы, ласки, горностая и пр. За обратным процессом следует естественное восстановление. Однако в случае с длиннохвостой неясытью какое-то из звеньев оказалось нарушено. Ее численность, достигнув критического минимума, не начала восстанавливаться, как в прежние годы.

Если какой-то вид птиц из обычного переходит в разряд редких, полевые биологи в первую очередь обращают внимание на кормовые ресурсы, а во вторую — на наличие условий, пригодных для гнездования. Численность сов, как и любых других животных, сокращается в результате разрушения среды их обитания — процесса, происходящего из-за влияния антропогенных факторов, пожаров, вырубок и других негативных воздействий на лесные экосистемы. Даже если сохраняется охотничий участок с достаточным количеством добычи, главной причиной сокращения численности сов может стать недостаток мест для гнездования.

Многие совы являются дуплогнездниками. Даже такая крупная птица, как длиннохвостая неясыть, предпочитает заселять дупла. Однако старые дуплистые деревья — это первый объект санитарных рубок. С тех пор как территория Перовского лесничества получила статус национального парка, здесь оборудовали значительное количество мест отдыха для посетителей, включающих в себя малые архитектурные формы, дровяники и парковки. Старые деревья, которые во время сильного ветра могли нанести вред отдыхающим и испортить беседки, вырубались и шли на дрова для проведения пикников на природе. Накануне моего приезда в одном из мест отдыха произошел неприятный случай: во время урагана на дорожную иномарку гостей парка свалилась старая сосна. На тот момент в машине никого не было, но придавленное авто восстановлению не подлежало. После того как пострадавшие высудили у администрации парка миллионную компенсацию, рубки ухода проводились с особенной тщательностью.

Для сов они оказались настоящим бедствием. Хотя рубки охватывали небольшой процент леса, для неясытей он был значительным. Ведь большую часть насаждений составлял молодой и средневозрастной лес. По оценке специалистов лесного отдела, пригодных для гнездования сов зрелых перестойных лесов в Перовском лесничестве было всего лишь около 13 %.

² Летопись природы представляет собой научный отчет, в котором собрана вся информация о состоянии экосистем и их компонентов на заповедной территории и в ее окрестностях за конкретный год. С 2018 года все ООПТ могут вести ее по желанию и по своему выбору включать в госзадание.

Значительная часть равнинного кластерного участка, занимавшая 40 % от общей площади, была восстановлена советскими лесоводами в середине прошлого века. Лес с трех сторон примыкал к крупному населенному пункту — Шушенскому, основанному енисейскими казаками в середине XVIII века. Жители села за полтора столетия хозяйственной деятельности основательно вырубали окружающий село реликтовый ленточный бор. Шушенцы расчищали места для пастбищ, использовали древесину для строительства и даже сплавляли ее по реке на продажу в безлесные регионы. Во время своей сибирской ссылки неизвестный В. И. Ульянов-Ленин жаловался в письмах матери, что от бывшего великолепия остались «три чахлые сосны», до которых еще надо было добираться по унылой заболоченной местности. Не ведая того, Ленин внес вклад в местную экологию. После его смерти в 1924 году крестьяне выступили с предложением увековечить память вождя созданием специальной заповедной территории. В 1927 году здесь был образован охотничий заказник, известный как «Заповедник имени В. И. Ленина», хозяйственная деятельность прекращена, началось медленное восстановление лесных и болотных экосистем.

Заслуженный лесовод РСФСР Дмитрий Арсентьевич Павлов, посвятивший жизнь Шушенскому бору, сделал многое для восстановления его исторического облика. Искусственно воссозданную часть видно нетренированным глазом: молодые деревья растут ровными рядами. Вручную был высажен и подлесок. Хорошо прижилась черемуха, карагана древовидная, ива-шелюга, во влажных низинах — малина и смородина.

С появлением подлеска бор заселился птицами и мелкими грызунами. Следом потянулись хищники. Леса наполнились жизнью. Теперь бор подступает к жилому массиву крупного поселка городского типа с трех сторон, но мало кто из жителей догадывается, что еще в начале прошлого века вокруг была безлесная болотистая местность.

Немалый вред во времена СССР причинили бору абсурдные идеологические установки. В те времена крупнотравный березняк, некогда покрывавший берега озера Перово, стал превращаться в смешанный лес. Семена сосны, перенесенные животными и ветром, проросли на богатой почве. Процесс замещения одной лесообразующей породы на другую — естественное для лесных экосистем явление. Однако если во времена сибирской ссылки В. И. Ленина вокруг Перово был березняк, то, согласно директиве сверху, никакой примеси сосны в нем быть не должно. Посему сосны самого разного возраста и «калибра» вырубались подчистую и вывозились грузовиками. Дабы сохранить исторический облик леса вопреки законам природы.

Век осин и берез короче века сосны. Старые и больные деревья умирали, и в итоге лес поредел бы до неузнаваемости без возможности естественного возобновления. Его спас Дмитрий Арсентьевич Павлов, мудро рассудив: «Природа все равно возьмет свое. Надо ей помогать, а не бороться с ней!» Массовые рубки сосны ему удалось остановить. Благо к 1970-м годам образованные люди снова оказались в почете.

Тогда же Павлов стал развивать движение школьных лесничеств. Юным патрульным сшили специальную форму, которую они надевали с гордостью. В историю «Шушенского бора» вошел мальчик двенадцати лет, который ежедневно патрулировал территорию на велосипеде и получал жалованье лесника. Для воспитанников школьного лесничества был основан дендрарий «Берендей», где дети учились ухаживать за саженцами, подбирать для них подходящие условия, пересаживать в открытый грунт, заниматься прополкой и заготовкой фонда

запаса. Там же под руководством взрослых они строили домики для птиц — всевозможные скворечники, синичники и дуплянки, которые затем развешивались на опушках бора. Многие из них до сих пор висят как «привет из восьмидесятых». «Шушенский бор» получил статус национального парка в 1995 году. Об этом мечтали и Дмитрий Арсентьевич Павлов, и сменивший его на посту другой замечательный лесовод, друг нашей семьи Ростислав Иванович Федоров, но удалось это только единственному и бессменному директору парка Василию Анатольевичу Толмачеву.

Думали ли предшественники, что статус ООПТ (особо охраняемой природной территории) федерального значения принесет не только блага? С одной стороны, бор страдал от несанкционированных вырубок местными жителями, которые, даже зная, какой высокой ценой он был восстановлен, все еще пытались использовать лес на дрова. С другой стороны, новый статус предполагал развитие туризма, строительство мест отдыха, обеспечение безопасности людей на территории. Тогда как старые деревья этому не способствуют.

Поэтому случилось так, что после 2014 года встречи с длиннохвостой неясностью стали очень редкими, поскольку, несмотря на то что кормовая база для нее имела, почти не осталось мест, пригодных для гнездования.

«Муравьи»

В первые годы работы в парке в мои обязанности входило курировать деятельность школьного лесничества «Муравей» под руководством замечательного педагога Татьяны Панкратьевой. Каждый год мы с Татьяной и руководством парка разрабатывали план календарных мероприятий для «муравьев» — веселых, любознательных девочек и мальчиков среднего школьного возраста. Вместе с инспекторами Перовского лесничества дети заготавливали веточный корм и развешивали зимой березовые веники вдоль косулих троп. Я устраивала для них экологические экскурсии, учила писать новости природы для газеты национального парка, помогала проводить мониторинг ценопопуляции краснокишечного венериного башмачка крапчатого и многое другое.

Как-то глубокой осенью, когда уже лег снег, мы с ребятами отправились в пеший поход к дендрарию «Берендей» для изучения древесно-кустарниковой флоры. Завершение похода отпраздновали пикником с костром в специально отведенном месте. После активных игр на морозе все проголодались. Допоздна «муравьи» жарили на живом огне и с аппетитом поедали хлеб и сало.

В обратный путь двинулись в сумерках. Возвращение домой по сугробам через ночной лес стало для детей настоящим приключением. Переживая за реакцию родителей и посоветовавшись с Таней, мы решили вести ребят по прямой, чтобы сократить расстояние. Все равно основная тропа была замечена. Идти было тяжело. Ноги «муравьев» увязали в снегу. В темноте любой шорох внушал подозрения. Мы вывели группу на минерализованную³ полосу, которая под снежным покровом казалась узкой просекой. Наконец-то воспитанники лесничества смогли увидеть над головой небо, огромную полную луну и россыпь звезд. И вдруг произошло очередное чудо: прямо над нашими головами залетали две

³ Минерализованная полоса — очищенные от горючих материалов до минерального слоя либо обработанные почвообрабатывающими орудиями или иным способом линейные участки территории, основное назначение которых задерживать распространение низового пожара.

неясыти, которых мы спугнули в разгар охоты. Неслышно взмахивая крыльями, они носились в разные стороны. «Муравьи» буквально пищали от восторга. Многие видели сов впервые в жизни. Всю дорогу до поселка только и разговоров было, что о совах. Поэтому новая тема в календарном плане будет посвящена изучению этих чудесных птиц и наблюдению за ними. Вдвойне замечательно было, что займется этим не сотрудники ООПТ, а дети под руководством взрослых.

Для людей, профессионально занимающихся природоохранной деятельностью, организация биотехнических мероприятий естественна. Когда инициаторами помощи животным совершенно искренне становятся дети, хочется верить, что нас ожидает лучшее будущее. Быть может, молодое поколение, несмотря на увлеченность гаджетами и играми, подменяющими реальность, окажется более ответственным по отношению к природе, чем мы. Пока такие случаи происходят нечасто, поэтому о каждом хочется рассказывать максимально подробно. Главные герои этого очерка — не научные сотрудники особо охраняемых территорий, а обычные дети, решившие делом помочь совам. Сколько было перечитано томов Летописи природы, научных статей и методических рекомендаций, сколько нового и интересного мы узнали от юных «муравьев»!

Может показаться, нет ничего проще, чем сколотить совятник и повесить его на дерево. Однако, чтобы сделать что-то не формальное, а реально полезное для природы, ребенку, который еще вчера не знал других забот, кроме игр со сверстниками, нужно превратиться в исследователя природы, изучить опыт предшественников, получить консультации специалистов, почувствовать себя в роли натуралиста, исследующего охотничьи участки неясыти. И, конечно, примерить на себя роль сотрудника ООПТ. Кто сказал, что заниматься наукой под силу только взрослым?

Дом для неясыти

Было решено, что воспитанники школьного лесничества вместе с сотрудниками парка будут заниматься нестбоксингом (англ. nest box — гнездовой ящик) — привлечением птиц на размножение в искусственные гнездовья-совятники. Проект планировался многолетний, направленный на решение сразу двух проблем: восстановление численности длиннохвостой неясыти и получение новых данных о ее гнездовой биологии. Поскольку сама неясыть гнезд не строит, предполагалось, что совятники станут постоянным жилищем этой птицы на

Взрослая неясыть. Фото автора

время гнездования. Таким образом, наблюдать за скрытными совами стало бы намного проще и безопаснее для самих пернатых.

Так получилось, что в 2017 году я ушла в декретный отпуск и вскоре стала мамой, поэтому совы отошли для меня на второй план. По-настоящему вернуться удалось в конце весны 2018 года, когда главная часть работы была уже сделана.

Помимо руководителя школьного лесничества Татьяны Панкратьевой, к проекту подключилась моя коллега, старший научный сотрудник Анна Барабанцова, а методологическую базу обеспечил орнитолог Саяно-Шушенского заповедника Сергей Юрьевич Петров. Разработать госзадание для парка помог мой друг, старший научный сотрудник Хинганского заповедника Алексей Антонов. Нам повезло, что незадолго до этого Алексей приезжал к нам в гости во время отпуска. Мы долго бродили по Перовскому лесничеству, слушая голоса птиц и сетуя на то, что сов осталось очень мало. Алексей помог чисто по-дружески, не требуя формальностей и оплаты труда, за что я благодарна ему до сих пор. Уже упоминавшийся мной натуралист Алексей Михайлович Третьяков, на тот момент наиболее близко знакомый с совами, остававшимися в бору, выбирал места для будущих совятников. Как правило, это были лесные опушки у полей и болот — совам для охоты необходимо открытое пространство. Важным условием для заселения совятника было отсутствие естественного ресурса для гнездования (старых дуплистых деревьев) и удаленность от часто используемых дорог.

Наиболее существенным для меня моментом было то, что совятники изготовили сами воспитанники школьного лесничества. Процессом руководили взрослые, но дерево сохранило тепло детских рук и сердец. Разве может такое начало не принести плоды?!

Когда первые неясыти заселились в свои дома и мы стали вести наблюдения, выкладывая снимки в «Фейсбук», помимо одобрения специалистов я получила много негативных комментариев от фотографов, которые сводились к банальному «Фу, некрасиво!». Далеким от жизни заповедника люди рассуждали о том, почему нельзя было сделать нестбоксы в виде арт-объектов, органично вписывающихся в среду. Пришлось напомнить, что проект был направлен на привлечение длиннохвостой неясыти, а не фотографов-натуралистов, и что никакого специального финансирования под это дело не выделялось. Тем более вольным фотографам не место рядом с совами в такой ответственный и волнующий период, как насиживание яиц и появление птенцов.

Поэтому мы не видели смысла в том, чтобы писать заявки на гранты, ждать результатов конкурсов и финансирования, заказывать у мастеров «красивую» работу и опять ожидать ее получения. За это время в Перовском лесничестве можно вырастить несколько поколений молодых птиц. Неясытям все равно, как выглядит их гнездо, если оно выполняет все необходимые функции. Этика казалась нам важнее эстетики, а целью и задачами школьного лесничества было воспитать небезразличных молодых людей, новую смену работников заповедника. То, что дети проявили инициативу, было для нас ценнее самых дорогих и художественно выполненных нестбоксов.

Первые восемь гнездовых ящичков были сделаны из сосновых досок толщиной два сантиметра по модели В. И. Воронежского, наиболее подходящей для молодого леса и свойственных Сибири весной ночных заморозков.

Когда совятники были готовы, нужно было их развесить. Для этого было необходимо залезть на дерево, на высоту четырех метров над землей, поскольку именно на такой высоте в дикой природе обустраивают свои гнездовья неясыти. Выбирались деревья с наибольшим количеством веток и сучков, по которым

можно было забраться наверх. Это было физически сложно, учитывая солидный вес самого совятника. Каждый год крепления совершенствовались с учетом полученного опыта, однако ни один совятник не упал, не был поврежден ураганом или самими птицами.

Зима 2017/18 года отличалась от предыдущих суровостью и мощным снеговым покровом. Той зимой удалось повесить лишь три гнездовых ящика. Остальные пять пришлось развешивать осенью. Однако, несмотря на то, что все начиналось не по плану, можно было говорить об успехе. Из трех развешенных в первый год нестбоксов в двух загнездились совы: длиннохвостая и бородатая неясыти.

«Бородатку» привлекать не планировалось. Для нее больше подошло бы строительство площадок-платформ, однако близкое знакомство не с одним, а сразу с двумя видами неясыти стало радостью для «муравьев». Сделанную ребятами квартиру заняла более крупная, редкая желтоглазая сова.

В 2019 году пять домиков из восьми оказались заняты совами. И снова в одном из совятников загнездилась бородатая неясыть. Первые птицы сделали кладки в последней декаде марта, последние — в первой декаде апреля. Чтобы убедиться, что кладка действительно есть, приходилось залезать на дерево и заглядывать в гнездовой ящик. Такие сложные наблюдения проводил «муравей» Алексей Панкратьев, старший сын руководителя школьного лесничества.

В 2016 году, когда я только познакомилась с Алешей, он был совсем ребенком — приятным, хорошо воспитанным мальчиком с внимательными серо-голубыми глазами. Уже тогда он отличался серьезностью и интеллигентностью. Когда остальные дети смеялись и весело играли в лесу после выполнения очередного задания, Алеша стоял в сторонке и наблюдал за птицами в бинокль. И все же я не заметила в нем главного — задатков будущего исследователя-орнитолога.

Два года спустя, увидев его вновь, я поняла, что перед нами уже не просто мальчик и сын подруги Тани, а серьезный молодой человек со сформировавшейся сферой научных интересов. Его занимали крупные воздушные хищники, а главными любимцами стали совы. С той поры я стала выделять его из группы «муравьев», многие из которых ходили в школьное лесничество за компанию с другими одноклассниками. Первое время им было любопытно. Но один гнездовой ящик напоминал другой, одна сидящая в нем сова выглядела так же, как другая, поэтому детская радость от того, что проект удался, потихоньку гасла.

Трудности передвижения к совятникам на большие расстояния через грязь тоже не способствовали детскому энтузиазму. Поздней весной я несколько раз возила детей на своей машине. Однако в распутицу, когда совы делают кладки,

Установка совятника. Фото Т. Панкратьевой

проехать к ним на «паркетнике» по раскисшей лесной дороге было сложно, если не невозможно. Только Алексей держался бодро, шел впереди, подбадривая других, и глаза у него горели. В тот момент мама испытывала гордость за сына. Даже я, чужой человек, почему-то им гордилась. Хотелось сказать коллегам: «Смотрите, какой парень вырос, видно, что будущий ученый!»

Чтобы вести наблюдения за нестбоксами, требуется много сил и мужества, не говоря о хорошей физической подготовке. Не всем по силам забираться на четыре-пять метров по вертикальному стволу, чтобы немного спуститься вниз, пытаясь разглядеть, что происходит в совятнике. В первые же дни совы дали жестокий отпор Алексею. В отличие от бородатой неясыти, которая, несмотря на более внушительный размер, отнеслась к интервентам относительно спокойно, длиннохвостые неясыти в период гнездования проявляли особую агрессию. Самка, подстегнутая материнским инстинктом, безжалостно отгоняла от гнезда черных коршунов, восточных черных ворон и даже белок. Нашему наблюдателю тоже пришлось туго. Птица поцарапала ему лицо и едва не сбросила с дерева. После этого случая никто не приближался к совам без велосипедного шлема. Перед когтями и клювом неясыти человек уязвим. Тогда как у Алексея не было возможности защитить голову — одной рукой он держался за дерево, чтоб не упасть, а второй фотографировал кладку.

Именно благодаря проявленному им мужеству мы знаем, что в каждом совятнике было по два-три округлых яйца белого цвета, размером чуть меньше куриного. Совы высиживали яйца до середины апреля. Первые слетки (молодые птицы, только начавшие вылетать из гнезда) стали появляться 31 мая. Обычно совы сидели тихо на ветках деревьев на высоте от четырех до десяти метров по одному или по два. В первые дни они находились рядом с гнездом, а родители охраняли птенцов: один чутко следил за ними, пока другой охотился. Если птенцам угрожала опасность, взрослые сначала глухо ухали, затем издавали резкие, громкие звуки «У-у-у!», щелкали клювом и бесстрашно нападали на источник опасности. Умудренный опытом Алексей больше не приближался к совам без велосипедного шлема, но длиннохвостая неясыть умудрилась схватить когтями за волосы стоящую рядом Татьяну, а с моей головы однажды сбросила кепку, когда я приблизилась, чтобы сфотографировать слетков.

Последние птенцы слетели с гнезд 5 июня. Две семьи неясытей вырастили по три здоровых птенца, еще три семьи вывели по два. В одном совятнике что-то пошло не так. Под деревом, на котором висел гнездовой ящик, было найдено пустое выеденное яйцо. Еще одно яйцо обнаружено в ящике в конце мая. Были замечены вороны, которые, возможно, и помешали птенцам вылупиться.

Время собирать погадки

Для того чтобы максимально полно изучить гнездовую биологию длиннохвостой неясыти, необходимо узнать, чем питаются совы в этот период. Во время гнездования на земле под совятниками скапливается значительное количество погадок. Это спрессованные непереваренные остатки пищи, которые отрыгивают многие хищные птицы, включая сов. У сов нет зубов, чтобы отделять мясо от костей, поэтому добычу им приходится заглатывать полностью, а уже потом избавляться от костей, перьев, шерсти, хитина и других побочных продуктов, которые желудок птицы не сможет переварить.

Было занимательно наблюдать за процессом отрыгивания погадок. Поначалу казалось, что утомленная птица зеваает, борясь со сном. Зевота становится все чаще и чаще, вот уже в объектив фотоаппарата можно было разглядеть

плотательные движения, которые совершала птица. В конце концов в клюве показывалась погадка, которая падала вниз под гнездовой ящик. Обычно она имела цилиндрическую форму и была очень плотной на ощупь. Казалось, вся она состоит из спрессованного пуха и шерсти.

Чтобы рассмотреть содержимое погадки, я вооружалась прутиком и увеличительным стеклом, но для научной работы такой подход не годился. В целях изучения рациона неясытей «муравьи» применили методику изучения погадок хищных птиц В. И. Воронцового и А. А. Сидорович. Алексей Панкратьев трудолюбиво собирал погадки на протяжении всего гнездового периода. Камеральная обработка собранного материала заняла длительное время. На этот период к нашей команде присоединился специалист по мелким млекопитающим, кандидат биологических наук Т. Д. Мухамедиев, больше двадцати лет проработавший в Саяно-Шушенском заповеднике, а теперь ставший педагогом Шушенского центра туризма, краеведения и экологии. Он помогал в определении вида съеденной добычи (мышевидных грызунов) по одному небольшому фрагменту. Самостоятельно с этой задачей не справился бы ни Алеша, ни любой из нас, включая и опытного орнитолога С. Ю. Петрова.

Анализ погадок показал, что основу питания неясытей в Перовском лесничестве составляют серые и пашенные полевки, также в погадках были обнаружены череп ласки, хвост белки, хитиновые покровы майских жуков, перья дрозда-белобровика и большого пестрого дятла.

Хотя кормовая база длиннохвостой неясыти изучена орнитологами достаточно подробно, для каждой местности характерна своя специфика. Для восстановления численности этих птиц в парке важно было понять, чем и как они питаются. После камеральной обработки данных мы сделали вывод, что кормовых ресурсов Перовского лесничества вполне достаточно, чтобы прокормить популяцию сов. Сами неясыти обладают пластичностью в рационе питания. В годы, когда происходит сокращение численности мышевидных грызунов, они переключаются на жуков, птиц, ящериц и лягушек. Сокращение воспроизводства сов было связано с дефицитом дуслистых деревьев, пригодных для гнездования. Установив совятники на подходящих участках, мы оказались на верном пути.

Итоги первой «пяtilетки»

Первые совятники в парке появились зимой 2017 года, последние — в 2021 году. За это время их количество увеличилось с трех до десяти. Проект был многолетним, и каждый год его исполнение совершенствовалось. Алексей больше не лазил на деревья, чтобы проверить кладки. В 2020 году были выделены средства на приобретение экшен-камеры, которая крепилась к удочке. Благодаря новому оборудованию наблюдения за совами стали удобнее и безопаснее для людей и не создавали беспокойства для птиц. О количестве яиц в кладке судили по полученным изображениям.

Крепления для нестбоксов были модернизированы. Они стали настолько надежными, что ящики висели круглогодично. Отпала необходимость преодолевать сложные маршруты по многоснежку с тяжелым грузом. Лишь в конце зимы совятники чистили, вытряхивая из них накопившийся мусор и насыпая на дно свежие опилки.

В 2018 году совы загнездились в двух из трех совятников. В 2019 году ими было занято уже пять из имеющихся восьми. В 2020 году — шесть из восьми, в 2021 году — семь из восьми.

В последние годы проекта Алексей умело разбирал состав погадок, а мы в шутку называли его занятие игрой в конструктор «Собери свою мышку!». На отдельных листах бумаги молодой исследователь сортировал кости и черепа, принадлежавшие различным видам млекопитающих и птиц.

В 2019 году проектная работа Алексея Панкратьева «Привлечение длиннохвостой неясыти в национальный парк “Шушенский бор”» заняла третье место во Всероссийском экологическом конкурсе «Друзья заповедных островов», организованном ЭкоЦентром «Заповедники».

В том же 2019 году стал заметен результат работы ребят. Молодые неясыти, к концу лета покинувшие гнездовые участки родителей и начавшие расселяться по бору, показывались сотрудникам парка и посетителям все чаще и чаще. Когда глубокой осенью 2019 года я защищала перед комиссией новый экскурсионный маршрут, одна из подопечных сов бесстрашно пролетела у меня над головой и села рядом на ветку, вызвав восторженную реакцию у присутствующих членов комиссии и коллег из других ООПТ. Пройдя несколько километров за Журавлиную горку, мы встретили другую неясыть на лесной опушке. Третья молодая сова постоянно жила на небольшом захламленном пятачке бора у озера Второй карьер, четвертая — за гаражом, у поля, в народе имеющего не красивое название «поскотина». В 2016 году численность сов оценивалась ориентировочно в 8—10 особей. В 2021 году, по результатам учета совообразных, в Перовском обитало 16—19 особей длиннохвостой неясыти. Они окончательно заняли свою экологическую нишу, став из редкого исчезающего вида вполне обычным. Можно утверждать, что биотехническое мероприятие, направленное на расширенное воспроизводство длиннохвостой неясыти, способствовало тому, что количество этих птиц в гнездовой период увеличилось почти вдвое. И этим чудом мы во многом обязаны детям. Ими руководили взрослые, но без пытливых молодых умов, вникающих в проблемы, сопереживающих объектам своего изучения и «берущих на карандаш» все необычные и любопытные наблюдения, таких ярких итогов не случилось бы. В «ковидный» 2020 год, когда школьное лесничество не собиралось по понятным причинам, Алексей Панкратьев продолжал проводить свои наблюдения вдвоем с мамой-руководителем, объезжая огромную территорию на велосипеде.

Через нестбоксы прошло пять поколений сов и одно поколение воспитанников школьного лесничества «Муравей». Юные натуралисты, с которыми я познакомилась в 2016 году, к 2021 году окончили школу. Многие из них стали студентами университетов. Хочется надеяться, что нашим «муравьям» пригодятся навыки исследователей природы, полученные в парке. Алексей Панкратьев поступил на биологический факультет СФУ (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск). Шушенские совы стали темой его научной работы.

В течение этих пяти лет каждый год мы рассказывали общественности, как идут дела у наших подопечных, снимали видео с птенцами. Их охотно показывали по телеканалам, потому что действительно хороших новостей было мало. Всего мной было подготовлено около пятидесяти публикаций в СМИ и видеоматериалов. Чтобы не быть голословной, я привожу несколько ссылок на эти публикации:

[https://www.youtube.com/watch?v=TFDGP64fU&t=159s;](https://www.youtube.com/watch?v=TFDGP64fU&t=159s)

[https://www.rgo.ru/ru/article/v-sovyatnikah-nacionalnogo-parka-shushenskiy-bor-prizhilis-dlinnohvostye-neyasyti.](https://www.rgo.ru/ru/article/v-sovyatnikah-nacionalnogo-parka-shushenskiy-bor-prizhilis-dlinnohvostye-neyasyti)

Послесловие

Этот очерк можно назвать реквиемом парку, потому что писался он в конце 2022 года. Осенью 2022 года ФГБУ «Национальный парк “Шушенский бор”» в связи с приказом Минприроды РФ прекратил свое существование, и боль от утраты еще велика. Рационального объяснения такому развитию событий я найти не могу. Согласно указу президента России, количество ООПТ на территории страны должно оставаться стабильным. Возможно, закрыв наше предприятие, на котором трудилось более ста сотрудников, Министерство планирует открытие новой ООПТ в каком-то другом уголке страны. Подобные попытки предпринимались с 2017 года, но каждый раз удавалось отстоять право нашей организации на существование. Утешает лишь то, что я была с парком в самые темные его дни, была до последнего и сделала, что могла.

Как сложилась судьба школьного лесничества? Его руководитель Татьяна Панкратьева минувшим летом ушла в очередной декретный отпуск, чтобы в третий раз стать мамой. Выйдя через пару лет из декрета, вероятно, она будет выстраивать отношения с администрацией Саяно-Шушенского заповедника, в ведение которого отдали территорию бывшего ФГБУ «Шушенский бор». Надеюсь, что на смену ушедшему поколению «муравьев» придут новые ребята с желанием изучать природу и помогать ей. Таня же останется в моей памяти подвижником-педагогом с большой буквы, человеком светлым, чутким и по-настоящему ответственным, что в наше время редко.

Если говорить о совах, то будто в протест они почти не загнездились в совытниках в 2022 году. Причины здесь вполне естественны. В минувшие годы территория Перовского лесничества пережила серьезное подтопление, вызванное изменениями гидрологического режима. Более 200 гектаров лесопокрытой территории оказалось под водой. Помимо гибели деревьев и редких видов растений, включая краснокнижные орхидеи, пробные площади с которыми находились как раз на этом участке, погибло большое количество мелких млекопитающих — их норы затопила вода. Длиннохвостые неясны чутко реагируют на изменения условий окружающей среды. В «голодные годы» они не размножаются, поскольку в этот период сложно прокормить молодняк. Однако к настоящему времени последствия подтопления ликвидированы, вода ушла, затронутые ею места густо заросли болотным чистецом и иван-чаем, а всю осень в ставшей сквозистой и какой-то воздушной березовой роще густым сиреневым ковром цвела солончаковая астра. Пусть не сразу, но лес восстановится, вернуться грызуны, а совы снова приступят к циклу размножения в повешенных заботливыми ребятами совытниках.

А бор? Как бы его ни называли люди, лишь бы только не жгли и не рубили. За последнее столетие он пережил шесть различных названий и статусов. Спад потока туристов, которого стоит сейчас ожидать, может, даже пойдет ему на благо. Он навсегда останется самым близким и понятным мне другом детства, живым и мохнатым. Как неизбежно заканчивается период мрачного предзимья и приходит весна, так и все плохое забудется. Пушистые комочки в гнездовых ящичках впервые распахнут свои круглые любопытные глазки, удивляясь своему приходу в огромный мир, полный загадок, цветов и звуков, чистейших голосов зяблика и варакушки, поющей во влажном густом подлеске. И пусть шушенский бор станет им добрым надежным домом...

Народные мемуары

Сергей ПРОХОРОВ

КИРЗАКИ, ТРУБА И ТАНЦЫ

Армейские рассказы

В мое время, а речь пойдет о второй половине 1980-х, от армии не «косили». Ну или это не было массовым явлением. Все шли, и я собирался. Без особого желания, но имелась социальная мотивация: отслужившие воспринимались полноценными мужчинами. Тогда это ценилось и предоставлялись льготы при зачислении в вуз, куда я не поступил сразу после школы. Трагедии в этом не было, поскольку из институтов тоже брали на срочную службу всех подряд без всяких отсрочек.

Зато было потаенное желание служить в Москве. Дело в том, что за всю доармейскую жизнь мне удалось попутешествовать лишь однажды. В шестом или седьмом классе на зимних каникулах с классным руководителем и одноклассниками мы ездили на четыре дня в Белоруссию. По моему замыслу, служба в столице могла восполнить дефицит миропознания в том возрасте.

Папа был знаком с военкомом, который пообещал включить несостоявшегося студента в соответствующую «команду». Дни до призыва я не стал считать, но в целом настроение улучшилось. В мае мне исполнилось восемнадцать, а в июне я уже стоял в торжественном построении на площади Побед в Новокузнецке с другими новобранцами перед отправкой на службу в Вооруженные силы СССР.

Первоначально нас доставили в Кемерово, где и происходило формирование «команд», за которыми приезжали «покупатели» — офицеры из воинских частей. Наш приехал дня через три-четыре. В отличие от других команд, которым, как правило, сразу сообщали, куда и в какие войска они едут, нам не сказали ничего. Я-то знал, что все идет по плану, однако своей осведомленностью делиться не стал.

И вот мы в вагоне. За окном замелькали незнакомые пейзажи, а сердце переполняли тревожные ожидания, смягчаемые лучезарной надеждой на встречу с Москвой. Что-то подобное, наверное, чувствовали прибывавшие в Рим гладиаторы, но об этом я узнаю много лет спустя после просмотра фильма с Расселом Кроу.

Где-то через двое с половиной суток пути нас предупредили о скором прибытии, что вызвало легкое недоумение. Никаких намеков на приближение к мегаполису за окнами не наблюдалось. Не было не то что городов, даже любых населенных пунктов или хотя бы полустанков. Я понял: путаем следы. Сейчас нас опять рассортируют, и тех, кому в Москву, включая меня, пересадят в другой поезд, который уже точно прибудет в первопрестольную.

Однако другой поезд не пришел. Мы высадились в безлюдном месте посреди покрывавшего высокие холмы бескрайнего леса. В непонятном направлении

от железнодорожных путей уходила выложенная из бетонных плит дорога. Нас рассадили в бортовые, крытые тентом ЗИЛы и повезли в неизвестность. Стало грустно. Оказалось, что мы приехали в Башкирию. Часть была секретная и находилась в глухомани у подножия мрачной огромной горы Ямантау, самой высокой точки Южного Урала. Совсем недавно в интернете нашел информацию, что это место называется Междугорье и входит в десятку наиболее таинственных территорий России. Но даже если бы я знал об этом тогда, вряд ли мое разочарование исчезло.

После месяца привыкания к кирзачам и казарме меня с небольшой группой товарищей отправили из полка в отдельную роту, расположенную километрах в двадцати. Все это время я пытался понять, где произошла ошибка, помешавшая доехать до Москвы. Наверняка военком что-то напутал, и ему надо об этом сообщить. Но как?! Пожаловаться командиру — на смех поднимут! Оставалось только ждать и надеяться...

Ротный участок был обнесен решетчатой оградой, не мешавшей наблюдать протекавшую за ней жизнь. Именно оттуда должен прийти сигнал, по которому я сразу пойму: наступил конец башкириаде, пора в Москву, меня там ждут. При каждом ротном построении это чувство обострялось. Я с собачьей тоской смотрел на ворота и представлял, как появляется заблудившийся «купец» и наконец увозит меня туда, где мне положено быть.

Прошли месяцы, а надежда так и не сбылась. И военком оказался не виноват. Он действительно записал меня в «элитную» часть, входившую в состав одного из управлений КГБ СССР, располагавшегося в Москве. Только того, что его подразделения находились в разных местах, он учесть не мог.

В армии

В новой роте я долго не задержался. Меня вернули в полк. Жизнь в полку отличалась от ротной как минимум численностью солдат и начальства. Тех и других было в десять раз больше. Соответственно, и догляд за личным составом был на порядок выше.

Но, как у каждого правила, тут имелись исключения. Так, я заметил, что одно подразделение значительно реже участвует в бесконечных построениях, занятиях по строевой подготовке и очистке территории от inferнального количества снега, обильно выпадающего в горной местности. То есть во всех мероприятиях, упоминание которых устойчиво связано с армейским маразмом. Для иллюстрации приведу пример. После первых снегопадов вдруг выяснилось, что убранный снег ни в коем случае не может лежать в виде привычных с детства бесформенных сугробов. Они должны быть армейскими, с квадратными краями ровно под девяносто градусов. Именно такая конфигурация визуально информировала о порядке и дисциплине в войсковой части и одновременно призывала к тому и другому.

Ребята из подразделения, о котором я начал говорить, с утра исчезали и появлялись в казарме или на плацу только перед походом в столовую. Весь день они репетировали в полковом клубе. Это был духовой оркестр или, по-армейски, музыкальный взвод. Надо ли говорить, с какой завистью я провожал взглядом их спины, когда занимался шагистикой, вытягивая в строевом приеме кирзачный носок.

Мне тоже хотелось стать одним из членов этого обособленного коллектива, подтверждением избранности которого, как на блатном номере дорогой машины, служила цифровая идентификация — 1-й взвод 1-й роты.

Беда в том, что играть я не умел. До армии из духовых инструментов дул только в свисток да пару раз держал в руках горн в школьной пионерской

комнате. Но, как и мадам Грицацуеву, в стремлении к мечте меня остановить уже было невозможно.

Некая основа для авантюрного плана все же имелась. Во втором классе школы одну четверть я занимался на аккордеоне. В девятом классе произошел ренессанс. Мы с друзьями пошли записываться на бокс, а по пути заглянули в Дом пионеров. Прослушивание спетой мной а капелла песни Михаила Боярского «Городские цветы» так вдохновило преподавателя, что она прозанималась со мной весь год. Я бы занимался дальше, только преподаватель ушла в декрет. Слава богу, названия нот и их расположение на нотном стане немного запомнил, о чем доложил начальнику оркестра прапорщику Белову в качестве аргумента своей профпригодности.

Как он на меня посмотрел! В этом взгляде я прочитал о себе много нового. Прохвост, пожалуй, самое безобидное. Но и у прапорщика с вариантами поиска музыкантов было не густо. Поскольку оркестр являлся штатным, по специальной разрядке их в полк не направляли. Приходилось выбирать из того, что было. Волей-неволей ему пришлось дать мне шанс.

Проверить меня решили на святом — гимне СССР, на разучивание которого отвели неделю. Это не случайно, решил я. Ошибки в исполнении можно расценить как покушение на измену Родине. Снисходительно-обреченно товарищ прапорщик вручил мне корнет, разновидность трубы, чуть меньше размером и с горизонтальным вместо вертикального расположением клапанов. В помощь ко мне приставили солдата, умевшего исполнять военную музыку. «Труба-дело», — подумал я после пары попыток извлечь из корнета хоть какие-то звуки. Но я отчаянно трубил, как марал в период гона. С клеймом неудачника возвращаться в общий строй не хотелось. Во что бы то ни стало гимн должен был зазвучать!

Если кто-то думает, что для игры на трубе необходимо колоритно надувать щеки, как Луи Армстронг, он заблуждается. Качество звукоизвлечения зависит от тренировки губ, а Луи раздувался для форса. Знакомство с инструментом складывалось непросто. От обильного дудения казалось, что ланиты увеличились в размере, а рот по форме превратился в рыбий. Я в ужасе трогал его руками и проверял в зеркале, стал ли похож на окуня, как современные красавицы. Опасения оказались напрасными, в оборотня я не превратился. Зато на второй-третий день музыкального усердия стали появляться результаты. Как речевые потуги у Шарикова, мои звуки начали связываться вместе и превращаться в гордый мотив известного на весь мир гимна. Окрыленный успехом, я с разбегу разучил еще простенький марш.

К сроку прослушивания появилась уверенность, что мое исполнение товарища прапорщика не разочарует. Я оказался прав. Музыкальный начальник не скрывал приятного удивления, что еще больше увеличило радость овладения первыми навыками игры на духовом инструменте. В тот же день он подготовил рапорт на командира полка о переводе меня в музыкальный взвод. Кроме того, я почувствовал, что заслужил доброе расположение будущего командира. Как писал Гете: «Когда нам старший доверяет, то юноша, гордясь доверием, мужает». Радовало и осознание того, что в крайнем случае игрой на духовом инструменте если не на танцах, то на похоронах смогу заработать на кусок хлеба.

Правда, присутствовала в этой истории и капля дегтя. По возвращении в полк я приглянулся старшине роты. Ему был нужен помощник — каптенармус, или каптерщик. Должность эта тоже была блатной. Каптерщик имел доступ к обмундированию и прочему ротному имуществу, что сулило всяческие преференции. До момента овладения корнетом я фактически исполнял эти обязанности. Побег в оркестр для старшины оказался неожиданностью, что, конечно, его уязвило. Но я не мог ему сказать об этом заранее по двум причинам.

Во-первых, он бы не дал это сделать. Во-вторых, в случае музыкального фиаско в каптерщиках я бы тоже не задержался. Вины тем не менее я не чувствовал, «служение муз» гораздо благородней учета портянок и пуговиц, и право на это было заработано в честном испытании.

По заслугам

За проявленную при прохождении службы доблесть в армии полагаются поощрения в виде благодарностей, грамот, увольнений и отпуска домой. Первую благодарность мне с товарищами обещал объявить командир роты — молоденький старлей, которому мы занесли в квартиру мебель. Помню, как удивился, что за такую ерунду нас будут поощрять. Наверное, командир решил так же, поощрять передумал или забыл, от чего я испытал разочарование. Раз пообещал, надо было объявлять. В целях достижения должного воспитательного эффекта делается это на общем построении с выходом отличившегося из строя и произнесением ответного согласия «служу Советскому Союзу».

Расскажу о своих трех наиболее запомнившихся армейских заслугах:

1. Я был опрятный солдат. Внешность славянская, форма чистая, сапоги и пряжка начищенные. На строевых смотрах старшина всегда ставил меня в первый ряд, приговаривая «аккуратненький». Премудрости строевого шага освоил легко, год балета во втором классе не прошел даром. Носок и носик тянул, локоть поднимал правильно и голову поворачивал как надо.

Поэтому и в оркестре, пока не научился как следует играть, был назначен бунчукистом. Бунчук — это заостренное древко с поперечиной в виде рогов быка, украшенных на концах конскими хвостами. Его, как хоругвь, бунчукист несет впереди музыкантов. А поскольку на любом параде первым строевым подразделением выступает оркестр, то с бунчукиста он фактически и начинается. Шагать бунчукист должен красиво, как породистая лошадь, и вдохновлять на торжественный марш все войско. У меня это получалось.

Перед очередным праздником в полку пронесся слух о прибытии из Москвы проверочной комиссии. В башкирских урочищах это событие имело статус чрезвычайного, и подготовка развернулась нешуточная. Одним из мероприятий было назначено проведение полкового конкурса на лучшего строевика. Каждая из одиннадцати рот выдвинула по несколько кандидатов, и мы начали соревноваться. Со стороны это выглядит эффектно. Недаром официальные визиты первых лиц сопровождаются построениями элитных подразделений, а разводы караулов во всем мире собирают толпы туристов.

Мы шагали, разворачивались, отдавали честь, демонстрировали подход к начальнику с последующим отходом. Самая ответственная часть испытания состояла в исполнении строевых приемов с оружием. Дело было зимой, и шинель с шапкой затрудняли движения. Ремень от автомата так и норовил за них зацепиться. Постепенно конкурсантов становилось все меньше и меньше. До финала дошли двое — я и второй представитель нашей роты, тоже из оркестра, мой друг Игорь. Он был хорош собой: строен, со смуглым лицом и хищным решительным взглядом, нацеленным на победу. Но при выполнении последней команды, снимая автомат, задел шапку, и она предательски упала. У меня же все осталось на месте, и я победил.

За это мне вручили грамоту. По итогам проверки ценность ее возросла, поскольку полк признали лучшим в Девятом управлении КГБ СССР, а значит, я мог считать себя лучшим строевиком во всем управлении.

2. Другое достижение не имело прямой связи с военной подготовкой. В Башкирии традиционно развито сельское хозяйство, и в одном из колхозов

нашему полку выделяли участок на картофельном поле. В начале сентября картофель необходимо было убирать.

Любая работа за пределами части обычно воспринималась как благо. Смена обстановки и отсутствие надзора напоминали о «гражданке». Но только не копка картошки. В первую очередь из-за особых бытовых условий. Рассказы о битвах за урожай передавались в полку от призыва к призыву, как у спартанцев история битвы при Фермопилах. Она тоже случилась в сентябре, только в 480 году до нашей эры.

Для проживания сельхозвойска численностью примерно тридцать человек в деревне отводили расположенный на холме большой дом. Колонка с водой находилась внизу. Ходить за ней приходилось по крутому и длинному спуску без ступенек и поручней. В дождь склон раскисал, и доставка воды из силовой тренировки превращалась в грязевой экстрим. Все «потому, что без воды и ни туды и ни сюды», как пел веселый водовоз в кинофильме «Волга-Волга».

За день ее необходимо было принести около ста ведер. Кроме того, оставшийся в доме в рабочее время наряд из трех человек должен был его мыть, обеспечивать повара заготовкой овощей, топить печи, мыть посуду и выполнять много другой работы. Это было тяжелее, чем смена в поле, после которой можно было хоть как-то расслабиться. Поэтому состав наряда определялся просто: им становилась бригада, накопившая за день меньше других картошки.

В каждой бригаде был старший — копщик на вилах и двое с ведрами. В полковом продотряде мы опять оказались вместе с Игорем. Третьим к нам попросился азербайджанец Салим, тоже из нашей роты. И вот одним солнечным сентябрьским утром мы прибыли на огромное колхозное поле. К копке картошки я был приучен с детства, но в этот раз масштабы работы пугали невыполнимостью. Агроном провел инструктаж, каждой бригаде отмерили равные деланки, и мы приступили к труду.

Сопровождал нас капитан Рязанов, хороший, веселый офицер, заведующий полковым клубом, для которого колхозная картофельная одиссея была своеобразным развлечением. Чтобы задать работе темп, он начал считать: раз-два, раз-два. Стало весело и жарко. Но лучшим мотиватором служило общее нежелание залезть в наряд по дому. Мы буквально убежали от него. Я — вприпрыжку на вилах, а ребята — с полными ведрами корнеплодов. К вечеру у каждой бригады выростала куча картофеля, по которой подводили итоги дня. Всю уборку наша бригада была лидером, лишь пару раз уступив клубень первенства в нелегкой борьбе. За что командир полка объявил мне благодарность и вручил еще одну грамоту.

Запомнилось и еще кое-что. Раз в неделю солдат должен ходить в баню и в кино. Это закон. В отличие от полковой бани, деревенские бани топились по-черному. Это когда дым поступает внутрь и на стенах оседает сажа. После каждого мытья ее необходимо чистить, но мы об этом не знали. Нам досталась заброшенная, поросшая мхом, покосившаяся баня. Ее давным-давно никто не чистил. Сажа сыпалась с потолка, поэтому сколько мы ни мылись, становились только чумазее, как напарник Шурика в «Операции Ы». Зато погрелись и приобрели жизненный опыт.

В банный день солдату положен выходной. То воскресенье выдалось погожим, и мы с Игорем решили сходить в деревенскую столовую — сильно хотелось домашней еды. В обеденном зале не было никого, кроме двух дородных краснощеких поварих с сильным телом и большой грудью. Мы заставили стол тарелками и начали есть, ловя на себе лукаво-дружелюбные взгляды сотрудниц общепита. Вдруг одна из них вышла из-за прилавка и поднесла две железные кружки, полные до краев. Сказала, что компот. В действительности это был ядерный деревенский самогон. Пить в армии нельзя, сухой закон, а у нас в полку особенно, сразу

отправят на «губу» (гауптвахту). Страшное дело. Но обстановка способствовала, и мы не удержались. Слава богу, обошлось. Это был единственный случай за службу. Хотя нет, еще раз мы пили пиво, но это была совсем другая история.

Завершение уборочной кампании оказалось эпическим, как финальная сцена в фильме «Коммунист». Я смотрел его мальчиком и плакал, когда в конце убивали главного героя. Весь измазанный, по колено в грязи, он, презирав смерть, боролся с врагами, желавшими отобрать собранное для городских рабочих продовольствие.

У наших колхозников никто ничего не отбирал. Смычка города с деревней давно завершилась. Просто, помимо полкового поля, остались еще неубранные гектары. Вот и решили заткнуть уборочные прорехи дармовой рабсилой. Беда в том, что стало холодать и пошли затяжные дожди. Трехосные военные ЗИЛы и «Уралы» еле-еле пробирались по полям. Местами их приходилось выталкивать, добавляя к лошадиным по десять — двадцать человеческих сил. От налипшей земли сапоги по форме и весу превращались в пудовые гири, и их было бесполезно очищать. Бушлаты впитывали по ведру воды и, казалось, уже никогда не станут сухими. С утра до ночи в темноте под светом фар и бесконечным дождем мы выковыривали еле различимые картофелины.

После натужной сельскохозяйственной вахты возвращение в казармы воспринималось как счастливое избавление от выпавших испытаний, в которое вплеталась радость кормильца, обеспечившего пропитанием домочадцев. С тех пор крестьяне и сельский труд вызывают у меня особое уважение.

3. Компенсацией за тяготы и лишения воинской службы служили занятия в оркестре. Они не исчерпывались игрой на инструментах. Музвзвод являлся очагом культурной жизни полка и «почтового ящика» в целом. Так до сих пор называют закрытые для общего доступа поселения. Помимо оркестровых репетиций, несколько музыкантов, включая меня, посещали гражданский клуб, где с местными девушками под руководством хореографа разучивали танцы, входившие в программы праздничных полковых и поселковых концертов.

Приятным дополнением к и без того приятному времяпрепровождению была возможность оставаться после репетиции в клубе и со сцены, с обратной стороны экрана, смотреть новые фильмы, которые в полку не показывали. Так я увидел ставшие культовыми «Ассу» и «Маленькую Веру». Впечатление было ошеломляющее. Тогда даже не верилось, что у нас могли снять такие фильмы. Рассказы о них вызывали зависть однополчан, и это радовало.

Через несколько месяцев занятий пришла новость о проведении в ближайшем к нам городе Белоречке одного из этапов II Всероссийского смотра народных талантов. Наш оркестр и совместная танцевальная группа были призваны к участию в смотрах. Оркестр разучивал «Торжественную зарю», танцоры — народные танцы.

«Заря» исполняется в начале праздничных войсковых построений, вроде благовеста, извещающего о начале богослужения. Звучит красиво и вдохновляюще. Танцевальный номер состоял из русского народного танца и лезгинки. Мне предстояло изображать джигита.

В назначенный день с реквизитом и инструментами мы отправились в Белоречк. От осознания значительности предстоящего мероприятия сердце замирало. Участников было много, поэтому для подготовки в местном Дворце культуры нам выделили только угол в одном из залов. «Зарю» мы исполнили безупречно, она действительно прозвучала торжественно. А вот лезгинка мне не понравилась, неуверенно получилось. Что-то, видимо, помешало. Или я был излишне самокритичен. К счастью, это не повлияло на положительную оценку жюри и присвоение нам почетного звания дипломантов смотра. Вот только в отпуск домой я так и не съездил.

Валерий ИВАНЧЕНКО

ФОРМУЛЫ НЕВОЗМОЖНОГО

Люди и схемы русской фантастики

1.

Когда на рубеже XX–XXI веков российская литературная фантастика окончательно оформилась как отрасль массового развлечения, она спешно обзавелась собственной инфраструктурой, обслуживающей интересы одновременно издателей, писателей и читателей. Чтобы было «как в цивилизованном мире». Появилась система конвентов и премий, которыми заправляли активисты КЛФ 1980-х годов. Самодельные фензины превратились в гляцевые журналы. Бывшие фэны, имеющие склонность к теории, стали произносить речи, писать статьи и назвались фантастоведами. Первой задачей этих теоретиков было смывание с фантастики жанрового клейма и вывод ее из «литературного гетто». Посмотрите в словарь, говорили они. Жанрами в литературоведении называются роман, поэма, баллада и т. д. А фантастика — это направление и прием. Ее сочиняли Гомер и Овидий, Рабле и Свифт, Толстой и Платонов, от которых современные Головачев и Лукьяненко ничем, в принципе, не отличаются.

Разумеется, апелляция к советским словарям и вузовскому литературоведению не более чем демагогия. Если мы всё делаем «как в цивилизованном мире», то надо смотреть в Википедию, а там написано, что жанровая литература есть «термин, употребляемый в отношении произведений художественной литературы, в которых главенствующую позицию занимает сюжет».

Дело вот в чем. Литература (и по назначению ее, и по вложенным затратам) бывает как высокая, так и низкая. Высокая, относящаяся к области искусства, рассматривает тонкости отношений и переживаний, выходя через них на некие общечеловеческие духовные истины. Низкая, принадлежащая больше ремеслу и сфере увеселений, оперирует преимущественно сюжетными обстоятельствами и действиями типизированных персонажей, стараясь сделать их максимально интересными самым широким кругам. В принципе, любая литература действует на интеллект и эмоции читателя, разница лишь в уровне такого воздействия. У низкой (или жанровой) инструменты гораздо грубее, поэтому она чаще прибегает к кувалде, стремясь поразить читательское воображение.

Характерно, что и платили жанровым авторам всегда и везде сильно меньше, чем любимым представителям «серьезной» литературы. Даже классикам золотого

века американской фантастики приходилось выдавать по три-четыре романа в год, чтобы свести концы с концами. Не от хорошей жизни библиография только крупной формы Филипа Дика включает полсотни названий.

Даже в советское время жанровыми авторами занимались специальные отделы издательств, а союзы писателей выделяли их в отдельную секцию «приключений и научной фантастики», чему детективщики, детские приключенцы, фантасты и сказочники не противились — в своем кругу им было привычнее и уютней.

Разумеется, есть пограничная зона, в которой авторы, принадлежащие высокой культуре, используют для достижения своих целей жанровые инструменты, а писатели, работающие на потребу публике, поднимаются в силу своего опыта и таланта до истинного искусства. С одной стороны, Гоголь и Салтыков-Щедрин писали сатирические гротески, а Булгаков прославился фантастической мелодрамой. С другой — автор коммерческих детективов Чандлер и сочинитель шпионских романов ле Карре тоже занимают законное место в ряду «настоящих» писателей. Впрочем, и градации существуют везде и всегда. Как отдельные шедевры выделяются из общего потока мейнстрима, так и крепкий жанр объективно выше проходной валовой макулатуры.

Надо еще отметить, что популярные жанры часто берут на себя функцию просвещения масс, а заодно идеологического воздействия на массы. Они не только знакомят читателей с моральными и юридическими реалиями и нормами, но иногда и продвигают *концепции*. Вспомним феминистский роман Маргарет Митчелл или либертарианский — Айн Рэнд. В деле влияния на умы наиболее эффективными орудиями располагает именно фантастика. Самые известные фантасты всегда сознавали свою просветительскую миссию и руководствовались возможностью влиять на общество. Классик американской фантастики Роберт Хайнлайн создал цикл увлекательных повестей для подростков, в которых учил их уму-разуму. А ближе к старости стал проповедовать идеи сексуального раскрепощения.

Разница между литературными стратами также в том, что жанровой литературе куда больше, чем мейнстримной, присуще поточное производство. Конечно, и какой-нибудь признанный серьезным писателем реалист часто десятилетиями выдает серую, однообразную продукцию, примеров хватает. Притом что он может позволить себе такую унылость текста, за которую жанрового автора признают профнепригодным. Но в целом считается, что «большая» литература занята созданием штучных произведений, а жанровая делается по формуле. Есть даже термин «формульная литература», его ввел американский филолог Джон Кавелти в книге «Приключение, тайна, любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура», вышедшей в 1970-х годах. Он определил литературную формулу как «структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений». Формульным можно считать любой жанр популярной литературы: любовный роман, вестерн, триллер. Даже если жанровый автор из кожи вон выворачивается, чтобы не повторить ходы предшественников, его усилия обычно приводят лишь к перестановке слагаемых элементов.

Для нашей темы важно то обстоятельство, что фантастический жанр, в котором фантазия играет ведущую роль, не только располагает немалым количеством формул и формульных комбинаций, разбивающих его на множество поджанров, но и должен вроде бы толкать автора к поиску нового. Ведь фантастика не только способ развлечения читателя, но и литература идей, область

мысленных экспериментов, в которой возможны неожиданные результаты. Это — в идеале, на практике же дело обстоит иначе.

Петербургский писатель Александр Етоев рассказывал, как однажды побывал на конвенте фантастов и как там у него состоялся такой диалог с одним из участников:

«— Пишете?»

— Так, — отвечаю, — мало, но редко.

— А что пишете?»

— Ну не знаю, — мнусь я. — Трудно так вот сразу сказать.

— Триллеры? Технотриллеры? Мистика? Боевики? Фэнтези?»

Это он пытается подсказать.

— Не знаю, про людей в основном.

— Ну понятно, что про людей, — говорит фантаст, улыбаясь. — А все-таки, что за тема? Космос? Инопланетяне? Фантастические изобретения?»¹

В 1947 году Робертом Хайнлайном был введен термин «спекулятивная беллетристика» — как обобщающее название для группы жанров, действие произведений которых происходит в нереалистичных, вымышленных мирах. Для простого читателя невелика разница между историческим романом из далеких времен и рассказами о вымышленных королевствах Конана-варвара, однако термин определенно ограничивает условный реализм от фантастики. Спекулятивной фантастикой можно называть произведения с заведомо выдуманным антуражем или, как говорят в сценаристике, сеттингом (например, «Звездные войны» и «Властелин колец»). При этом сам сюжет может быть выстроен по формуле любого жанра или являться сочетанием нескольких, в том числе, например, эпического и авантюрного романа.

В 1967 году в московском издательстве «Искусство» вышла публицистическая книга известного советского фантаста Георгия Гуревича «Карта Страны фантазий». В значительной части она была посвящена буржуазной массовой культуре и к тому же среди иллюстраций содержала немало кадров из зарубежных фантастических фильмов. Именно эта книга (как и более поздняя, выдержавшая множество изданий монография Александра Кукаркина «По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология») открыла для многих советских людей существование в кино жанра ужасов и космической оперы. (Примечательно, что именно в тот 1967 год в СССР вышли фильмы «Вий» и «Туманность Андромеды», ненамеренно относящиеся именно к этим жанрам.)

Однако книга Гуревича известна не столько экскурсом в капиталистический масскульт, сколько предпринятой автором схематичной классификацией. На форзаце книги была размещена визуализация этой схемы, сделанная в виде карты острова, разделенного на несколько областей. Гуревич выделял фантастику: приключенческую, познавательную, производственную, лабораторную, психологическую, фантастику мечты о цели, новых идей, техники будущего, сатирическую, утопическую и антиутопическую. В сводной таблице он показывал, как разные виды жанра различаются по критериям, решаемым задачам, допускам, персонажам и типам сюжетов. В его схеме почему-то отсутствовали исторические, военные, политические темы, не было мистики и гротеска, однако с известными дополнениями и натяжками такое утилитарное деление по назначению, сюжету и фабуле можно распространить на всю литературу в

¹ Предисловие А. Етоева ко второму изданию книги Г. М. Прашкевича «Красный сфинкс» (Новосибирск: Изд-во «Свиныйн и сыновья», 2009).

целом, причем не только художественную. Если закрыть глаза на центральное разделение искусства и ремесла по целеполаганию, то не будет принципиальной разницы между «Осколком Солнца» Владимира Немцова, «Иду на грозу» Даниила Гранина и «Открытием себя» Владимира Савченко — несмотря на гомеопатическую толику фантастического допущения у Гранина и лошадиную дозу оно у Савченко, все это романы о молодых ученых и научном поиске. Или взять повести «За миллиард лет до конца света» Стругацких и «Другая жизнь» Трифонова — обе рассказывают о городских интеллигентах в кризисе. Или сравнить «Территорию» Олега Куваева со «Страной багровых туч» и «Стажерами» тех же Стругацких...

В наше время спекулятивным жанром часто называют всю фантастику в целом, понимая под спекулятивностью использование неких умозрительных допущений. Чаще всего допущением является перенесение действия в будущее, альтернативное прошлое, на другие планеты, в фэнтезийную реальность. При этом на фоне мирообразующего спекулятивного допущения разворачиваются самые разные литературные формулы и сюжетные схемы. Понятие литературной спекуляции относится к сеттингу, к теме и фабуле произведения (для вовсе уж бессовестного использования какой-либо интересной для читателя темы есть даже специальный термин «эксплуатейшн»). Формульность же относится к основным сюжетным ходам и набору персонажей.

На наш взгляд, чистой формульной фантастикой можно называть сюжеты, где некое фантастическое допущение вторгается в привычный (не обязательно реальный) мир. Такими могут быть сюжеты обретения персонажами некоего могущества либо столкновения с могуществом чужим и враждебным. В рамках научной фантастики, возникшей в XIX веке, обретение могущества было связано с изобретениями и открытиями — вспомним таких персонажей, как капитан Немо и Робур-Завоеватель, человек-невидимка, инженер Лось и инженер Гарин. Вариант фантастической формулы: столкновение миров и времен. Он виден, скажем, в «Войне миров», «Первых людях на Луне», «Машине времени» Уэллса. Сюда же относится традиция сюжетов о «попаданцах», заложенная «Янки при дворе короля Артура» Твена, «Джоном Картером» Берроуза, «Межзвездным скитальцем» Лондона. Тот же набор работает в сказке, романе ужасов, мистическом триллере — обретение сверхъестественных способностей, столкновение с непостижимыми враждебными силами, перемещение в заколдованный, магический мир.

Можно также классифицировать произведения художественной литературы по потребительской функции. Любое произведение развлекательного жанра удовлетворяет потребности читателя в компенсации недостающих ему впечатлений и эмоций, но далее происходит разделение на чистый эскапизм, то есть бегство от реальности, и на посыл к изменению этой реальности. Литературный романтизм, превратившийся позже в жанр фэнтези, представляет собой эскапизм. А вот детектив, бандитский роман, жанр катастрофы можно назвать литературным прагматизмом. Он тем более ценен для читателя, чем больше несет правдивой информации и мотивирует к конкретным действиям в случае той или иной нестандартной жизненной ситуации.

Дальше мы конспективно рассмотрим историю российской фантастики с привлечением обозначенных выше критериев. Изучение сюжетных формул — повод для монографий. Мы поверхностно пройдемся по темам фантастических спекуляций и попробуем выявить исторические тенденции.

2.

Была такая известная фигура — Юрий Медведев, литературный деятель 1937 года рождения. С 1964-го он заведовал отделом фантастики журнала «Техника — молодежи», а в 1974-м перешел в соответствующий отдел издательства «Молодая гвардия», где прославился борьбой с космополитами в лице братьев Стругацких и их сторонников. Кульминацией борьбы стало скандальное Всесоюзное совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе в январе 1976 года. Но речь сейчас не о тех событиях, а о том, что много позже Юрий Медведев занимался составлением «Библиотеки русской фантастики» в 20 томах, выходящих с 1991 по 2001 год. В рассказе об истории жанра в России без оглавления этого многотомника обойтись трудно.

К ретроспективе русской фантастики составитель подошел с тщательностью невероятной. Первый том, например, открывают фрагменты из «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». Это верный подход, ведь именно в этих произведениях (по мнению многих историков) впервые возникает столь популярное в наше время литературное направление отечественной альтернативной истории. Былины, сказания, жития и богатырские повести, занимающие в собрании следующие три тома, обращались к простому читающему народу и выполняли серьезную компенсаторную функцию: унижали врагов и превозносили наших воинов, полководцев, святых. Именно этой древней литературе (и предшествующей устной традиции) наследовали позже произведения Сергея Буданцева, Бруно Ясенского, Николая Шпанова, в которых сначала пролетарский интернационал, а потом и Красная армия громили буржуазию и капитализм. Уже в нашем веке эту традицию продолжили романы о людях нашего времени, попавших в прошлое и взявшихся изменять историю в лучшую, по их разумению, сторону.

Тома с четвертого по шестой составленной Медведевым библиотеки заняли былички о нечистой силе и страшные рассказы — от Ореста Сомова до Алексея Константиновича Толстого и Федора Достоевского. К сожалению, традиция русского хоррора была прервана (или просто не прижилась). Ужасы присутствовали в русской литературе пунктирно, пока не выродились в ужасающий треш 1990-х годов. И до сих пор русский хоррор считается мусорным жанром.

Наша литература богата утопиями, есть даже такой раздел фольклора, как «народная социально-утопическая легенда». Характерно, что утопические легенды о далекой счастливой стране часто принимались всерьез, отчего крепостные семьями бежали из Европейской России в Южную Сибирь в поисках Беловодья, точно так же как веком позже прочитавшие Рериха интеллигенты отправлялись искать Шамбалу на Алтай.

Утопия — это история о несуществующем месте или времени. С первых отечественных образцов этого жанра утопии можно разделить на социальные и технические. Социальные утопии о справедливом устройстве будущего сочинили в свое время А. П. Сумароков, А. Н. Радищев, М. М. Щербатов, но составитель Медведев места им не нашел. Зато отвел седьмой том первому профессиональному русскому фантасту Владимиру Одоевскому (1804—1869), автору первой же технофутуристической утопии «4338-й год: Петербургские письма», написанной в 1840 году.

Присматриваясь к русской фантастике конца XIX — начала XX века (для этой цели можно использовать изданную в 1983 году и доступную в сети библиографию Виталия Бугрова и Игоря Халымбаджи), мы видим разнообразие

тем, так и не превзойденное советскими авторами в последующие десятилетия. Здесь впервые мелькают сюжеты, ставшие потом общим местом. Так, например, повесть Леонида Афанасьева (Богоявленского) «Путешествие на Марс» вышла в 1901-м, за 22 года до «Аэлиты» Алексея Толстого, но тема социального отставания марсианского общества в ней уже присутствует. В романе Александра Богданова (Малиновского) «Красная звезда» марсиане, наоборот, опередили землян в развитии, но куда интересней, что они сами первыми прибывают на Землю и делают это тайно. Тема секретной уфологии и сепаратных контактов с инопланетянами будет развита у нас лишь через 109 лет романом Александра Зорича «Красные звезды».

В 1895 году масон Александр Амфитеатров выпустил сборник повестей «Жар-цвет», в котором рассказал о соприкосновении обыденности с таинственными явлениями, то ли потусторонними, то ли непознанными доселе наукой. С 1913 по 1914 год оккультист Александр Барченко опубликовал романы «Доктор Черный», «Из мрака» — они рассказывали об эзотерических тайнах Востока, о духовном наследии древних цивилизаций. Только в 1963 году их традицию продолжит палеонтолог Иван Ефремов романом «Лезвие бритвы».

Вот перечень некоторых сюжетов дореволюционных российских сочинений из списка Бугрова и Халымбаджи. Оживленный ученым человек прошлого чувствует себя чуждым новому миру — это сюжет «Авиатора» Евгения Водолазкина (2018). Пересадка человеческого сознания в мозг собаки — позже тема отозвалась в «Финансисте на четвереньках» Зиновия Юрьева 1965 года. Путешествие микроскопического существа по кровеносным сосудам человека — об этом фильм Стивена Спилберга «Внутреннее пространство» (1987).

Видение на расстоянии, взаимопроникающие пространства. Рецепт эликсира молодости, передающийся по наследству в роду скромного московского аптекаря (задолго до пьесы Чапека «Средство Макропулоса»). Пересадка частей тела, оживление умерших (это уже веком позже Мэри Шелли). Деревья-хищники. Чтение мыслей, лучи смерти, путешествия во времени. Климатическая катастрофа и жизнь в искусственно поддерживаемых условиях. Строительство и эксплуатация космического корабля, движущегося за счет давления солнечных лучей. Прибор, позволяющий наблюдать за событиями прошлого. Путешествие по планетам Солнечной системы. Посещение Земли в прошлом обитателями Луны. Заключение сознания в кристаллы. Жизнь в двухмерном мире, антигравитация.

Часто сюжеты русских фантастов следуют за Гербертом Уэллсом, ставшим первопроходцем множества фантастических тем. Еще Виктор Шкловский отмечал, что фантастика Булгакова «сделана из Уэллса»: «Роковые яйца» — из «Пищи богов», «Собачье сердце» — из «Острова доктора Моро». Хотя, скорее всего, в то время сходные идеи просто носились в воздухе.

Чего стоит только мода 20—30-х годов на необыкновенные лучи. Лучи жизни и смерти появляются в целом ряде сочинений того времени, так же как идея электромагнитного управления сознанием человека.

Как отметил Г. М. Пращкевич, еще в 1912 году Валерий Брюсов упоминал в статье «Пределы фантазии» некий французский роман, публикуемый в *Le Matin*, — героем его был юноша, которому одно легкое заменяли пересаженные жабры акулы. Роман Александра Беляева «Человек-амфибия» с точно таким же сюжетом появился в 1928 году. Последним романом этого автора стал «Ариэль» (1941) — он рассказывает о летающем человеке.

Но о летающем человеке Александр Грин еще в 1923 году написал «Блистающий мир», причем отнюдь не в жанре научной фантастики. Роман Грина был первой историей о человеке со сверхспособностями, тема которого давно стала в американском масскульте ведущей. Своим играющим сверхчеловеком Грин полемизировал с Фридрихом Ницше и предвосхищал тему «люденгов», придуманных братьями Стругацкими 60 лет спустя. Грин, в отличие от прагматического Беляева, представляет собой пример сугубого компенсаторного эскапизма.

Есть расхожие сюжеты, озвученные задолго до появления бестселлера Оссендовского 1922 года «Звери, люди и боги», рассказывающего о тайных странах Шамбале и Агарты, в них вероятно влияние книг Елены Петровны Блаватской. Русские путешественники попадают в Гималаях в неведомый город, где английский физик Блом кует тайное оружие. Другие русские путешественники вступают в борьбу с английским химиком, в глуши Тибета проводящим бесчеловечные эксперименты. Этот сюжет о сумасшедшем ученом, засевшем в труднодоступном экзотическом месте и угрожающем миру, тоже идет от «Острова доктора Моро» Уэллса. Он был растиражирован советскими фантастами: Александром Беляевым в «Продавце воздуха», Сергеем Беляевым в «Радиомозге», Юрием Долгушиным в «Генераторе чудес», Александром Казанцевым в «Пылающем острове», Лазарем Лагиным в «Патенте АВ». А восточные легенды о Шамбале, наряду с прочим оккультизмом, успешно популяризировал уже в 1970—1980-е годы советский фантаст Еремей Парнов (пока всю эту восточную мистику не осмелили в своем пародийном романе 1997 года Андрей Лазарчук и Михаил Успенский).

Или вот еще сюжеты из 1910-х годов: в пещерах близ Байкала экспедиция обнаруживает «написанную на древнесанскритском языке» историю могущественного государства, погибшего во времена оледенения; карликовая раса, чье существование в пещерах неведомого острова поддерживается за счет внутреннего тепла Земли. Эти тексты стали предшественниками широко развернувшегося в 1990-х направления исторической конспирологии.

3.

Золотой век российской фантастики, именуемый также «третьей волной» (это было условно третье поколение фантастов после довоенного времени и периода 40—50-х годов XX века), ознаменовался явлением в конце 1950-х годов Ивана Ефремова и братьев Стругацких.

Со смертью вождя народов и последующим «раскручиванием гаек» авантюрные романы 1920-х (М. Шагинян, И. Эренбург), политические памфлеты 1930—1940-х (Н. Шпанов, Л. Лагин) и технотриллеры 1940—1950-х (А. Казанцев, Г. Адамов) сменились романтическими утопиями о будущем всего человечества. Пафос борьбы с врагами (будь то капиталистические хищники или косная природа) уступил место мечте о новом человеке и его космической экспансии. В другом виде эта мечта была изложена в работах русских философ-космистов, более конкретно — у К. Э. Циолковского.

В советской художественной литературе хватало произведений о космических путешествиях, целью которых становились планеты Солнечной системы. Например, Александр Беляев написал в 30-е годы прошлого столетия «Прыжок в ничто» и «Звезду КЭЦ», следуя работам именно Циолковского. Книги Владимира Владко «Аргонавты Вселенной» и Бориса Анибала «Моряки Вселенной» рассказывали о полетах на Венеру и Марс. Георгий Мартынов

создал цикл «Звездоплыватели», Александр Казанцев — «Планету бурь». Но все это (как и первая повесть Стругацких «Страна багровых туч») были истории отдельных героических экспедиций во враждебный мир, рассказанные по возможности правдоподобно.

В капиталистическом мире в это время всюду продвигался жанр «космической оперы», где люди легко перемещаются между мирами, в которых происходят сражения людей с нечеловеческими расами, процветает вселенский феодализм с баронами и королями, плетутся межпланетные и межзвездные политические интриги. В России еще в 1924 году вышел роман Н. Муханова «Пылающие бездны» о войне Земли с Марсом в XXV веке, который, впрочем, на десятилетия вперед остался лишь единичным случаем, не приветствуемым советскими цензорами. На Западе же пользовались популярностью «марсианские» повести Эдгара Райса Берроуза и «галактические» романы Эдмонда Гамильтона. Сам термин *space opera* появился только в 1940 году и носил характер насмешки. Театральная опера представляет собой жанр крайне условный и до смешного пафосный, а «мыльными операми» назывались примитивные шоу для скучающих домохозяек. Так и новое словечко стало обозначать фантастическую халтуру об авантюрных приключениях на чужих планетах.

Роман Ивана Ефремова 1957 года «Туманность Андромеды» халтурой не назовешь, но по части пафоса и условности он мало уступал театральной постановке с поющими персонажами в нелепых костюмах. Важно, что он являл полную противоположность буржуазным образцам. Автор исходил из того обоснованного теорией научного коммунизма соображения, что цивилизация, достигшая уровня технологии, позволяющего выйти в далекое космическое пространство, должна уже в силу исторических закономерностей избавиться от классовых противоречий и сопутствующих им грехов агрессивности и стяжательства. Все разумные существа Вселенной, объединенные линией связи Великого Кольца, — дружелюбны и позитивны.

Очевидно желание любого читателя фантастики столкнуть ефремовскую утопию со Вселенной западной космооперы. Иван Антонович ощущал это противоречие двух моделей будущего (высмеянное Стругацкими в третьей части «Понедельника...», где они отправили Привалова в путешествие по выдуманному миру). Поэтому он сам попробовал показать противостояние двух социально-литературных систем в романе «Час быка», отправив своих идеальных коммунаров на встречу с заповедником человеческого прошлого.

Что касается использованных Ефремовым формул, интересен самый захватывающий эпизод «Туманности», о котором советские школьники узнавали из учебника «Природоведение» за четвертый класс (эпизод был там приблизительно пересказан и даже иллюстрирован). В этом эпизоде звездолет «Тантра» совершает вынужденную посадку на странной планете, где находит мертвый дискообразный корабль неизвестной цивилизации. Экипаж подвергается нападению некоей чудовищной формы жизни... Пересматривая сейчас соответствующие сцены экранизации 1967 года, со всей очевидностью понимаешь, что именно отсюда выросла завязка знаменитого фильма Ридли Скотта «Чужой» 1979 года, положившего начало целой кинофраншизе.

Второй после Ивана Ефремова успешной попыткой создать эпическую картину существования человечества в доступной Вселенной стала книга братьев Стругацких «Возвращение (Полдень, XXII век)», впервые изданная в 1961 году, а позже значительно расширенная и открывшая цикл «мира Полудня». Как и «Туманность Андромеды», это роман с несколькими сюжетными линиями

и многими персонажами. Фактически это роман в рассказах, в первой части которого есть переход от ближнего будущего к дальнему, обоснованный участием персонажа-рассказчика в экспедиции на релятивистском космическом корабле, перепрыгнувшем за время полета через десятилетия. Роман Станислава Лема «Возвращение со звезд» с точно такой же сюжетной завязкой вышел в том самом 1961 году. Опять, надо полагать, сходные идеи носились в воздухе.

Если персонажи Ефремова лишены в своем далеком-предалеком будущем определенных национальных и культурных черт и носят выдуманные имена, то герои Стругацких в XXII веке немногим отличаются от современников авторов и имена у них преимущественно русские. Мир Полудня и утопией-то назвать не поворачивается язык, слишком уж он похож на идеальные советские 60-е, в которых остались исключительно хорошие люди, а все начальники куда-то исчезли, наладив предварительно материальное изобилие. Характерно, что Стругацкие не только подвели под утопию идейную базу в виде теории воспитания новых людей в интернатах, но и наглядно показали, как это воспитание работает (причем сделали это живо и без всякого утопического занудства).

В полуденном мире немало странностей, которые легко объяснить условностями жанра и литературы в целом, но если подходить к делу серьезно (а фэны Стругацких относятся к их творчеству серьезнее некуда), то концы с концами не сходятся. Мир этот, к примеру, крайне малонаселен: в нем нет мегаполисов, и все знают всех. Понятно, что и сейчас все заметные люди знают друг друга благодаря соцсетям, но там и интернета-то нет, только всемирный информаторий, куда можно обращаться с запросами. Управляет миром Полудня некий Совет, в который входит десяток-другой специалистов. Зато в нем наделена исключительными полномочиями организация КОМКОН-2 (первый КОМКОН — это «Комиссия по контактам», второй — «по контролю»).

Еще больше странностей в исследуемой Вселенной. Необъяснимо доминирование в космосе человечества. Все немногочисленные цивилизации, отличные от людей, замкнуты на себя и отказываются от экспансии. Зато в следующих романах цикла одна за другой открываются планеты, населенные такими же, как и мы, людьми, только отстающими по развитию. Все загадки этой Вселенной списываются на сверхцивилизацию Странников, оставившую в космосе следы своей деятельности, но удалившуюся невесть куда вместе с коммунистической номенклатурой.

В десятые годы нашего века эти странности соберет и объяснит все разом Михаил Харитонов в своем конспирологическом фанфике по миру Стругацких — огромном романе «Факап». Впрочем, его остроумное объяснение мира Полудня большинству читателей творчества братьев не по душе и считается в их среде циничным глумлением.

Тема космических путешествий и открытий была широко представлена в советской фантастике 60—70-х, тут можно назвать имена Генриха Альтова, Валентины Журавлевой, Евгения Войскунского и Исаия Лукодянова, Владимира Михайлова и многих других. Однако альтернативной Ефремову и Стругацким попыткой создания масштабной и связной картины будущего можно считать, пожалуй, лишь роман Георгия Гуревича «Мы из Солнечной системы» и ряд примыкающих к нему повестей. Гуревич, в отличие от автора «Туманности Андромеды», описывал близкое будущее, но был сходен с Ефремовым своим научным и инженерным, конструкторским подходом к писательству.

В то же время писатели из круга Стругацких — Дмитрий Биленкин и Кир Булычев — создали немало произведений, не претендующих на собственную

версию будущего, зато переносящих в необыкновенные обстоятельства психологию и проблемы современного им человека. Сквозные персонажи их повестей — психолог Полюнин у Биленкина и врач Павлыш у Бульчева — работали в ближнем и дальнем космосе, частично заселенном людьми, сталкиваясь с разнообразными обстоятельствами и коллизиями. Разумеется, с ними случалось немало приключений, хотя в целом это была этически ориентированная производственная проза в духе раннего Василия Аксенова или Михаила Анчарова.

Позже схемы Биленкина и Бульчева продолжил пермский компьютерщик Евгений Филенко, с десятилетнего возраста, по его собственным словам (он 1954 года рождения), сочинявший рассказы в духе мира Полудня. Его цикл «Галактический консул», начатый одноименным романом 1994 года, состоит из более чем десятка книг и до сих пор не закончен, последняя книга вышла в 2020 году.

Первой формально признанной отечественной космической оперой стала серия повестей Сергея Снегова, выходявших с 1966 по 1977 год и после объединенных в роман «Люди как боги». Цикл был задуман автором как неявная полемическая пародия на западный жанр (да и на Ефремова с «Туманностью» тоже), но читатели в массе принимали его совершенно серьезно. Снегов поражал советского гражданина непривычным масштабом свершений и легкостью, с которой эти свершения осуществляются. Его человечество будущего, вполне себе по канону коммунистическое, путешествовало в лице довольно схематических, но обаятельных героев по галактике, встречаясь с самыми невероятными формами разумной жизни, в том числе враждебной. В романе Снегова даже случилась галактическая война гуманистических цивилизаций с мизантропической расой уничтожителей. Сейчас у фэнов принято относиться к этому эпосу скептически и считать его наивным, но не исключено, что через века он будет читаться лучше «Илиады» и «Одиссеи».

Заметным этапом освоения космоса русской литературой стал роман Сергея Павлова «Лунная радуга», первая книга которого вышла в 1976-м, вторая в 1983-м, а в 1991-м появилось его продолжение «Волшебный локон Ампары». Характерно, что у Павлова за три года до выхода «Жука в муравейнике» Стругацких (где впервые действует КОМКОН-2) описано Международное управление космической безопасности и охраны правопорядка (МУКБОП) — организация, занимающаяся вопросами безопасности во Внеземелье. Фабула романа Павлова состоит в том, что у космонавтов, побывавших в определенных пространственных локациях, появляются сверхспособности.

Надо сказать, что сверхспособности, не связанные с какими-то техническими приспособлениями или манипуляциями с организмом, — тема в отечественной литературе сравнительно редкая. После Александра Грина можно вспомнить разве что «Ночного орла» Александра Ломма 1965 года (снова о летающем человеке), «Быстрые сны» Зиновия Юрьева 1976 года (о внезапно возникшей способности к телепатии), «Дьявола среди людей» Аркадия Стругацкого 1991 года (о возможности человека убивать на расстоянии всех, кто ему не нравится). Была еще крайне интригующая и сумбурная повесть «Эффект бешеного солнца» Александра Полещука 1970 года, где история послевоенного забайкальского института сходилась с темой крылатых людей, старообрядцев-скрытников и возможностью сжигать вражеские самолеты, синхронизировав свой разум с активностью солнца.

Стоит назвать и прекрасного Вадима Шефнера, в повестях которого герои обретали самые разные волшебные дары. Но Шефнер был сказочником, а мы говорим о «научной» фантастике с ее рациональным посылом.

Достижением Сергея Павлова стала идея о том, что сверхспособности (неясно, за счет чего и каких сил обретенные) нуждаются в контроле и контроль этот не всегда возможен. Именно эта идея легла в нашем веке в основу сначала серии комиксов, а потом успешнейшего американского сериала *The Boys* — о борьбе простых, но мотивированных людей с супергероями.

Вторая важная идея «Лунной радуги» и «Волшебного локона Ампары» — неизбежность разделения человечества в ходе его эволюции на две неравные части (эту тему Павлов поднял раньше Стругацких с их лоденами из повести «Волны гасят ветер», но реализовал куда проще, скорее в духе фильмов компании *Marvel*). И довеском к тому — мысль о том, что космос меняет людей.

Другой ключевой момент истории жанра — повесть Александра Мирера 1969 года «Главный полдень», расширенная в 1976 году до романа «Дом скитальцев». Ставшая первой частью романа повесть представляет собой вариацию сюжета о космических похитителях тел (см., например, «Кукловоды» Хайнлайна 1951 года), сопряженного с канонической советской историей пионеров-героев, противостоящих захватчикам. Во второй части книги пионеры становятся разведчиками-диверсантами в сердце враждебной цивилизации, и это поистине новый сюжетный ход. В мире Полудня возникло понятие «прогрессоров» — людей, внедряемых на отсталые планеты для ускорения их развития. Стругацкие следовали тут Юлиану Семенову, воспевавшему прогрессорскую деятельность советской разведки в странах Африки и Латинской Америки. Но сюжет, в котором похитителям тел после отражения их агрессии еще и наносится превентивный удар через внедренных агентов, — такого, пожалуй, нигде еще не было. Причем, в отличие от Юлиана Семенова, Мирер придумал сюжет сам, не консультируясь в КГБ.

Вторая половина 1980-х была слишком интересным временем, чтобы фантазировать о космосе, а первую половину 1990-х отметил разве что мастер графоманского треша, патологический фантазер и предприниматель Юрий Петухов, начавший с издания газеты «Голос Вселенной» и романов с названиями типа «Звездная месть» и «Бойня», а закончивший жизнь запрещенным человеком, ересиархом, прославленным в кругах маргинальных националистов.

Во второй половине 1990-х появилась наконец настоящая, не пародийная российская космоопера. Родоначальником ее стал уроженец Казахстана и потомственный психиатр Сергей Лукьяненко, дебютировавший в крупной форме повестью «Рыцари сорока островов», обнуляющей в этическом плане всю детолюбивую фантастику Владислава Крапивина. С 1996 по 1997 год Лукьяненко опубликовал три эпических романа о космическом будущем землян.

Классической спресе орега среди них, пожалуй, был только трехтомный роман «Лорд с планеты Земля». Там сошлись многие формулы: история «попаданца» — простого русского парня, спасшего принцессу из другого мира; война с комическим злом, спасение родины; перенос во времени, изменение истории. Пересказ этой трилогии напоминает стиб, но автор изо всех сил старался быть серьезным. Диалогия «Линия грез» — «Императоры иллюзий» играла на прямых заимствованиях и была для неискушенного российского потребителя пропуском в мир англоязычных фантастических технологий. Зато роман «Звезды — холодные игрушки» стал показательным этапом в осмыслении Россией своего нынешнего положения.

Советские граждане, выросшие в благополучные послевоенные годы, были в основном уверены, что живут в лучшей и самой передовой стране мира. Разумеется, ценились привозимые из буржуазного зарубежья «ништяки» в виде

модной одежды и бытовой техники, однако сознание своего мирового лидерства хоть и подтачивалось в 1970—1980-е, но все же сохранялось у наших людей до конца. Конец наступил в январе 1992 года, когда денежная реформа обнулила рубль и лишила народ сбережений. Россия, в глазах ее жителей, внезапно отказалась от всего достигнутого и стала нищей провинцией цивилизованного мира.

В романе «Звезды — холодные игрушки» вдруг выясняется, что отсталое человеческое общество ничего, по межзвездному счету, не стоит, но сами люди представляют собой дорогой ресурс, поскольку по своим природным особенностям могут водить космические корабли через изнанку пространства. К этой, с виду уничижительной, но в то же время и вдохновляющей схеме Лукьяненко прибежал и позже. В одном из последних его циклов выясняется, что сверхцивилизация паразитов владеет Землей и человечеством с незапамятных времен.

В то же время середины 1990-х, благодаря свободному рынку, появились и совершенно бессовестные космооперы, списанные у старых американцев. Одним из первопроходцев этого форменного «эксплуатейшн» стал Роман Злотников, офицер и преподаватель военного вуза. Прочитавшую читательскую оценку его романа «Шпаги над звездами», изданного «ЭКСМО-пресс» в 1998 году. Оценка опубликована на сайте fantlab.ru: «Сверхсмелость и сверхдерзость авторская: матриархат и жесточайшие захватнические войны; межзвездная интеграция и средневековая организация Социума; загоризонтный технический прогресс (по отношению к современной цивилизации) и холодное оружие; космические корабли и пиратский абордаж (в космосе!)».

В начале XXI века, после ухода Ельцина, возникла новая субъектность российского государства, слабость которого была очевидна, кажется, всем. В 2002 году вышел поразительный роман Андрея Лазарчука и Ирины Андронати «За право летать». В нем под новый, 2000 год Землю окружили боевые корабли неизвестной цивилизации, первым делом уничтожившие все наши компьютеры без возможности восстановить их. Основное действие происходит позже, в 2014 году, когда Земля стала ключевым пунктом космической войны, причем оборонять ее приходится подросткам до 16 лет — только их психика совместима с интерфейсом переданных землянам орбитальных истребителей.

Два продолжения — «Сироты небесные» и «Малой кровью» — вышли в 2003 и 2005 годах, составив трилогию «Космополиты», выпущенную под одной обложкой в 2006-м. Сам автор, Андрей Лазарчук, характеризует свой эпос не как космическую оперу, а как «оперетту с канканом», однако тон трилогии серьезный и драматический, там есть и мелодрама, и трагедия, и захватывающая фантазия. Книга собрала большой набор не самых стандартных сюжетных ходов и фабульных тем: уфологию с похищениями людей, космическую робинзонаду, наемничество, межзвездных хиппи, свободно гуляющих по Вселенной без всякой техники, и опасных, более чем разумных котов, готовых разорвать за украденного котенка.

Интересно, что Андрей Лазарчук позже участвовал в кинопроекте сериала по мотивам «Главного полдня» и «Дома скитальцев», а когда проект был закрыт, обнаружил в 2018 году повесть «Целое лето» — формально сиквел романа Александра Мирера, на деле — оригинальную конспирологическую версию всего происходящего с человечеством (хотя понятно, что имелось в виду происходящее с нашей страной, опутанной сетью чужих влияний).

Переломным пунктом в истории русской фантастики стала трилогия Александра Зорича, состоящая из романов «Завтра война», «Без пощады» и

«Время московское», печатавшихся с 2003 по 2006 год. Россия и русский язык там снова доминируют в космосе, причем на дворе настоящая монархия, а манеры и нравы господ офицеров и членов их семей максимально приблизились к прекрасной эпохе царствования Александра II. Для оправдания столь рискованного допущения авторы (Александр Зорич — это содружество харьковских интеллектуалов Яны Ботман и Дмитрия Горdevского) придумали невнятную идею культурной ретроэволюции, но антураж захватывал и поражал. Темой трилогии стала космическая война между новой русской империей и странно обособленным человеческим анклавом, практикующим клонирование и исповедующим зороастризм, — последнее было дружеской подначкой в адрес русского националиста Константина Крылова (он же писатель Михаил Харитонов), объявившего себя зороастрийцем.

Уже в 90-х годах появилась тенденция спрессовывать фантастические темы в постмодернистский пастиш, составленный из пародийно сплавленных сюжетов массовой культуры. Одним из первых и определенно самых показательных примеров стал конспирологический роман Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ», в котором выкупленный у чекистов поэт Николай Гумилев становился посвященным и почти бессмертным функционером тайной организации «Пятый Рим» и странствовал по свету, выполняя спецзадания и встречаясь со всеми знаменитыми людьми века — от Агаты Кристи и Марлен Дитрих до Яна Флеминга, описавшего его позже как Джеймса Бонда.

В нулевых годах на смену четвертой волне фантастов, проявивших себя в 80-х и 90-х годах, пришло поколение фэнов, читателей и активистов КЛФ. Ведущим направлением стал фанфик — жанр принципиальной вторичности.

Самыми яркими представителями постмодернистского пастиша в космической фантастике стали Андрей Лях и Сергей Жарковский. Оба эти автора решили, что ничего нового в жанре уже не придумать, но можно комбинировать и доводить до предела уже существующее. Прочитав собственную рецензию на роман Андрея Ляха «Челтенхэм», победивший в 2018 году на литературной премии «Новые горизонты».

«Мир романа сложен из реалий, персонажей, сюжетов, обкатанных в массе книг, фильмов, компьютерных игр, но узость круга читателей задает вовсе не это. Автор, человек умный, способный и в писательстве отнюдь не беспомощный, вольно или невольно нарушает ряд простых правил беллетристики, превращая текст, собранный, в сущности, из известных клише, в чтение не для всех».

«Челтенхэм» стал приквелом к роману «Реквием по пилоту», которым автор дебютировал в 2000 году. Вот характерный отзыв читателя с сайта fantlab.ru: «По всем известным мне параметрам роман скорее плох... Эклектика чудовищная... Герои утрированно одномерные... Но во всей этой безумной эстетике бездна обаяния. Бесподобный антураж, декорации выше всяких похвал».

Главная особенность писателя Ляха в том, что он пишет для собственного удовольствия, собирая в известном ему литературном мире все самое для себя лакомое, и смакует собранный мед, стараясь не упустить ни одного нюанса. Фанфиком (от сочетания fan fiction) обычно называют любительское подражание конкретному автору. Лях подражает целому корпусу любимых произведений. В 2006 году он не поленился переписать историю планеты «Дюна» из знаменитого романа Фрэнка Герберта, превратив ее в микс множества самых разных сюжетов, как заимствованных, так и выдуманных им самим.

Сергей Жарковский тоже начинал с подобных попури из любимых книг (под псевдонимом Сергей Антонов), но, будучи по натуре перфекционистом,

сумел создать опус-магнум «Я, Хобо» (вышедший бумажной книгой два раза, в 2005 и 2011 годах), в котором диалектически вывел принципиальную вторичность в новое качество. Первая половина его романа с невероятным реализмом и подкупающими подробностями рассказывает о буднях неких космических рабочих, тянущих в пространстве межзвездную трассу. Это производственный роман высокого класса — на уровне «Территории» и «В августе сорок четвертого». А во второй половине происходит слом — оказывается, что весь неописуемый героизм и вся самоотверженность строителей служат лишь прихоти высокого чиновника, придумавшего этот проект для удовлетворения своей личной цели. Подвиг поколений обнуляется низостью изначального замысла. Далее мы переносимся на очень странную планету, которая и была целью политической аферы, и пересказать, что там происходит, практически невозможно (на сайте fantlab.ru есть шесть десятков недоуменных и восторженных откликов). Один из самых важных моментов — тот же, что в «Лунной радуге»: космос не просто пространство, он меняет и делает из человека кого-то другого.

4.

Российская фантастика, в отличие от российской космонавтики, всегда отставала от Запада и всегда ориентировалась на него. Сначала русские писатели шли за Гербертом Уэллсом, после за Хайнлайном, потом за Дэном Симмонсом, еще позже — за Питером Уоттсом. Однако, заимствуя чужие схемы, наша литература всегда добивалась новых смыслов и нового качества.

Есть тема, в которой наши писатели обогнали весь прочий мир. Это тема заколдованного места, Зоны. О ней мы расскажем в следующий раз.

ИЗДАНО В СИБИРИ

НОВОСИБИРСК

Далаш Дьёрдь. История российских немцев: от Екатерины Великой до наших дней. — Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2022. — 376 с.

Книга венгерского историка и писателя Д. Далаша представляет собой основательный документальный труд и вместе с тем очень живое повествование, рассказывающее о судьбе российских немцев на протяжении 230 лет — с середины XVIII до конца XX века.

В своем исследовании автор подробно описывает условия жизни первых переселенцев и их потомков, погромы во время Первой мировой войны, существование образованной после Октябрьской революции автономной республики немцев Поволжья, депортацию в начале Великой Отечественной войны и принудительный труд, попытки восстановления немецкой автономии в период реабилитации с последовавшим массовым возвращением немцев в Германию в годы перестройки.

Книга впервые публикуется на русском языке и адресована широкому кругу читателей.

Розенберг Сюзанна. Советская одиссея: путь от Канады до узницы ГУЛАГа. — Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2022. — 288 с.

Воспоминания Сюзанны Розенберг — переводчицы, журналиста, преподавателя — охватывают широкий период времени: от 20-х до 80-х годов XX века. Ее одиссея, странствие через время, страны и культуры, включает дружбу с известными творческими людьми, испытания Гражданской и Великой Отечественной войн, гибель близких во время сталинских репрессий, а также арест, тюрьмы и каторжный труд в сибирских лагерях строгого режима. На страницах этой книги, которая является осмыслением советского феномена, перед читателем предстает судьба неординарной личности, яркой женщины.

Книга впервые публикуется на русском языке и адресована широкому кругу читателей.

Койфман Александр. Хроники времен Великой Маркграфини: в 3 томах. — Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2021—2022. — 1252 с.

Этот роман-трилогия по-новому раскрывает историю выдающейся личности Средневековья — Матильды Каносской, которая была правителем земель в Северной и Центральной Италии, политическим деятелем, рыцарем, вела военные действия. Перед современным читателем предстает панорама главных событий, происходивших в Европе XI—XII веков. Произведение показывает колоритные картины средневековой жизни: замки, сражения, борьба за власть, рыцарские турниры, политические интриги, в том числе связанные с католической церковью. Достоверные описания быта и этикета, характеров и взаимоотношений героев позволяют погрузиться в эпоху.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Маранин Игорь, Тихонов Александр. Тайны Оби и легенды Иртыша. Мифы, легенды и байки с берегов больших и малых рек Западной Сибири. — Новосибирск: Изд-во «Свиньян и сыновья», 2021. — 274 с.

Эта книга — попытка двух сибирских писателей и краеведов (Игоря Маранина из Новосибирска и Александра Тихонова из Омска) рассказать истории и легенды городов и деревень Обь-Иртышского бассейна современным языком цифровой эпохи. Выбранный формат помогает сделать текст не только увлекательным, но и привычным для читателей поколения блогов и социальных сетей, полнее и ярче раскрыть перед ними реальные события минувших веков и легенды, сформировавшиеся у народов, населявших эти места в прошлом. Помимо тайн и загадок, хранимых древними сибирскими реками, авторы разворачивают перед читателем богатую деталями картину быта прежних времен, начиная с путешествий по сухопутным трактам и речным путям и заканчивая рассказами о забытых промыслах, подорожных документах и конокрадстве.

МИНУСИНСК

Круглов Сергей. Записки почерком Times New Roman. — Минусинск: Изд-во «Ошаров и К», 2022. — 648 с.

Сергей Геннадьевич Круглов — православный священник, поэт, публицист. Родился в 1966 году в Красноярске, служит в Спасском соборе города Минусинска. Автор двух десятков книг стихов и прозы, лауреат премии Андрея Белого (2008) и нескольких других литературных премий, колумнист интернет-издания «Православие и мир», в 2013—2016 годах — автор и ведущий передачи «Поэзия. Движение слов» о современной русской поэзии на «Радио Культура». Стихи и проза Сергея Круглова публиковались в литературных журналах и альманахах как в России, так и в переводах на европейские языки в Европе, США и странах СНГ.

В книге представлены выбранные за ряд лет записи Сергея Круглова из его интернет-дневника — наблюдения и размышления о вере и Церкви, литературе и искусстве, жизни и людях.

Сенчин Роман. Дóма. Повести и рассказы. — Минусинск: Изд-во «Ошаров и К», 2022. — 340 с.

Сборник повестей и рассказов Романа Сенчина объединяет география. Действие происходит в Енисейской Сибири — в Туве, Хакасии и на юге Красноярского края. А если герои встречаются, например, в Москве, речь у них заходит об Абазе, тайге, Саянах... Сенчин не идеализирует жизнь. Когда-то известная писательница, многолетний завлит Минусинского театра Ирина Ефремовна Шадрина так сказала о его прозе: «Книги Романа не документальные очерки, не репортажи о действительных событиях и людях, а художественные произведения на тему, которая у автора звучит как непрерывная тревога, ощущается как боль за то, что с нами происходит».

Кравченко Надежда. Сказания о руде ирбинской: исторический роман: в 4 книгах. — Минусинск, 2022. — 608 с.

Роман рассказывает о непростой истории освоения сибирских земель в XVIII—XIX веках. Тяжелые судьбы, яркие характеры героев, события, формирующие новый облик сибирских просторов, способствующие приращению российского могущества, изложены в романе с исторической достоверностью, со знанием нравов, быта и языка пришедших более двух веков назад на эту землю, за которую было заплачено потом, кровью, изломанными судьбами. Кандальники, старoverы, служивые, приписные крестьяне, мещане, купцы — основные герои этой книги.

Основано на реальных событиях и архивных документах.

ХУДОЖНИК СЕРГЕЙ МЕНЬШИКОВ: МАСТЕРСТВО, ТРУД, ИМПРОВИЗАЦИЯ

Интервью

В ландшафте изобразительного искусства Сибири имя С. М. Меньшикова, живописца, графика, монументалиста, — величина заметная, укорененная, ставшая знаком профессионального мастерства и широкого творческого диапазона.

Родился Сергей Михайлович в Новосибирске, 2 декабря 1957 года, в семье известного скульптора Михаила Ивановича Меньшикова (1922—1988). Старший брат — художник Даниил Меньшиков. Сергей учился в Свердловском художественном училище и Ленинградском художественном училище им. В. А. Серова. В 1983-м впервые участвовал в областной выставке, в 1993-м стал членом Союза художников России. Первую персональную выставку провел в 1995-м в Новосибирской картинной галерее, позднее были выставки в Томске, Ханты-Мансийске, Новокузнецке, Барнауле, Санкт-Петербурге. Работал главным художником Дворца культуры им. М. Горького в Новосибирске, Сибирского русского народного хора. В качестве педагога сотрудничает с Новосибирским художественным училищем.

Решением Российской академии искусств в 2015 году награжден медалью Академии — «Достойному», в 2018-м — Золотой медалью «Духовность. Традиции. Мастерство» Союза художников России. Произведения находятся в музеях, галереях и частных собраниях России, США, Франции, Швейцарии, Бельгии, Индонезии, Германии и других стран. Живет и работает в Новосибирске.

Знаковые работы в живописи

— Самая, пожалуй, известная моя картина — «Такие вот дела» (2008). Ее сюжет появился в Татарске, где я расписывал храм. Я много раз о ней рассказывал. А вот работы, которые я сам считаю знаковыми: «Путь в вечный город» («Свет Византии») и «Бег».

Картина «Путь в вечный город» (2008) заказная, мне ее заказали в уже готовый интерьер. Такой хайтековский, современный: ровные стены, ровный потолок, ровный пол. Размер картины два на два метра. Она от пола, наверное, сантиметров семьдесят и почти до потолка. Сложность была в том, что заказчик не сформулировал задание. Просто картина в интерьер. Какая картина? Какой мотив? О чем? В каком стиле? Вообще ничего. Я переделал кучу эскизов, причем довольно подробных. Один из эскизов позднее воплотился в картину «Шопинг», она хранится в Новосибирском художественном музее. Я просто перенес эскиз, увеличив, и получилась эта картина.

Долго я мучился с эскизами, не помню, сколько месяцев. И наконец случилась почеркушка, буквально «пятиминутка». Я в ней увидел какие-то ритмы, что-то зацепило меня. И я развернул работу по созданию этой двухметровой громадины. Поначалу создавал там какую-то среду: какие-то пятна, какие-то

ритмы, постепенно они детализировались в подобия зданий, в какой-то город. И как-то сами собой там стали без спросу появляться люди, эти люди потребовали от меня конкретизации. Постепенно картина стала приобретать сюжетность. И когда в конце концов случился центральный персонаж, она уже приобрела смысл.

Совершенно другим был путь создания «Бега» (2013). Это такие поиски темы, сидя за столом: то натюрморт, то пейзаж... И как-то так карандаш сам собой заскользил-заскользил, и вышли образы этого мужчины и этой женщины. Время от времени, перелистывая свои наброски, я на них натыкался и видел в них нечто эмоционально мне близкое, сильное, необъяснимое. И когда забрехала крупная выставка, решил все-таки попробовать сделать картину. Причем я был как-то очень внутренне уверен, что она получится. Затеял эту лодку с героями. И многие свои мысли и представления о мироустройстве, человеческом развитии, цивилизациях, их истории, их гибели попытался превратить в какую-то цельность, влить в картину. Есть там знаковые изображения цивилизаций, библейский текст... Картина находится в Ming Dian Gallery (Тайвань). Тяжело с ней расставался. Когда ее увезли, в прямом смысле слова заболел.

Путешествую ли сам? Меня тянет на реку, иногда так тянет, что сил нет. Беру лодку, увожу на берег, иду по течению. Остаюсь один на берегу. Вода. Величайшая река, которая проносит мимо такие массы воды... Вдох чего-то такого настоящего. Песок, костер. Одиночество. Тишина, полная тишина. Ложишься спать и понимаешь, что вокруг ни звука вообще. Ни звука на таком огромном пространстве. Для меня это своего рода медитация, стряхивание шелухи.

Спасский собор в Куйбышеве

— У меня большой опыт в храмовой росписи, но выделю работу, которой занимаюсь сейчас, — Спасский собор в Куйбышеве. Как я попал на роспись? В 2021 году у меня попросили использовать мою мастерскую как локацию для съемок короткометражного фильма. Фильм был снят, вышел на экраны, даже получил какие-то премии. Называется «Гигантская флуктуация». (Можно посмотреть, если интересно.) А в коллективе кинематографистов с декорациями работал художник Егор Дубук, человек очень симпатичный, молодой, деятельный такой. И он обнаружил в мастерской фотографии моей росписи храмов. Оказалось, что ему тоже предложили расписать купол в храме. Я с ним общался, проникся к нему симпатией. Он как-то добросовестно с декорациями обошелся, восстановил мастерскую после съемок, какие-то нарушения исправил.

И вот он предложил мне тоже принять участие в росписи купола Спасского собора. Ситуация была совершенно экстремальная, сроки совершенно нереальные. За неделю расписать купол площадью 150 квадратных метров, написать там лик Иисуса Христа, при этом размер его головы — около 5 метров. Можно представить себе масштаб.

Заказчик выбрал художника по каким мотивам? Он увидел в городе фасады домов, которые были каким-то образом расписаны, украшены изображениями. Увидев их, решил, что человек сможет работать на высоте и изобразить все что угодно. С ним еще был приятель. Бригада из двух человек, и я третий, если соглашусь.

У меня на тот период были планы, но я посмотрел на ребят и понял, что их профессионального опыта не хватит, чтобы выполнить эту работу. Они никогда не расписывали храмы. Я решил, что парней надо выручать, и, даже не зная,

сколько заработаю и сколько будет затрачено сил, энергии, поехал с ними. И в результате — да, мы работу сдали в срок, но не в лучшем виде. Надо понимать, что это все было очень экстремально, то есть не было вообще подготовительной работы, которая в подобных случаях длится очень долго и совершенно необходима, чтобы такой размер переносить на стену.

А дальше я, понимая, что положиться, кроме как на себя, мне в этой работе не на кого, стал уже ответственно и добросовестно, как это полагается, готовиться к дальнейшему этапу, делать подробные эскизы. Ну и в процессе этой подготовки уже познакомился с заказчиком и вышел на второй этап. Мой сосед по мастерской, художник Виктор Петрович Хандрыкин, присоединился ко мне, хотя опыта иконописной работы не имел. И Кирилл Мезенцев, совсем молодой парень без опыта. И еще я эпизодически привлекал свою дочь Галину, декоратора, выполнившую часть работы, которую только она и сумела бы сделать.

Это была уже апсида, алтарный выступ храма, где Богоматерь с младенцем. Так называемый сюжет Оранта в апсиде алтаря. Не считая предварительной работы, мы над этим фрагментом работали месяц. И когда уже фрагмент был выполнен и заказчик его увидел, он мне прямым текстом сказал: я тебя никуда не отпущу, ты здесь будешь все писать и за все будешь отвечать. И таким образом пошла дальнейшая работа.

В чем профессиональный вызов для меня? Я впервые в храмовой росписи выступал и как автор, и как руководитель проекта. Это значит, что эскизы мои, авторские, не копии с других работ. Хотя, конечно, в храмовой живописи основные композиционные моменты повторяются, но все равно авторское видение, у меня во всяком случае, присутствует. Я сделал авторский проект, ставлю себе зачет.

Сейчас выполнено около одной десятой росписи Спасского собора, девять десятых еще предстоит освоить. В этом году работа продолжается.

Профессиональная мечта

— Я свою деятельность не причисляю к удовольствию. Это работа. Какое удовольствие, например, испытывает человек, который вставляет окна? У него грязь, он таскает ведра, кладет кирпичи, что-то измеряет... Работа напрягает голову, руки, глаза. Она втягивает в себя, поглощает твою энергию. И нужно попасть в поток... Удовольствие — это когда сделано.

А о чем мечтаю? Хотелось бы синтезировать то, что я умею в разных областях. У меня есть абстрактная живопись, книжная графика, проекты интерьеров... Цикл черно-белых иллюстраций в технике «тушь, перо» к роману У. Голдинга «Повелитель мух» остался не издан. Проект оформления вестибюля и фойе концертно-театрального центра «Евразия» в Новосибирске сделан в 2015 году. Рисовать я немножко умею, техническими навыками работы с материалами владею. Найти мотив, образ — и на полную катушку все свои умения выложить. В реальной жизни же существует некоторый разброс: часть своих способностей реализую там, часть там... А вот сделать станковую картину или серию картин, чтобы соединить все свои умения, хотелось бы. Большую картину — полгора, два, три метра.

Я человек ведомый. Когда мне предлагают какую-то работу, стараюсь не отказываться. В процессе ее выполнения учусь чему-то новому. Практически все самое лучшее в этой жизни у меня случается в процессе импровизации.

Записала **Вера Колодезева**

АВТОРЫ НОМЕРА

Гобзев Иван Александрович родился в 1978 г. в Москве. Окончил философский факультет МГУ, кандидат философских наук. Читает лекции в НИУ ВШЭ. Печатался в журналах «Нева», «Новая Юность», «Урал», «Волга» и др. Автор трех книг прозы. Живет в Москве.

Гушан Алексей Николаевич родился в 1984 г. в городе Лодейное Поле Ленинградской области. Окончил Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. Создатель и руководитель Дома-музея тумского сказителя «Были-небыли». Публиковался в журналах «Москва», «Берега», «Юность», «Наш современник» и др. Автор трех поэтических книг. Лауреат многих российских и международных литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в п. Тума Рязанской области.

Девятъярова Инна Викторовна родилась в 1978 г. в Омске. Окончила Омский государственный институт сервиса. Работает главным бухгалтером. Публиковалась в российских и зарубежных изданиях, в том числе в журналах «Уральский следопыт», «Техника — молодежи», «Искатель», «Знание — сила», «День и ночь» и др., в коллективных сборниках рассказов. Лауреат ряда литературных конкурсов, победитель II Международного конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной» (2022). Живет в Санкт-Петербурге.

Злобин Володя родился в 1990 г. в Новосибирске. Трудится разнорабочим. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в Новосибирске.

Иванченко Валерий родился в 1963 г. в Магадане. Окончил исторический факультет Алтайского государственного университета. Работал обозревателем газеты «Книжная витрина». Член жюри и номинатор литературной премии «Новые горизонты». Печатался в «Сибирских огнях». Живет в Барнауле.

Колодезева Вера Яковлевна родилась в 1977 г. в Якутске. Окончила Якутский государственный университет им. М. К. Аммосова, Академию труда и социальных отношений (Москва), Иркутский областной

колледж культуры. Начальник отдела Новосибирской областной детской библиотеки им. А. М. Горького. Составитель, автор печатных материалов, электронных продуктов, посвященных новосибирским писателям и художникам-иллюстраторам детской книги, организатор выставок книжной графики. Живет в Новосибирске.

Подушкин Андрей родился в 1966 г. в Челябинске. Окончил Челябинский индустриальный техникум. Работал корреспондентом районной газеты, грузчиком, лифтером, разнорабочим. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Дети Ра», «Южная звезда» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Челябинске.

Прохоров Сергей Владимирович родился в 1969 г. в Новокузнецке. Окончил Кемеровский государственный университет. Юрист. Живет и работает в Кемерове.

Пэйт Элинор (Eleanor Pate) родилась в 1984 г. в п. Шушенское Красноярского края. Натуралист, фотограф, писатель. Работала в Саяно-Шушенском заповеднике, национальном парке «Шушенский бор». Член Союза журналистов России. Автор ряда публикаций, а также сборника стихов и сборника рассказов. Живет в штате Техас, США.

Сафонов Олег Александрович родился в 1974 г. в Кемеровской области, окончил естественно-географический факультет Новокузнецкого государственного педагогического университета и юридический факультет НФИ Кемеровского государственного университета. Работал учителем, заместителем директора, директором детского дома и общеобразовательной школы. Публиковался в журнале «Сибирские огни» и в коллективных сборниках. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» за 2022 г. Живет в Новокузнецке.

Чолокян Владимир Тигранович родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Публиковался в «Сибирских огнях». Роман «Железный повод» вошел в длинный список премии «Нацбест» в 2021 г. Живет в Пензе.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 21.03.2023. Дата выхода № 4 за 2023 г. в свет 21.04.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,07. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.